

Съверные сборники

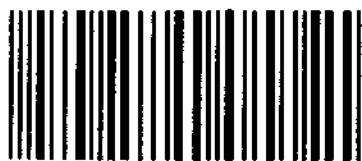
Издательство
"Штольник"



книга первая

с. п. в.
1907





2007062971



Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЕНСЪ ПЕТЕРЪ ЯКОВСЕНЪ.

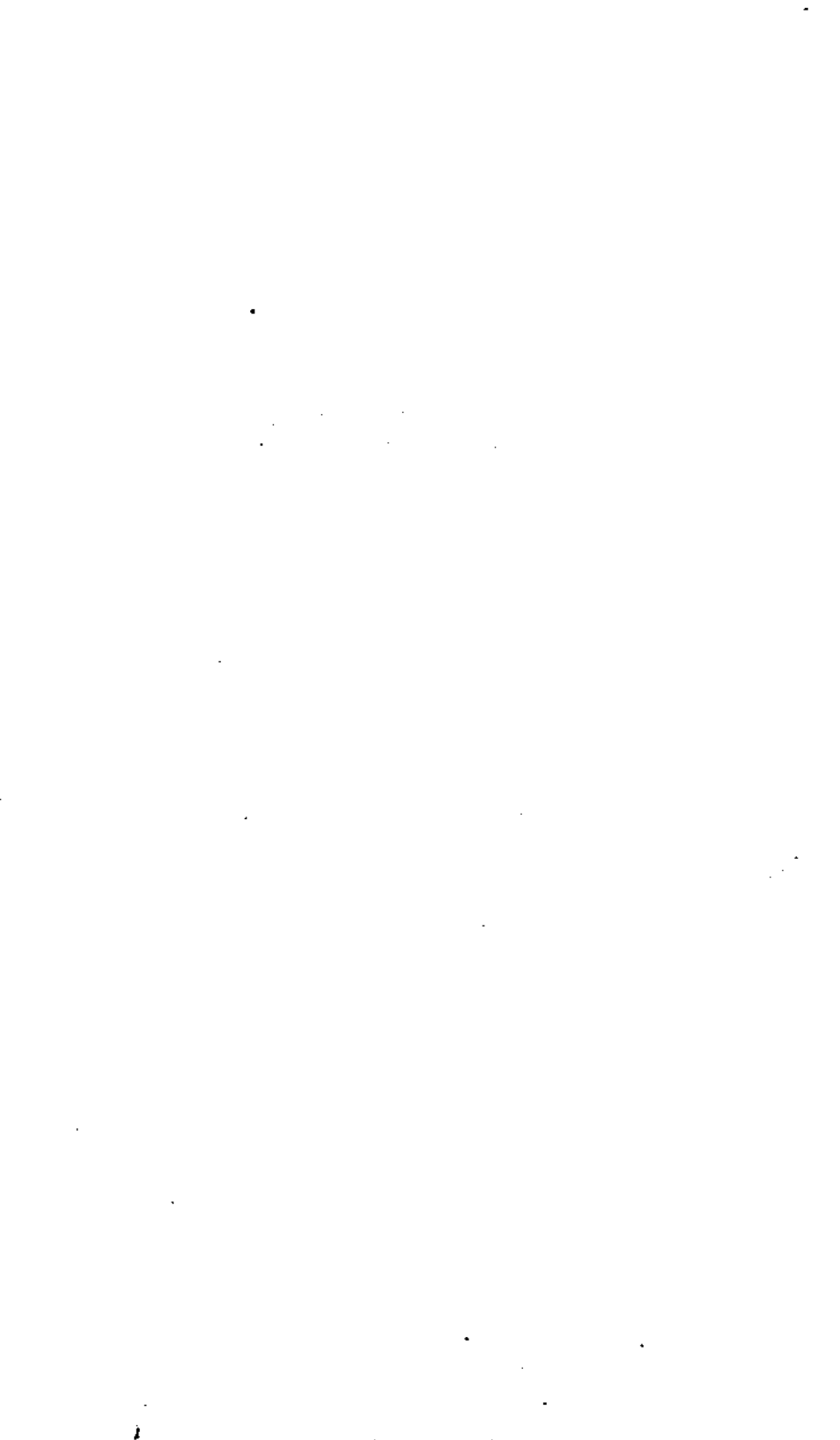
- I. Могенсъ, Пер. А. Острогорской.
- II. Пусть розы здѣсь цвѣтутъ. Пер. Ал. Блока.

СЕЛЪМА ЛАГЕРЛЕФЪ.

- I. Семь смертныхъ грѣховъ. Пер. С. Городецкого.
- II. Преступникъ. Пер. С. Городецкого.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

- I. Четыре бѣса. Пер. Ѳедора Сологуба.
- II. Ея Высочество. Пер. Ѳедора Сологуба.



ІЕНСЪ ПЕТЕРЪ ЯКОБСЕНЪ.

I. МОГЕНСЪ. Пер. А. Острогорской.

II. ПУСТЬ РОЗЫ ЗДѢСЬ ЦВѢТУТЬ. Пер. Ал. Блока.



Иенсъ Петеръ Якобсенъ.

(1847—1885).

Старые датскіе буки сближаютъ свои верхушки и наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ. Это самый сильный ароматъ, какой можетъ издавать лѣсъ, и кажется, будто онъ сгущается и медленно и тяжело падаетъ на землю. Съ Зунда глухо доносится слабый монотонный ропотъ; это скорѣе эхо прибора, слабо дрожащее въ воздухъ и замирающее въ лѣсу. По землѣ мягко скользятъ тѣни буквыхъ верхушекъ, между ними весело играютъ яркіе, теплые солнечные лучи. И все это вмѣстѣ—ароматъ буквыхъ деревьевъ, и ропотъ Зунда, и игра свѣта и тѣней—сливается въ одностонную, проникнутую спокойствіемъ и величіемъ тишину, полную таинственности и меланхоліи. Если въ такой обстановкѣ родится и вырастаетъ поэтъ, надѣленный всѣми дарами истинно-художественной натуры, то онъ будетъ отличаться особой впечатлительностью, особенно тонкой организаціей, всѣ органы чувствъ его будутъ особенно изощрены, и всѣми своими нервами онъ будетъ воспринимать ароматы, краски и звуки этой своеобразной природы. Въ Даніи былъ такой поэтъ, и подобно тому, какъ въ лицѣ *Георга Брандеса* она дала наиболѣе чуткаго критика, такъ въ лицѣ *Иенса Петера Якобсена* мы встрѣчаемся съ наиболѣе чуткимъ изъ поэтовъ ея.

Жизнь Якобсена протекала тихо и просто; никакихъ крупныхъ событій, никакихъ сильныхъ страстей, ничего выдающа-

гося, ничего могучаго. Онъ самъ пишетъ 25 ноября 1880 г. изъ Тистеда Георгу Брандесу въ отвѣтъ на его вопросъ о событіяхъ его жизни: „Что касается событий, то я не могу назвать ничего, что имѣло бы интересъ и было бы достойно упоминанія“. Онъ родился 7 апрѣля 1847 года въ Тистедѣ, небольшомъ городкѣ съ четырьмя тысячами жителей къ сѣверо-западу отъ Лимфіорда. Отецъ его былъ зажиточный мелкій провинціальный торговецъ безъ малѣйшаго образованія, и позднѣе даже не имѣвшій никакого представленія о значеніи своего сына, къ тому же скупой и узкосердечный человѣкъ; мать его тоже безъ всякаго образованія, но полная нѣжной любви къ Іенсу Петеру и очевидно не вполне лишенная пониманія его поэтическихъ наклонностей. Когда Якобсену минуло шестнадцать лѣтъ, онъ отправился въ Копенгагенъ и поступилъ вначалѣ въ учебное заведеніе братьевъ Даль. Впрочемъ, онъ тамъ не отличался прилежаніемъ и проводилъ цѣлыя дни въ городскомъ рву, вылавливая изъ воды разныя травы; результатомъ такого времяпровожденія было то, что онъ провалился на экзаменѣ. Копенгагенскій писатель *Скрамъ* даетъ въ датскомъ журналѣ „Tilskueren“ („Зритель“) за іюнь и іюль 1885 года нѣкоторыя интересныя сообщенія о юности автора „Нильса Лине“ и „Маріи Груббе“. Въ то время Якобсенъ рѣдко проявлялъ познанія, которыя выдѣляли бы его среди другихъ; блѣдный юноша, чрезмерно худой и высокій, шедшій всегда слегка наклонившись впередъ, ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія въ умственномъ отношеніи. Однако, онъ дома усердно читалъ поэтовъ, даже самъ дѣлалъ нѣкоторыя попытки поэтическаго творчества и въ 1864 году издавалъ еженедѣльный журналъ „Qvas“, никогда не печатавшійся и имѣвшій всего одного подписчика.

Въ Копенгагенѣ Якобсенъ изучалъ преимущественно естественныя науки. Въ противоположность своимъ товарищамъ онъ очень заинтересовался ученіемъ Дарвина, на-

писалъ нѣсколько статей о теоріи Дарвина въ „Nyt dansk Maanedskrift“ и перевелъ нѣкоторыя части изъ его сочиненій „О происхожденіи видовъ“ и „Происхожденіе чело-вѣка“. Онъ написалъ также удостоившуюся университетской преміи въ 1873 году статью: „Aperçu systématique et critique sur les desmidiacées du Danemark“, напечатанную въ „Journal de Botanique“, Copenhague, 1874.

Объ этой статьѣ онъ говоритъ въ упомянутомъ уже письмѣ къ Георгу Брандесу (25 ноября 1880, Тистедъ): „Что я написалъ статью о десмидіяхъ, это вы знаете. Она называется „Aperçu critique et systématique sur les desmidiacées du Danemark“ и написана чрезвычайно основательно; но читалъ ли ее хоть одинъ чело-вѣкъ, это весьма сомнительно“.

Уже въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ замѣтна черта, очень часто проявлявшаяся въ натурѣ Якобсена: иронія. Скрамъ утверждаетъ, что Якобсенъ приобрѣлъ ироническій тонъ въ студенческомъ кружкѣ, въ которомъ онъ вращался между 1867—69 годами. Иронія, повидимому, и придавала ему больше увѣренности и опредѣленности въ обращеніи. Робкій и сдержанный въ началѣ, онъ приобрѣлъ потомъ нѣкоторую увѣренность; онъ скрывалъ свою богатую душевную жизнь за иронизирующей внѣшностью, „его словъ никогда нельзя было принимать въ буквальный смыслъ“. Но въ общемъ онъ сохранялъ свою аристократическую замкнутость, гордость и большая чуткость были у него всегда сдерживающими элементами. Молчаливо и незамѣтно, днемъ за книгами, ночью въ различныхъ кафе датской столицы—такъ онъ провелъ свои студенческіе годы.

Въ то время онъ началъ сильнѣе сознавать свое поэтическое призваніе. Въ 1869 году онъ явился къ Георгу Брандесу съ стихотвореніями. Среди этихъ поэтическихъ опытовъ находился циклъ пѣсенъ, воспѣвающихъ исторію любви Вольдемара и Говы, кромѣ того стихотвореніе „Арабеска“.

Брандесъ нашелъ въ этихъ стихотвореніяхъ различные недостатки и въ этомъ смыслѣ и написалъ Якобсену. Но онъ призналъ въ авторѣ ихъ талантъ; вотъ что онъ пишетъ позднѣе объ этихъ поэтическихъ опытахъ: „оригинальность еще находится въ нихъ въ зачаткѣ, но въ языкѣ есть извѣстная широта, извѣстная сила въ выраженіи чувствъ, которыя много общають“. Дѣйствительно, „Арабеска“, напримѣръ, содержитъ въ себѣ не мало чертъ, которыя встрѣчаются въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Якобсена въ болѣе тонкой и усовершенствованной формѣ; такъ образъ кроваво-красныхъ ягодъ на бѣломъ снѣгу относится уже всецѣло къ тѣмъ временамъ, когда всякіе красочные контрасты словно касались нервовъ поэта, терзали ихъ.— Нѣкоторое время спустя Якобсенъ написалъ новеллу „Могенсъ“.

„Могенсъ произвелъ впечатлѣніе откровенія изъ дивной страны, о которой никто не зналъ, гдѣ она находится“, пишетъ Скрамъ. Это было дѣйствительно откровеніе, потому что въ этомъ разсказѣ открылся въ первый разъ сказочный міръ, въ которомъ не было ничего вымышленнаго, проявился романтизмъ, въ которомъ было что-то реальное, обнаружился стиль, точно сотканный изъ красокъ и тоновъ, дающій безконечную смѣну настроеній, то весь горящій пламеннымъ пыломъ, то мягко вибрирующій грустью и тоской.

Въ „Могенсъ“, какъ и въ другихъ болѣе позднихъ произведеніяхъ Якобсена, нѣтъ настоящаго, художественно расчлененнаго и постепенно развивающагося дѣйствія. Событія изъ жизни молодого Могенса разсказываются здѣсь отрывочно, иногда нанизываясь другъ на друга безъ всякой связи. Подобнымъ же образомъ позднѣе описывается жизнь Маріи Груббе и Нильса Лина.

Марія Груббе, дочь Эрика Груббе изъ Тьеле, выходитъ замужъ въ Копенгагенѣ за Ульрика Фредерика Гильден-

леве, близкаго родственника короля, но скоро разочаровывается въ своихъ ожиданіяхъ, въ поискахъ за идеаломъ, къ которому она стремится, опускается все ниже и ниже и кончаетъ тѣмъ, что выходитъ замужъ за простаго извозчика. Въ послѣдніе годы своей жизни она встрѣчается съ магистромъ Людвигомъ Гольбергомъ, который нѣкоторое время живетъ въ домѣ извозчика. Однажды она рассказываетъ магистру исторію своей жизни. „Долженъ сознаться, говоритъ Гольбергъ, что я совершенно не понимаю, какъ вы могли предпочесть обыкновеннаго конюха и нищаго такому безукоризненному кавалеру, какъ его превосходительство штаттгальтеръ“. Марія Груббе объясняетъ, что она „чувствовала къ нему такое отвращеніе“, что съ трудомъ выносила его видъ. „Къ несчастному же настоящему мужу моему, напротивъ, я была охвачена такой быстрой и внезапной склонностью, что могу ее приписать только естественному влеченію, которому и невозможно было противостоять.—Вотъ это такъ разсужденіе!—отвѣчаетъ магистръ.—Намъ, значить, остается только всю жизненную мораль упаковать въ ящикъ и отправить на Блоксбергъ и затѣмъ жить, сообразуясь только съ малѣйшими побужденіями нашего сердца, потому что нѣтъ такого безнравственнаго поступка, котораго нельзя было бы разукрасить и оправдать естественнымъ и непреодолимымъ влеченіемъ“.

„Марія Груббе“ является вслѣдъ за „Нильсомъ Лине“ самымъ крупнымъ по размѣрамъ произведеніемъ Якобсена. Въ смыслѣ языка Якобсенъ достигаетъ въ этой вещи мастерства, повергающаго читателя въ изумленіе. По отзывамъ знатоковъ 17-го столѣтія онъ самымъ изумительнымъ образомъ уловилъ тонъ той эпохи, въ которую происходитъ дѣйствіе разсказа. И здѣсь мы встрѣчаемъ то же неизсякаемое богатство красокъ и тоновъ, какое видимъ на каждомъ шагѣ въ „Могенсъ“.

Якобсенъ былъ уже тяжело боленъ, когда писалъ „Ма-

рію Груббе“. Въ немъ рано развилась болѣзнь легкихъ, о которой онъ не зналъ или не хотѣлъ знать. Въ 1873 году онъ провелъ короткое время въ Италіи, и во Флоренці у него сдѣлалось кровотеченіе изъ легкихъ. Всѣ его крупныя работы были написаны въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ его жизни, среди страданій, причиняемыхъ развивавшеюся болѣзнью. Въ 1877 году, благодаря полученію стипендіи, онъ снова отправляется въ Италію и тамъ, а также въ Montreux, а потомъ и въ Тистедѣ, усердно работаетъ надъ большимъ романомъ „Нильсъ Лине“, который кончается въ 1880 году.

„Нильсъ Лине“ обратилъ на себя величайшее вниманіе литературныхъ круговъ Даніи. Къ числу лицъ, открыто выражавшихъ свое восхищеніе этой вещью, принадлежалъ и *Генрикъ Ибсенъ*. Въ одномъ изъ писемъ Якобсена къ Брандесу отъ 31 января 1881 года, изъ Тистеда, мы находимъ слѣдующее сообщеніе: „Отъ Гегеля (владелецъ книжнаго магазина Гильдендальскаго издательства въ Копенгагенѣ) я узналъ, что Ибсенъ очень высокаго мнѣнія о „Нильсѣ Линѣ“, что онъ употребилъ четыре недѣли для прочтенія его, что онъ каждый день говоритъ о немъ и на своихъ вечернихъ собраніяхъ читаетъ отрывки изъ него; недавно Ибсенъ самъ писалъ Гегелю, что это „тонкое произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ; я могу даже сказать, что оно принадлежитъ къ самымъ выдающимся вещамъ, какія наше время создало въ этой области“. Такія вещи всегда пріятно слышать“.

Несмотря на это, на книжномъ рынкѣ эта книга имѣла вначалѣ незначительный успѣхъ. 31 января 1881 года Якобсенъ пишетъ изъ Тистеда: „Я потерялъ всякую надежду на новое изданіе“. Въ это время у него большое желаніе переѣхать въ Копенгагенъ, но у него нѣтъ денегъ для этого. Онъ хотѣлъ бы также предпринять путешествіе за границу—все тщетныя желанія. „Приходится ждать“, пи-

шетъ онъ, „покуда я напишу свою большую драму, къ которой у меня даже еще идеи нѣтъ“. Онъ надѣется получить стипендію отъ государства, но встрѣчаетъ отказъ. 25 февраля онъ пишетъ въ Копенгагенъ о своихъ разбитыхъ надеждахъ. Онъ въ грустномъ настроеніи, но хотѣлъ бы все-таки „написать что-нибудь свѣтлое, легкое, блестящее, полное жизнерадостности и веселія“. Но и этому не суждено было сбыться.

Кромѣ „Могенса“, „Маріи Груббе“ и „Нильса Лине“ Якобсенъ оставилъ еще новеллы: „Выстрѣлъ въ туманѣ“, рассказъ, весь проникнутый чрезвычайно мрачнымъ настроеніемъ, „Два міра“—трогательный рассказъ о женщинѣ, которая старается при помощи волшебнаго средства перенести свою болѣзнь на молодую дѣвушку, дѣйствительно выздоравливаетъ, но умираетъ потомъ подъ вліяніемъ угрызений совѣсти, между тѣмъ, какъ молодой дѣвушкѣ ея волшебное средство не причинило никакого вреда.—„Чума въ Бергамо“, коротенькій, но потрясающій своей силой рассказъ, и, наконецъ, „Пусть розы здѣсь цвѣтутъ“, маленькій эскизъ, въ которомъ его любовь къ сотканному изъ настроеній, красочному описанію природы доходитъ до аффектаціи, и „Фрау Фёнсъ“.

Эта новелла, безконечно тонкая и нѣжная, въ которой ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявилась тонкая впечатлительность Якобсена, была его послѣдней работой, его прощаніемъ съ міромъ, съ прекрасной, чарующей и вѣчно творящей природой, которую онъ любилъ, чувствовалъ и понималъ, какъ никто другой, съ надеждами, рисовавшими еще передъ его потухающимъ взоромъ свои обманчивые воздушные замки, съ идеаломъ, за который онъ боролся и за который охотно*бы умеръ на полѣ брани, какъ желалъ умереть Нильсъ Лине.

Онъ вернулся въ Тистедъ почти умирающимъ, потому что, вопреки запрещенію врача, ѣхалъ безостановочно двад-

цать семь часовъ. Онъ снова поправился, и силы къ нему вернулись. Тогда онъ поѣхалъ въ Копенгагенъ. Но незадолго до Рождества 1884 года болѣзнь его снова усилилась, и врачебное изслѣдованіе показало, что ему больше нечего ждать. Въ маленькой, сырой студенческой квартиркѣ въ Копенгагенѣ, на Ny Adelgade, авторъ „Нильса Лине“ кончилъ свое земное существованіе. Его потухающій взглядъ былъ устремленъ на мать, ухаживавшую за нимъ все послѣднее время его болѣзни съ самопожертвованіемъ и безконечной любовью.

Въ Якобсенѣ всегда была какая-то сдержанность, аристократическая замкнутость, и какъ въ студенческіе годы онъ съ стыдливой гордостью скрывалъ отъ другихъ свои знанія и способности, такъ и позднѣе онъ ревниво оберегалъ свои мысли и чувства отъ посторонняго взора. Такимъ образомъ, за незамѣтной, молчаливой и наблюдающей внѣшностью скрывалась богатѣйшая и своеобразнѣйшая жизнь чувства. Можно сказать, что всѣ ощущенія, ищущія у прочихъ людей выхода наружу, у него уходили вглубь, становясь интенсивнѣе, острѣе, тоньше. Въ его жизни не было ни одной любовной исторіи, ни одного любовнаго приключенія, а между тѣмъ у него была натура безусловно чувственная, эротическая. Но этотъ робкій и въ то же время пламенный эротизмъ, проникавшій въ его существо, не находя внѣшняго выхода, обратился внутрь и приобрѣлъ ту чрезмѣрную утонченность и нѣжность, какими проникнуть и эротизмъ Могенса и Нильса Лине.

Якобсенъ имѣлъ полное основаніе утверждать, что въ его „Нильсѣ Лине“ особенно ярко выразился датскій характеръ. Въ датскомъ характерѣ есть что-то, напоминающее мягкія береговыя линіи Зеландіи — какая-то уходящая въ даль мечтательность, расплывчатость, неопредѣленность

И таковы и герои Якобсена, Нильсъ Лине, и Могенсъ, и Марія Груббе и многіе другіе; всѣ они мечтательны и мягки и привязчивы, у нихъ такъ мало чувства реальности, и они живутъ охотнѣе всего въ мірѣ туманныхъ образовъ, у нихъ слишкомъ много тонкой, черезчуръ тонкой чувствительности, и поэтому они безпрестанно приходятъ въ конфликты съ существующимъ порядкомъ вещей.

Можетъ быть, этотъ національный элементъ проявляется у Якобсена и въ стилѣ. Это особенно легко замѣтить, если сопоставить его стиль со стилемъ новѣйшихъ норвежскихъ писателей. У датчанина все мягко, округло и туманно, у норвежцевъ угловато, рѣзко и опредѣленно.

У Якобсена чрезвычайно трудно отдѣлить форму отъ содержанія. У него форма точно спаяна съ содержаніемъ или лучше говоря, она вырастаетъ изъ содержанія, зарождается изъ него. Форма и содержаніе словно сливаются въ одну массу, въ блестящія, дышащія зноемъ, полныя настроенія картины. Онъ живописецъ, макаящій свою кисть во всѣ краски настроенія. Гдѣ онъ не можетъ пустить въ дѣло эту кисть, тамъ рука его нѣмѣетъ. Поэтому, развитіе дѣйствія не доставляетъ ему никакого удовольствія; когда дѣло доходитъ до фактической, исторической стороны, онъ топчется покончить съ нею и дѣлаетъ самыя рискованныя скачки, только чтобы поскорѣе миновать эту часть работы, которая для него является второстепенной.

Ему техника всегда казалась чѣмъ-то неважнымъ и весьма второстепеннымъ. Да, впрочемъ, и не въ технику заключается крупное значеніе Якобсена, и не ею объясняется то вліяніе, которое онъ имѣлъ на молодое поколѣніе своихъ соотечественниковъ. Его сила, его значеніе заключаются въ его стилѣ, этомъ сверкающемъ соединеніи свѣта и красокъ, этомъ созвучіи тысячи тоновъ.

„Онъ величайшій колористъ прозы нашего времени. Съ-верная литература, несомнѣнно, никогда не знала такой живо-

писи словами, какую даль онъ. Его языкъ насыщенъ красками. Его стиль это—созвучіе красокъ. Онъ наиболѣе душевный, наиболѣе поэтичный и своеобразный представитель нашей прозы. Все, что онъ видитъ, становится своеобразнымъ, все, что онъ пишетъ, получаетъ печать своеобразности. Форма его своеобразна до манерности, тонъ искреникъ до болѣзненности. Все у него сгущено, сдвинуто тѣсно безъ промежутковъ, „два міра“ на десяти страницахъ. Каждая капля изъ сокровищницы его языка тяжела и крѣпка, какъ капля элексира или яда, полна аромата, какъ капля восхитительнаго драгоцѣннаго напитка. Въ его положеніи есть что-то плѣнительное, чарующее*.

Такъ писалъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ, посвященной Якобсену.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ еще въ ранней молодости усердно занимался естественными науками. Въ Копенгагенѣ, будучи въ университетѣ, онъ продолжалъ эти занятія; онъ никогда не бросалъ ихъ совершенно и еще въ послѣдніе годы жизни собирался написать большое естественнонаучное сочиненіе. Все его поэтическое творчество находится въ тѣснѣйшей связи съ этими научными изслѣдованіями. Надо строго отличать любовь къ природѣ отъ естественнонаучнаго познанія. Первая была у большинства нашихъ выдающихся поэтовъ, которое Якобсенъ впервые примѣнилъ въ поэтическомъ творествѣ. Такъ образовался стиль, который можно назвать естественнонаучнымъ.

Но это еще не объясняетъ всего. Это не объясняетъ пламенности, огненности стиля Якобсена. Это не могло быть пріобрѣтено путемъ наблюдений, это могло вырваться только изъ глубины сердца, того сердца, которое само такъ чувственно пламенѣло и пылало, которое, казалось, медленно сгорало въ собственномъ пламени.

Еще понятнѣе онъ станетъ намъ, можетъ быть, если мы на эту тонкую естественнонаучную наблюдательность

посмотримъ, какъ на изощренную до крайней степени впечатлительность—впечатлительность не отдѣльныхъ чувствъ, а скорѣе всего тѣла, всего организма. Онъ замѣчалъ краски и тона тамъ, гдѣ мы видимъ только пустое пространство, для него существовало, нѣкоторымъ образомъ, четвертое измѣреніе, которое для насъ всѣхъ остается скрытымъ, каждая вещь въ его глазахъ жила своей особой жизнью, о которой мы до сихъ поръ не знали, которой не подозревали, но которую мы вынуждены признать дѣйствительно существующей, реальной.

Еще удивительнѣе эта необыкновенная чуткость Якобсена тамъ, гдѣ онъ передаетъ человѣческія ощущенія. Особенно яркимъ образцомъ его искусства въ этой области можетъ служить „Фрау Фёнсъ“. Ему доступны не только сильныя, страстныя, властно выступающія на первый планъ чувства, которыя онъ улавливаетъ со всѣми мельчайшими оттѣнками, но и тѣ нѣжныя ощущенія, которыя живутъ неслышно въ глубинѣ нашей души, почти несознаваемая нами, слабо дрожатъ въ ней и лишь изрѣдка вспыхиваютъ блѣдной молніей, расплываясь раньше, чѣмъ успѣютъ облечься въ форму и образъ.

Но только на самомъ себѣ можно было научиться такъ улавливать каждый оттѣнокъ чувства, подслушивать каждое бѣненіе сердца, подмѣчать каждое, самое затаенное движеніе крови. И слова его въ „Маріи Груббе“, относящіяся къ Сти Гёгу: „онъ безпрестанно ощупывалъ самого себя“, не менѣе могутъ относиться и къ нему самому. Только это болѣзненное самоуглубленіе, въ которомъ принималъ участіе каждый нервъ его тѣла, и могло создать психологическую живопись Якобсена.

Въ этой необыкновенной утонченности нервной дѣятельности, несомнѣнно, есть что-то аристократическое. Якобсенъ принадлежитъ къ тѣмъ аристократическимъ, одухотвореннымъ натурамъ, которыя, при всемъ своемъ либе-

реализмъ, отступають передъ отсутствіемъ эстетики въ низшихъ классахъ, и будь даже его физическая конструкція крѣпче, онъ все-таки никогда не могъ бы, подобно своему соотечественнику Грунтвигу, проводить на практикѣ тѣ идеи, которыя онъ носилъ на своемъ знамени. Аристократическая бездѣятельность—это, съ другой стороны, не болѣе, какъ отсутствіе чувства реальности, столь характерное для датскихъ героевъ и героинь Якобсена. Въ этомъ у него заключается корень всѣхъ конфликтовъ.

Нильсъ Лине и Марія Груббе, Эрикъ и Феннимора, Сти Гёгъ и Бартолина—всѣ они не довольствуются тѣмъ, что даетъ и можетъ дать земля, они возносятъ предметы своего поклоненія, восхищенія и любви къ небесамъ, облакаютъ ихъ въ сверкающіе покровы идеала и совершенно уничтожены, когда оказывается, что тѣ, кому они поклонялись, какъ божествамъ, не болѣе, какъ земныя существа.

Для характеристики Якобсена едва ли можно оставить безъ вниманія одинъ моментъ, несомнѣнно, имѣвшій вліяніе на все его поэтическое творчество: это мелкій укладъ жизни его отечества. Всѣ эти бездѣятельные мечтатели, исполненные идей и проектовъ и ничего не заканчивающіе, ничего не совершающіе, разбиваются объ ограниченность и узость жизни на родинѣ. Ихъ мысли уносятся далеко за тѣсныя предѣлы небольшой страны съ двухмилліоннымъ населеніемъ, они бѣгутъ отъ дѣйствительности, пока дѣйствительность не настигаетъ ихъ и грубо будитъ отъ ихъ мечтаній. Таковы Якобсенъ, таковы всѣ его герои и героини.

Это бѣгство отъ дѣйствительности есть характерная черта романтиковъ. Подобно героямъ Якобсена, и герои Эйхендорфа и Новалиса искали когда-то спасенія отъ пыльной суеты повседневной жизни въ царствѣ идеала. И если ремесленники старшаго поколѣнія отвергали опредѣленную правильную дѣятельность, какъ нѣчто непозитичное, неромантическое, и превозносили праздность, какъ высшую роман-

тическую добродѣтель, то то же самое мы видимъ и у Якобсена. Его Нильсы и Могенсы, строго говоря, тоже праздные люди, они живутъ, не признавая никакихъ узъ, никакихъ правилъ, они занимаются поэзіей, не будучи поэтами, какъ Нильсъ, или проводятъ цѣлые дни на лодкѣ, какъ Могенсъ. Никогда нѣтъ рѣчи о матеріальныхъ условіяхъ жизни, никакого намека на заработокъ или состояніе.

И все-таки болѣе, чѣмъ непроходимая пропасть отдѣляетъ Іенса Петера Якобсена отъ романтиковъ старшаго поколѣнія. Если послѣднихъ можно назвать средневѣковыми романтиками, то Якобсенъ вполне современный, естественно-научный романтикъ. Онъ вплетаеъ въ свою романтику результаты современнаго научнаго изслѣдованія. Онъ не отворачивается, подобно своимъ предшественникамъ, отъ движущихъ жизнь, исповѣдующихъ идеи, онъ не бѣжитъ отъ нихъ въ царство мечтаній, напротивъ, онъ ихъ именно и возноситъ на тронъ этого царства, ихъ осуществленіе является для него идеаломъ, голубымъ цвѣткомъ, къ которому онъ стремится со всѣмъ пыломъ, со всею страстью своего сердца. Это уже не слабый, блѣдный, дрожащій лунный свѣтъ, то, что проходить черезъ его романтику — это живая, горячая жизнь, плоть и кровь.

Но Якобсену съ его естественно-научнымъ изслѣдованіемъ не хватало собственно перваго условія истиннаго романтизма — безсознательности. Когда Эйхендорфъ отправляетъ своего героя въ широкій міръ, онъ не думаетъ о томъ, что тому придется когда-нибудь вернуться къ той точкѣ, откуда онъ вышелъ; Якобсенъ же, отправляя своихъ героевъ за идеаломъ, знаетъ совершенно опредѣленно, что они придутъ къ такой точкѣ, гдѣ имъ неизбѣжно придется сломить себѣ шею. Но онъ ихъ все-таки посылаетъ впередъ и самъ выходитъ на борьбу, потому что жажда изслѣдованія, воодушевленіе, стремленіе къ свободѣ гонятъ его впередъ, и поэтому у него въ сущности и не можетъ быть

рѣчи о пессимизмѣ. Борьба, которую онъ ведетъ, это борьба личности противъ господствующаго порядка вещей, личность побѣждена, но борьба продолжается, выставляя все новыхъ борцовъ, и медленно, очень медленно отъ зданія, которое, казалось, должно было существовать вѣчно, откалывается камушекъ за камушкомъ, и настанетъ день, когда побѣдитель укрѣпитъ свое знамя на послѣднихъ обломкахъ разрушеннаго зданія.

Въ Даніи Іенсъ Петеръ Якобсенъ имѣлъ громадное вліяніе на всѣхъ молодыхъ писателей, все, что онъ писалъ, проникло въ плоть и кровь молодого поколѣнія. Своеобразность его пера была достаточно сильна, чтобы вызвать благодѣтельную реформу стили датской прозы и ввести въ нее большую глубину на основахъ естественно-научнаго наблюденія.

Геодоръ Вольфъ.

Могенсъ.

Это было лѣтомъ, среди дня, у одного конца изгороди. Какъ разъ передъ нею стоялъ старый дубъ, стволъ котораго рождалъ въ умѣ представленіе, будто онъ извивается въ отчаяніи отъ полного отсутствія гармоніи между его молодой свѣжей листвою и толстыми, черными, сучковатыми вѣтвями, напоминавшими грубо нарисованныя старо-готическія арабески. За дубомъ пышно разрослись кусты орѣшника съ темной матовой листвою, такой густой, что сквозь нее не видать было ни ствола, ни вѣтвей. Надъ кустами орѣшника возвышались два стройныхъ жизнерадостныхъ клена, съ веселыми, причудливо изрѣзанными, зубчатыми листьями, красными черенками и длинными, болтающимися кистями зеленыхъ плодовъ. За кленами тянулся лѣсъ въ видѣ зеленой, ровной округлости, на фонѣ которой, словно эльфы на зеленой поверхности холма, неутомимо двигались птички, то появляясь изъ нея, то исчезая въ ней.

Все это можно было видѣть, идя полемъ по дорожкѣ, тянувшейся по ту сторону изгороди. Тому же, кто лежалъ въ тѣни дуба, прислонившись спиной къ его стволу, и смотрѣлъ въ противоположную сторону—а этимъ именно и занимался тамъ одинъ человѣкъ—были видны прежде всего его собственныя ноги, потомъ небольшое, поросшее низкой густой травой пространство, большая темная куча крапивы на немъ, далѣе колючая изгородь съ крупными бѣлыми цвѣтами вьюнка, дорога, клочекъ ржаного поля, шесть съ флагомъ у дома юстиціи совѣтника на холмѣ и, наконецъ, небо.

Было удушливо жарко, воздухъ дрожалъ отъ зноя, и все кругомъ было такъ тихо; листья дремали, неподвижно вися на вѣткахъ; ничто не шевелилось, кромѣ майскихъ жуковъ въ кучѣ крапивы, да увядшихъ листьевъ въ травѣ, по временамъ свертывавшихся неслышными, внезапными движеніями, словно съеживаясь подъ солнечными лучами.

Да еще человѣкъ, лежавшій подъ дубомъ; онъ глубоко дышалъ и грустно и беспомощно смотрѣлъ на небо. Онъ сталъ было напѣвать что-то потихоньку и бросилъ, началъ насвистывать и тоже бросилъ, повернулся на другой бокъ, потомъ опять повернулся и устремилъ глаза на старую кротовину, ставшую отъ зноя совсѣмъ свѣтло-сѣрой.

Вдругъ на свѣтло-сѣрой поверхности показалось маленькое, круглое, темное пятнышко, за нимъ еще одно, три, четыре, много, все больше и больше, весь холмикъ вдругъ потемнѣлъ. Въ воздухѣ потянулись длинныя, темныя нити, листья закивали и закачались, и сверху съ шумомъ устремились на землю потоки воды.

Все сіяло, сверкало и искрилось. Листья, вѣтки, стволы, все блестяло влагою; каждая крохотная капля, падая на землю, на траву, на дорогу, разбивалась и, дробясь, разлеталась тысячами мелкихъ жемчужинъ. Здѣсь мелкія капли висѣли съ минуту, наливаясь и вырастая въ крупныя; тамъ онѣ падали внизъ, соединялись съ другими каплями, вырастали въ маленькіе ручейки, убѣгали въ узкія борозды, исчезали въ большихъ отверстіяхъ почвы и вновь появлялись изъ маленькихъ, стремительно неслись дальше, увлекая за собою песокъ, щепки, обломки листьевъ и вѣтокъ, пригибая ихъ ко дну, срывая съ мѣста, кружа въ водоворотѣ и вновь прибывая на дно. Листья, разъединенные съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ почки, снова встрѣчались въ струяхъ воды; мохъ, съжившійся и пересохшій отъ зноя, ожилъ, сталъ снова мягкимъ, нѣжнымъ, зеленымъ и сочнымъ, а сѣрый ясень, почти истлѣвшій въ порошокъ, распустился причудливымъ, отливающимъ серебристымъ блескомъ кружевомъ. Налитые до краевъ бѣлые вѣнчики вьюнка

сжались другъ съ другомъ и обдавали брызгами воды темные стебли крапивы. Толстая, черная лѣсная улитка благодушно высовывалась наружу и признательно глядѣли на небо. А человѣкъ? Человѣкъ стоялъ съ обнаженной головой подъ проливнымъ дождемъ, подставляя подъ прохладныя струи его волосы и брови, глаза, носъ и ротъ, щелкалъ пальцами навстрѣчу дождю, по временамъ приподымалъ слегка ноги, словно готовясь пуститься въ плясъ, встряхивалъ головой, когда въ волосы набиралось слишкомъ много воды, и пѣлъ во все горло, не думая о томъ, что онъ поетъ—до такой степени онъ весь былъ поглощенъ дождемъ:

Если бъ внучку, если бъ внучку я имѣлъ бы, да!
Да еще бы сундуки мои помиллись отъ добра,
У меня была бъ тогда и дочка, да, и дочка, да!
Былъ бы домъ и поле около двора.

Если бъ дочку, если бъ дочку я имѣлъ бы, да!
Да еще бы домъ и поле около двора,
Такъ была бы у меня и милая моя,
Сундуки бъ мои помиллись отъ добра!

Онъ стоялъ и пѣлъ, а въ это время изъ густого орѣшника выглянула маленькая дѣвчья головка. Длинный конецъ красной шелковой шали крѣпко обвился вокругъ вѣтки, которая нѣсколько отдѣлилась отъ другихъ; отъ времени до времени

показывалась маленькая ручка и тянула запутавшийся конецъ, стараясь освободить его, но это вело лишь къ тому, что на голову дѣвушки съ вѣтки и ея сосѣдей обрушивался цѣлый дождь водяныхъ капель. Остальная часть шали плотно окутывала маленькую дѣвичью головку, закрывая половину лба и оставляя въ тѣни глаза, потомъ загибалась назадъ и внезапно исчезала въ листьѣ, но снова появлялась пышнымъ бантомъ на груди. Маленькое дѣвичье личико выражало сильное изумленіе, но видно было, что оно готово разразиться смѣхомъ; глаза уже смѣялись. Но вдругъ тотъ, который стоялъ подъ дождемъ и пѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и увидалъ красный конецъ шали, дѣвичье лицо, большіе каріе глаза и маленькой, изумленно открытый ротъ; онъ остановился въ смущеніи; въ то же мгновеніе раздался легкій крикъ, отдѣлившаяся отъ другихъ вѣтка сильно закачалась, красная шаль исчезла въ мгновеніе ока, исчезло и дѣвичье лицо; за орѣшникомъ послышалось шуршаніе, которое уходило все дальше и дальше. Тогда онъ пустился бѣжать. Онъ не зналъ, для чего онъ бѣжитъ; онъ ни о чемъ не думалъ; радостное возбужденіе, вызванное дождемъ, снова поднялось въ немъ; и онъ побѣжалъ за маленькимъ дѣвичьимъ личикомъ. Ему и въ голову не приходило, что это было живое существо, за которымъ онъ гнался;

онъ видѣлъ только маленькое дѣвичье личико. Онъ бѣжалъ; шуршанье раздавалось справа и слѣва, спереди и сзади, онъ шуршалъ, она шуршала, и весь этотъ шумъ и самая бѣготня увеличивали его пылъ. Онъ крикнулъ:—Куку, гдѣ ты?

Никто не откликнулся. Услышавъ собственный голосъ, онъ снова немного смутился, но продолжалъ бѣжать. Въ эту минуту ему пришла въ голову мысль, одна только мысль, и, продолжая бѣжать, онъ пробормоталъ:— что я ей скажу? что я ей скажу? Онъ увидалъ впереди громадный кустъ; тамъ она спряталась, онъ видѣлъ край ея юбки.

— Что я ей скажу? что я ей скажу?—продолжалъ онъ повторять на бѣгу. Онъ добѣжалъ до куста, быстро отвернулся, побѣжалъ дальше, повторяя все тѣ же слова, и добрался до широкой дороги, продолжалъ еще нѣкоторое время бѣжать по дорогѣ, внезапно остановился и разразился хохотомъ, прошелъ небольшое разстояніе, тихо улыбаясь, и вдругъ началъ хохотать изо всѣхъ силъ. Такъ онъ шелъ всю дорогу вдоль изгороди, не переставая хохотать.

Былъ прекрасный осенній день. Листья кучами сыпались съ деревьевъ, и дорога къ морю была вся усыяна лимонно-желтыми листьями вязовъ и

кленовъ; кой-гдѣ видѣлись пятна болѣе темной листвы. Было такъ пріятно ходить по этому чистому пестрому ковру и глядѣть, какъ листья падаютъ на землю дождемъ; березки, со своими почти оголенными вѣтвями, выглядѣли еще тоньше и воздушнѣе, а рябина такъ красиво выдѣлялась тяжелыми, красными гроздьями своихъ ягодъ. Небо было такъ сине, а лѣсъ казался такимъ большимъ; сквозь деревья можно было заглянуть далеко внутрь. Общее впечатлѣніе усиливалось еще сознаниемъ, что всему этому скоро настанетъ конецъ; лѣсъ, поле, свѣжій воздухъ и просторъ уступятъ мѣсто лампамъ, комнатнымъ коврамъ и гіацинтамъ. Поэтому, юстиціи совѣтникъ изъ Канъ-Трафальгара спустился со своей дочерью пѣшкомъ къ морю, между тѣмъ какъ экипажъ ждалъ ихъ у дома сельскаго старосты.

Юстиціи совѣтникъ былъ большой любитель природы; природа это нѣчто совершенно особенное, это одно изъ прекраснѣйшихъ украшеній существованія. Юстиціи совѣтникъ бралъ природу подъ свое покровительство, защищалъ ее противъ всего искусственнаго; сады это только исковерканная природа, но стильные сады, это природа, лишенная здраваго смысла; природа не знаетъ стилей, Господь Богъ въ премудрости своей создалъ ее естественною, только естественною. Природа это непосредственность, неиспорченность; но

вмѣстѣ съ грѣхопадєніемъ пришла цивилизація; теперь цивилизація сдѣлалась потребностью, но лучше бы это было не такъ; природное состояніе это совсѣмъ другое, совсѣмъ другое. Юстиціи совѣтникъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы люди и теперь поддерживали свое существованіе, расхаживая въ овечьихъ шкурахъ и стрѣляя зайцевъ и куликовъ, бекасовъ и тетеревовъ, оленей и кабановъ. Нѣтъ, природное состояніе это жемчужина, прямо-таки жемчужина.

Юстиціи совѣтникъ и его дочь приближались къ морю. Оно давно уже свѣтилось сквозь деревья, но вполнѣ стало видно лишь, когда они повернули за уголъ, гдѣ стоялъ громадный тополь. Вотъ оно лежитъ передъ ними съ широкими пространствами зеркально-ясной воды и курчавящимися сѣровато-синими языками, съ гладкими и блестящими полосами и полосами, подернутыми рябью; и солнечные лучи спокойно отражались въ гладкихъ полосахъ воды и дрожали и колебались въ струистыхъ, подернутыхъ рябью мѣстахъ. Оно приковывало къ себѣ взглядъ, заставляя его скользить по своей зеркальной поверхности, увлекаая его вдоль причудливыхъ линій своихъ береговъ, то мягко закругленныхъ, то рѣзко изломанныхъ, ведя за собою вокругъ длинной, узкой, зеленымъ языкомъ выдающейся въ воду косы. Потомъ оно вдругъ скрывалась отъ взора,

уходя въ глубь широкихъ бухтъ, но мысль по-прежнему шла за нимъ—хорошо бы теперь покататься! Нельзя ли здѣсь нанять лодку?

— Нѣтъ, этого нельзя, сказалъ маленькій мальчикъ съ бѣлой дачи, стоявшій на берегу и пускавшій въ воду камни. Какъ, совсѣмъ нѣтъ лодокъ? Нѣтъ, есть; у мельника, напимѣръ, есть лодка, но ея нельзя получить; мельникъ не позволяетъ; своего Нильса онъ едва не поколотилъ въ прошлый разъ за то, что онъ отдалъ лодку; объ этомъ нечего и думать; но вотъ у господина, который живетъ у лѣсника Николая, есть великолѣпная лодка, снаружи черная, а внутри красная, и онъ всѣмъ ее даетъ.

Юстиціи совѣтникъ и его дочь отправились къ лѣснику Николаю. На нѣкоторомъ разстояніи отъ дома они встрѣтили маленькую дѣвочку; это была дочь Николая; они попросили ее побѣжать домой и узнать, не могутъ ли они видѣть господина, который у нихъ живетъ. Она пустилась бѣжать во всю прыть, точно дѣло шло о жизни и смерти, пуская въ ходъ и руки и ноги; добѣжавъ до двери, она поставила одну ногу на высокій порогъ и принялась завязывать развязавшуюся подвязку, послѣ чего стремглавъ бросилась въ домъ, сейчасъ же показалась снова, оставивъ за собой двѣ двери настежъ открытыми, и, не успѣвъ еще дойти до порога, крикнула, что господинъ сію ми-

нута выйдетъ; затѣмъ она усѣлась у двери, прислонилась къ стѣнѣ и исподтишка стала оглядывать незнакомыхъ людей.

Господинъ явился; онъ оказался высокимъ, крѣпко сложеннымъ молодымъ человѣкомъ двадцати слишкомъ лѣтъ. Дочь юстиціи совѣтника слегка испугалась, узнавъ въ немъ того самаго человѣка, который пѣлъ подъ проливнымъ дождемъ. Но у него былъ такой странный, отсутствующій видъ; было ясно, что онъ сейчасъ оторвался отъ книги, это было замѣтно по выраженію его глазъ, по его волосамъ и рукамъ, имѣвшимъ какой-то растерянный видъ.

Дочь юстиціи совѣтника шаловливо поклонилась ему, сказала: „куку!“ и размѣялась.

— Куку?—спросилъ юстиціи совѣтникъ.

Ахъ, да вѣдь это то самое маленькое дѣвичье личико; молодой человѣкъ весь покраснѣлъ, пытаясь въ смущеніи отвѣтить что-нибудь, когда юстиціи совѣтникъ спросилъ его о лодкѣ. Конечно, лодка къ ихъ услугамъ. Но кто будетъ грести? Это *онъ* долженъ взять на себя, заявила барышня; ей нѣтъ дѣла до того, что скажетъ отецъ,—и ей совершенно все равно, будетъ ли это господину неудобно, потому что, вѣдь, и онъ иной разъ тоже не боится причинять неудобства другимъ. Они спустились къ лодкѣ и по дорогѣ объяснили юстиціи совѣтнику всѣ обстоятельства

своего знакомства. Они вошли въ лодку и успѣли проѣхать порядочное разстояніе раньше, чѣмъ барышня успѣлась и нашла, наконецъ, время заговорить.

— Ну, — сказала она, — вы навѣрное читали что-нибудь очень ученое, когда я явилась и вытащила васъ на море?

— Ученое! Это исторія о рыцарѣ Петрѣ съ серебрянымъ ключемъ и прекрасной Магелонѣ.

— Чье это сочиненіе?

— Ничье; такого рода книги не имѣютъ авторовъ. „Вигoleyсь и золотое колесо“ тоже ничье, и „Стрѣлокъ Бриде“ тоже.

— Я никогда не слыхала этихъ названій.

— Пожалуйста, передвиньтесь больше на ту сторону, не нарушайте равновѣсія. Да, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, вѣдь это книги не для образованныхъ людей; это изъ тѣхъ книгъ, которыя покупаются на ярмаркахъ у шарманщиковъ и уличныхъ пѣвицъ.

— Это странно; вы всегда читаете такія книги?

— Всегда? Я и вообще-то читаю не много; больше всего я въ сущности люблю такія книги, въ которыхъ встрѣчаются индѣйцы.

— А поэтовъ? Оленшлегера, Шиллера и другихъ?

— Да, я ихъ знаю; у насъ дома цѣлый шкафъ былъ полонъ ими, и фрѣкенъ Гольмъ, компаньонка

моей матери, каждый день послѣ завтрака и ужина читала ихъ вслухъ; но я не могу сказать, чтобы они мнѣ нравились—я не люблю стиховъ.

— Не любите стиховъ!—Вы сказали *быль* полонъ, развѣ вашей матушки нѣтъ больше въ живыхъ?

— Нѣтъ, и отца также.

Это было сказано слегка угрюмымъ и холоднымъ тономъ; разговоръ прекратился, и въ наступившей тишинѣ ясно слышались легкіе всплески, производимые движеніемъ лодки на водѣ. Барышня первая прервала молчаніе.

— Вы любите картины?

— Церковныя? Я право не знаю.

— Да, или другія картины, на примѣръ, ландшафты.

— Такія развѣ тоже пишутъ? Да, правда, вѣдь я же это знаю.

— Вы, навѣрное, смѣетесь надо мною?

— Я!? Кто-нибудь изъ насъ этимъ занимается, повидимому!

— Но развѣ вы не студентъ?

— Студентъ! Откуда мнѣ быть студентомъ! Нѣтъ, я не студентъ.

— Ну, да чѣмъ-нибудь вы же должны быть? Вѣдь вы же должны что-нибудь дѣлать?

— Почему это?

— Ну, потому что всѣ люди что-нибудь дѣлаютъ.

— А вы дѣлаете что-нибудь?

— Ну, да, но вѣдь вы же не дама.

— Нѣтъ, слава Богу!

— Благодарю васъ.

Онъ пересталъ грести, вытащилъ весла изъ воды, посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Что вы хотите этимъ сказать? — Нѣтъ, вы не должны на меня сердиться; я долженъ вамъ сказать, я очень странный человекъ. Этого вы совсѣмъ и понять не можете. Вы думаете, что если я одѣтъ прилично, такъ это значитъ, что я баринъ. Мой отецъ былъ баринъ, и мнѣ говорили, будто онъ страшно много зналъ; и онъ-таки дѣйствительно зналъ много, потому что онъ былъ окружнымъ старшиной. Я же ничего не знаю, потому что моя мать и я, мы всегда дѣлали только то, что намъ хотѣлось, а мнѣ было совершенно не интересно учить все то, чему учать въ школахъ, да и теперь это меня не интересуетъ. О, вы должны были бы видѣть мою мать; она была очень, очень маленькаго роста; еще когда мнѣ было тринадцать лѣтъ, я уже могъ ее на рукахъ сносить въ садъ. Она была такъ легка; въ послѣдніе годы ея жизни я ее часто носилъ на рукахъ по всему саду и парку. Я какъ сейчасъ вижу ее передъ собою въ черномъ платьѣ, отдѣланномъ широкимъ кружевомъ...

Онъ схватилъ весла и съ силою принялся гре-

сти. Юстиціи совѣтникъ сталъ беспокоиться, видя, какъ высоко вздымаются волны, и предложилъ вернуться. Они повернули обратно.

— Скажите, — начала барышня снова, когда движенія весель стали немного спокойнѣе, — вы часто бываете въ городѣ?

— Я никогда тамъ не былъ.

— Никогда не были! Но, вѣдь, вы живете только въ трехъ миляхъ отъ города.

— Я не всегда здѣсь живу; съ тѣхъ поръ, какъ моя мать умерла, я живу во всевозможныхъ мѣстахъ. Но зимою я хочу переѣхать въ городъ, чтобы поучиться счету.

— Вы хотите изучать математику?

— Нѣтъ, только по лѣсной части, — сказалъ онъ и разсмѣялся, — да, вѣдь, вы этого не понимаете. Дѣло въ томъ, что, когда я буду совершеннолѣтнимъ, я куплю себѣ шляпку и буду ѣздить въ Норвегію, а для этого мнѣ надо научиться счету, изъ-за пошрины и нагрузки.

— Вамъ этого въ самомъ дѣлѣ хочется?

— Ахъ, на морѣ, вѣдь, такъ великолѣпно; сколько жизни въ ѣздѣ по морю — вотъ мы и пріѣхали.

Онъ причалилъ: юстиціи совѣтникъ и его дочь вышли на берегъ, взявъ съ него обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ Канъ-Трафальгаръ. Затѣмъ они поднялись къ сельскому старостѣ; онъ же

снова вы́халъ въ море. Наверху, у тополя до нихъ еще доносились удары его весель.

— Послушай, Камилла,—обратился юстиціи со-
вѣтникъ къ дочери, возвращаясь изъ сѣней, куда онъ
ходилъ запереть входную дверь,—не помнишь ли
ты,—сказалъ онъ, гася свой ручной фонарь бо-
родкой ключа,—роза, которую мы видѣли у Карль-
сеновъ, называлась Помпадуръ или Ментенонъ?

— Сандрильона,—отвѣтила дочь.

— Совершенно вѣрно, Сандрильона; ну, однако,
пора спать; спокойной ночи, дитя мое, спокойной
ночи и сладкаго сна.

Придя въ свою комнату, Камилла раздвинула
занавѣсы у окна и, прижавшись лбомъ къ холод-
ному стеклу, стала напѣвать пѣсню Елизаветы
изъ „Холма эльфовъ“. Съ заходомъ солнца под-
нялся легкій вѣтерокъ, и маленькія, бѣлыя облачка,
освѣщенныя луной, неслись по небу навстрѣчу
Камиллѣ. Она долго стояла, слѣдя за ними взгля-
домъ, еще издали устремляла на нихъ взоръ и пѣла
все громче и громче по мѣрѣ того, какъ они прибли-
жались, умолкала на нѣсколько секундъ, когда они
исчезали надъ ея головой, отыскивала другія и опять
проводжала ихъ взглядомъ. Съ легкимъ вздохомъ
она снова затянула занавѣски. Она подошла къ
туалетному столику, оперлась на него локтями и,

склонивъ голову на скрещенныя руки, долго смотрѣла на свое отраженіе въ зеркалѣ, не видя его.

Она думала о стройномъ молодомъ человѣкѣ, который несъ на рукахъ маленькую, больную, одѣтую въ черное женщину; она думала о стройномъ молодомъ человѣкѣ, направляющемъ среди бушующей бури свое маленькое суденышко межъ подводныхъ камней и утесовъ. Въ ея ушахъ прозвучалъ еще разъ весь разговоръ. Она покраснѣла: Евгений Карльсенъ подумалъ бы, что ты за нимъ ухаживаешь. По нѣкоторой ассоціаціи идей она съ ревнивымъ чувствомъ продолжала: за Кларой никто не побѣжалъ бы во время дождя въ лѣсу; она бы не стала въ довершеніе всего заставлятъ—прямо-таки заставлятъ—чужого человѣка ѣздить съ ней кататься. „Дама съ ногъ до головы“, сказалъ Карльсенъ про Клару. Это былъ укоръ по твоему адресу, деревенщина-Камилла! Послѣ этого она раздѣлась съ дѣланой медленностью, легла въ постель, взяла со стоявшей у кровати этажерки маленькую книжку, открыла ее на первой страницѣ, съ усталымъ и огорченнымъ видомъ прочла записанное въ ней маленькое стихотвореніе, уронила книгу на полъ и разразилась слезами; потомъ она медленно подняла книгу и положила ее на мѣсто; нѣсколько времени еще она лежала, грустно глядя на освѣщенную луной занавѣску и, наконецъ, заснула.

Нѣсколько дней спустя „дождевой человекъ“ отправился въ Кань-Трафальгаръ. Встрѣтивъ крестьянина съ возомъ соломы, онъ попросилъ позволенія подсѣсть. Растянувшись на соломѣ и устремивъ глаза наверхъ, въ ясное небо, онъ отдался теченію своихъ мыслей. Онѣ были, впрочемъ, не очень разнообразны; главнымъ образомъ, онѣ вертѣлись вокругъ вопроса о томъ, какъ можетъ человѣческое существо быть такимъ удивительно красивымъ, и какъ можно въ теченіе нѣсколькихъ дней перебирать въ памяти черты лица, игру мускуловъ и красокъ на немъ, малѣйшія движенія рукъ и головы и вибрацію голоса. Проѣхавъ полмили, крестьянинъ указалъ Могенсу кнутомъ на черепичную кровлю вдали, замѣтивъ, что тамъ живетъ юстиціи совѣтникъ. Могенсъ вскочилъ и сталъ боязливо всматриваться въ виднѣвшуюся вдали крышу. Сердце у него защемило; онъ попробовалъ было представить себѣ, что у юстиціи совѣтника никого нѣтъ дома, но воображеніе его упорно рисовало ему картину множества гостей, переполняющихъ домъ, и отъ этого представленія онъ не могъ отдѣлаться, несмотря на то, что даже пробовалъ считать коровъ, пасшихся на лугу, и кучи щегля, встрѣчавшіяся на пути. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ небольшая тропинка спускалась отъ большой дороги къ дачѣ юстиціи совѣтника, крестьянинъ остановился. Могенсъ со-

скользнулъ съ телѣги, со скрипомъ потащившейся дальше по усѣянной щебнемъ дорогѣ, и сталъ счищать со своего платья приставшія къ нему соломинки. Медленно приближаясь къ садовой калиткѣ, онъ замѣтилъ красный платокъ, мелькнувшій за стекломъ балкона, маленькую рабочую корзинку на балюстрадѣ и спинку только что покинутой, еще не пришедшей въ покой, качалки. Не сводя глазъ съ балкона, онъ вошелъ въ садъ; откуда-то раздался голосъ юстиціи совѣтника, здоровавшагося съ нимъ; онъ повернулъ голову и увидалъ его самого; онъ стоялъ съ пустыми цвѣточными горшками въ обѣихъ рукахъ и кивалъ ему головой. Они заговорили о томъ, о другомъ, и юстиціи совѣтникъ сталъ развивать мысль, насколько вѣрно утвержденіе, что прежнее кастовое различіе между разными сортами деревьевъ уничтожается прививкой; онъ, юстиціи совѣтникъ, вообще терпѣть не можетъ прививки. Наконецъ, явилась Камилла въ голубомъ платкѣ. Съ руками, закутанными въ платокъ, она медленно подошла и привѣтствовала гостя легкимъ движеніемъ головы и нѣсколькими холодными словами. Юстиціи совѣтникъ ушелъ со своими горшками. Камилла, повернувъ голову, глядѣла на балконъ, Могенсъ смотрѣлъ на нее. Какъ онъ поживалъ все это время? Онъ былъ совершенно здоровъ. Катался много по морю? Да, по обыкновенію, мо-

жетъ быть, нѣсколько меньше, чѣмъ всегда. Она повернулась къ нему, холодно посмотрѣла на него, слегка склонила голову на сторону и спросила со слабой улыбкой, слегка сощуривъ глаза, быть ли онъ очень поглощенъ прекрасной Магеллоной. Что она хочетъ этимъ сказать? онъ не совсѣмъ понялъ ее; впрочемъ, пожалуй, это такъ и было. Послѣ этого они нѣкоторое время стояли молча. Камилла сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону, гдѣ стояла скамья и садовое кресло. Она сѣла на скамью и, указывая на кресло, предложила и ему сѣсть; вѣдь онъ, должно быть, усталъ, пройдя такое большое разстояніе. Онъ сѣлъ въ кресло.

Не думаетъ ли онъ, что изъ предполагаемаго союза въ королевской фамиліи можетъ что-нибудь выйти? Или ему это, можетъ быть, совершенно все равно? Разумѣется, ему мало дѣла до королевской фамиліи? Само собой понятно, онъ ненавидитъ аристократію? Немного, вѣдь, есть молодыхъ людей, которые бы не думали, что демократія это зогъ вѣсть что. Онъ, конечно, принадлежитъ къ тѣмъ, которые отнюдь не придаютъ политическаго значенія фамильнымъ союзамъ королевскаго дома? Но онъ, можетъ быть, ошибается. Вѣдь бывали римѣры... Она вдругъ остановилась, смущенная тѣмъ, что Могенсъ, вначалѣ слегка испуганный всѣмъ этимъ, теперь сидѣлъ съ чрез-

вычайно веселымъ лицомъ. Онъ, пожалуй, сидитъ и потѣшается надъ нею? Она покраснѣла до корней волосъ.

— Вы очень интересуетесь политикой?—спросила она робко.

— Нисколько.

— Такъ почему же вы заставляете меня цѣлую вѣчность разсуждать о политикѣ?

— Ахъ, вы такъ мило все это говорите; совершенно все равно, о чемъ бы вы ни говорили.

— Это, право, не комплиментъ.

— Конечно, это комплиментъ,—сталъ онъ ее увѣрять горячо; ему показалось, что у нея очень обиженный видъ.

Камилла разразилась громкимъ смѣхомъ, вскочила, побѣжала навстрѣчу своему отцу и, схвативъ его подъ руку, подвела его къ изумленному Могенсу.

Когда обѣдъ кончился, и они напились кофе на балконѣ, юстиціи совѣтникъ предложилъ отправиться гулять. Перерѣзавъ большую дорогу, они пошли по узенькой межѣ, тянувшейся между высокой рожью и доходившей до колючей изгороди. Тамъ виднѣлся и дубъ, и все остальное; даже вѣнчики вьюнковъ еще бѣлѣли въ изгороди. Камилла попросила Могенса сорвать ей нѣсколько цвѣтковъ. Онъ оборвалъ всѣ и вернулъ съ полными горстями цвѣтовъ.

— Спасибо, столько мнѣ не нужно, — сказала

она, беря нѣсколько цвѣтковъ и роняя остальные на землю.

— Въ такомъ случаѣ я жалѣю, что не оставилъ ихъ тамъ,—сказалъ Могенсъ серьезно.

Камилла наклонилась и начала ихъ подбирать. Она ждала, что онъ поможетъ ей, и удивленно подняла на него глаза, но онъ продолжалъ стоять спокойно и смотрѣть на нее сверху внизъ. Разъ начавъ, она должна была продолжать свое дѣло и, дѣйствительно, подобрала всѣ цвѣты; но зато она послѣ этого долго-долго не говорила съ Могенсомъ, даже не глядѣла въ его сторону. Однако, въ концѣ концовъ они, должно быть, таки помирились, потому что когда на обратномъ пути приблизились снова къ дубу, Камилла стала подъ его вѣтви и принялась смотрѣть сквозь нихъ наверхъ, топтаться на мѣстѣ, размахивать руками и пѣть, а Могенсъ долженъ былъ сѣсть въ орѣшникъ и оттуда смотрѣть, какъ она выглядѣла подъ дубомъ. Вдругъ Камилла устремилась прямо на него, но Могенсъ не выдержалъ роли: онъ забылъ крикнуть и броситься бѣжать, и Камилла со смѣхомъ объявила ему, что она очень недовольна собою и никогда не предполагала въ себѣ столько смѣлости, чтобы остаться на мѣстѣ, когда такое страшное существо—при этомъ она указала на себя — бѣжить на нее. Но Могенсъ заявилъ, что онъ очень доволенъ собою.

Когда онъ подь вечерь отправился домой, юстиціи совѣтникъ и Камилла пошли его провожать. На обратномъ пути Камилла замѣтила отцу, что въ теченіе того мѣсяца, который имъ еще, можетъ быть, возможно будетъ остаться на дачѣ, надо будетъ приглашать къ себѣ Могенса почаще; вѣдь онъ такъ одинокъ здѣсь и никого не знаетъ. Юстиціи совѣтникъ выразилъ свое полное согласіе, внутренно смѣясь надъ тѣмъ, что его считаютъ такимъ простакомъ; у Камиллы же былъ кроткій и серьезный видъ, не оставлявшій никакого сомнѣнія въ томъ, что она олицетворенное милосердіе.

Погода, дѣйствительно, настала прекрасная; стояли такіе мягкіе осенніе дни, что юстиціи совѣтникъ съ дочерью еще цѣлый мѣсяцъ провели въ Канъ-Трафальгарѣ, а милосердіе Камиллы привело къ тому, что Могенсъ на первой недѣлѣ былъ у нихъ два раза, а на третьей приходилъ чуть ли не каждый день.

Былъ одинъ изъ послѣднихъ ясныхъ дней; рано утромъ шелъ дождь, и облака почти до полудня заволакивали небо, но потомъ солнце выглянуло изъ-за облаковъ и свѣтило такъ ярко и тепло, что отъ мокрыхъ садовыхъ дорожекъ, лужаекъ и вѣтвей пошелъ легкій паръ. Юстиціи совѣтникъ срѣзалъ въ саду астры, а Могенсъ и Камилла собирали послѣднія зимнія яблоки.

Онъ стоялъ съ корзиной на столѣ, она стояла на стулѣ, держа въ рукахъ концы большого бѣлаго передника.

— Ну, что же было дальше?—спрашивала она нетерпѣливо Могенса, прервавшего свой рассказъ, чтобы достать высоко висѣвшее яблоко.

— Тогда,—продолжалъ онъ,—крестьянинъ три раза обѣжалъ вокругъ самого себя и запѣлъ: „въ Вавилонъ! въ Вавилонъ! съ желѣзнымъ кольцомъ черезъ голову!“ Сейчас же онъ, и его теленокъ, и бабушка, и черный пѣтухъ полетѣли; они перелетали черезъ моря такой ширины, какъ Арупскій фюрдъ, черезъ горы такой высоты, какъ Яннерупская церковь, и прилетѣли прямо на край земли. Тамъ сидѣлъ кобольдъ за завтракомъ; онъ только что кончилъ, когда они явились.

— Тебѣ не мѣшало бы быть немного благочестивѣе, старина, сказалъ крестьянинъ, иначе легко можетъ случиться, что ты не попадешь въ царство небесное.

Кобольдъ ничего не имѣлъ противъ благочестія.

— Тогда ты долженъ молиться послѣ ѣды, сказалъ крестьянинъ.. нѣтъ, я больше не хочу рассказывать,—прервалъ себя Могенсъ нетерпѣливо.

— Ну, такъ бросьте,—сказала Камилла, удивленно посмотрѣвъ на него.

— Я могу вѣдь это сейчасъ сказать,—продол-

жалъ Могенсъ,—я хочу васъ спросить кое о чемъ, но вы не должны надо мной смѣяться.

Камилла спрыгнула со стула.

— Скажите мнѣ — или нѣтъ, я самъ скажу— вотъ здѣсь столъ, а тамъ заборъ; если вы не хотите стать моей невѣстой, то я перескакиваю съ корзиной черезъ заборъ, и меня больше нѣтъ. Разъ...

Камилла украдкой взглянула на него; улыбка исчезла съ его лица.

— Два...

Онъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

— Да,—прошептала она, выпустила изъ рукъ концы передника, такъ что яблоки покатались во всѣ стороны, и бросилась бѣжать.

Но она не убѣжала отъ Могенса.

— Три,—сказалъ онъ, догнавъ ее; но онъ все-таки поцѣловалъ ее.

Юстици совѣтнику пришлось прервать свою работу, но сынъ окружного старшины представлялъ собою слишкомъ великолѣпную смѣсь природы и цивилизаціи для того, чтобы можно было имѣть что-нибудь противъ него.

Зима приближалась къ концу; толстый, плотный снѣжный покровъ, навѣянный непрекращавшимися въ теченіе цѣлой недѣли снѣжными вих-

рями, начиналъ таять. Воздухъ былъ весь полонъ солнечнаго свѣта и отблесковъ бѣлаго сверкающаго снѣга, стекавшаго съ крышъ крупными аскрящимися каплями. Внутри, въ комнатѣ, все какъ будто ожило и пришло въ движеніе, всѣ формы и краски, всѣ линіи и контуры: плоскіе предметы вытягивались, изогнутые выгибались, косые наклонялись. Столъ съ цвѣтами пестрѣлъ всѣми оттѣнками зелени, начиная съ мягкихъ, темныхъ тоновъ до яркихъ желто-зеленыхъ. Красновато-коричневые тона переливались струями пламени на красномъ деревѣ стола; золото сверкало и горѣло на всѣхъ бездѣлушкахъ, карнизахъ и рамахъ; на коврѣ же всѣ краски сливались въ блестящій и веселый хороводъ.

Камилла сидѣла у окна и шила, и фигура ея вмѣстѣ съ тремя граціями на консоли была окружена красноватымъ сіяніемъ, исходившимъ отъ красныхъ занавѣсей. Могенсъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, поминутно попадая въ косыя полосы свѣта, въ которыхъ играли радужныя пылинки.

Онъ былъ въ словоохотливомъ настроеніи.

— Да, да,—сказаль онъ,—странные это люди, съ которыми всѣ вы водитесь; нѣтъ ничего между небомъ и землею, въ чемъ бы они не могли разобратъся въ одну минуту; *это* низко, а *то* благородно; *это* глупѣе всего, что было создано когда-

либо съ сотворенія міра, а *то* умнѣ всего; *это* вотъ такъ безобразно, такъ безобразно, а *то* такъ прекрасно, что никакими словами нельзя этого выразить. Относительно всего рѣшительно они выказываютъ такое трогательное единеніе; право, можно подумать иной разъ, что у нихъ существуетъ одна общая таблица, которой они руководствуются, потому что они всегда приходятъ къ одному и тому же выводу, о чемъ бы ни шла рѣчь. И какъ эти люди похожи другъ на друга! Всѣ они знаютъ одно и то же и говорятъ объ одномъ и томъ же; у всѣхъ у нихъ одинаковыя слова и одинаковыя взгляды.

— Ты вѣдь не хочешь этимъ сказать,—замѣтила Камилла, — что у Карльсена и Ренгольта одинаковыя мнѣнія?

— О, эти оба особенно великолѣпны! они принадлежатъ вѣдь къ различнымъ партіямъ! Ихъ взгляды различны какъ день и ночь! Да, но этого вовсе нѣтъ, между ними такое единеніе, что весело смотрѣть на нихъ. Можетъ быть, и найдется какая-нибудь мелочь, въ которой они не сходятся, это, можетъ быть, не болѣе, какъ недоразумѣніе, но, право, послушать ихъ—такъ это чистая комедія. Можно подумать, что они заранѣе условились ни въ какомъ случаѣ не соглашаться другъ съ другомъ. Начинается обыкновенно съ громкаго разговора, причемъ оба сейчасъ же приходятъ

въ сильнѣйшее возбужденіе; тогда одинъ въ возбужденіи говорить что-нибудь, чего онъ вовсе не думаетъ, на что другой говоритъ какъ разъ противоположное, чего онъ также не думаетъ; послѣ этого одинъ нападаетъ на то, чего другой не думаетъ, а другой на то, чего первый не думаетъ, и игра въ полномъ ходу.

— Но что они тебѣ сдѣлали?

— Они меня злятъ, всѣ эти люди; когда посмотрѣть имъ въ лицо, то такъ и кажется, что больше на свѣтѣ ничего необыкновеннаго никогда не произойдетъ.

Камилла отложила въ сторону свою работу, подошла къ нему и, схвативъ обѣими руками обшлага его сюртука, лукаво-вопросительно посмотрѣла ему въ глаза.

— Я этого Карльсена не выношу,—сказалъ онъ сердито и тряхнулъ головой.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ, ты такъ мила, такъ мила, — проворкоталъ онъ съ комической нѣжностью.

— Что дальше?

— А дальше то,—вспылилъ онъ вдругъ,—что у него манера смотрѣть на тебя и слушать тебя и говорить съ тобой, которой я терпѣть не могу; пусть онъ это оставитъ, да, потому что ты *моя*, а не *его*! Нѣтъ, ты *не* его, нисколько не его. Ты *моя*, ты отдала мнѣ свою душу, какъ докторъ Фаустъ

дьяволу, ты моя тѣломъ и душой, вся, какъ есть, навѣки-вѣчные.

Она слегка испуганно кивнула ему головой, чисто-сердечно глядя на него; потомъ у нея вдругъ выступили слезы на глазахъ, и она прижалась къ нему, пряча лицо у него на груди. Онъ обнялъ ее, наклонился и поцѣловалъ въ лобъ.

Вечеромъ того же дня Могенсъ пошелъ провожать на почту юстиціи совѣтника, которому неожиданно пришлось уѣхать по обязанностямъ службы. Камилла должна была на слѣдующее утро переѣхать къ теткѣ и остаться у нея до возвращенія отца.

Проводивъ своего будущаго тестя, Могенсъ отправился домой, думая о томъ, что онъ нѣсколько дней не увидитъ Камиллы. Онъ шелъ по улицѣ, на которой она жила. Это была длинная, узкая, мало оживленная улица. Въ дальнемъ концѣ ея слышался шумъ колесъ удалявшагося экипажа, оттуда же доносились звуки шаговъ, которые скоро замерли. Теперь окружавшую Могенса тишину нарушалъ только вой собаки въ одномъ изъ домовъ, мимо которыхъ онъ проходилъ. Онъ поднялъ голову и оглядѣлъ домъ; въ которомъ жила Камилла; въ нижнемъ этажѣ было по обыкновенію темно, замазанныя мѣломъ стекла оконъ только слегка оживлялись отраженіемъ колеблющагося пламени фонаря, стоявшаго у сосѣдняго дома. Во

второмъ этажѣ окна были открыты, и въ одномъ изъ нихъ торчала цѣлая груда досокъ. У Камиллы было темно, надъ нею также темно; только единственное слуховое окошечко блестѣло, освѣщенное блѣдно-золотымъ лучемъ луны. Надъ крышей дома вихремъ неслись облака. Окна обоихъ сосѣднихъ домовъ были освѣщены.

Видъ темныхъ оконъ навелъ на Могенса грусть; домъ казался такимъ одинокимъ и покинутымъ; открытыя окна скрипѣли въ петляхъ; вода съ однообразнымъ журчаніемъ бѣжала по кровельному желобу; отъ времени до времени гдѣ-то невидимо для глаза струйки ея падали съ глухимъ мягкимъ звукомъ; вѣтеръ тяжелыми порывами пронесся по улицѣ. Какой темный, темный домъ! У Могенса слезы выступили на глазахъ, что-то сдавило ему грудь, и имъ овладѣло странное, смутное ощущеніе какой-то вины передъ Камиллой. Потомъ онъ вспомнилъ о своей матери; ему вдругъ страстно захотѣлось опустить голову къ ней на колѣни и выплакаться у нея.

Онъ долго стоялъ, прижавъ руку къ груди; быстро промчавшійся мимо него экипажъ заставилъ его очнуться и отправиться домой. Ему долго пришлось стучаться у калитки дома, пока ему открыли; мурлыкая какую-то мелодію, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и, придя къ себѣ въ комнату, бросился на диванъ съ романомъ Смолетта; до полуночи онъ читалъ, хохоча надъ книгою.

Въ концѣ концовъ ему стало слишкомъ холодно; онъ вскочилъ и принялся ходить по комнатѣ, при-топывая ногами, чтобы согрѣться. Онъ остано-вился у окна. Небо было съ одной стороны та-кое свѣтлое, что почти сливалось съ покрытыми снѣгомъ крышами; съ другой стороны неба длин-ными лентами тянулись облака; воздухъ подъ ними дрожалъ какимъ-то страннымъ красноватымъ отблескомъ, неровнымъ колеблющимся сіяніемъ, краснымъ длиннымъ туманомъ. Могенсъ распах-нулъ окно; въ той части города, гдѣ жилъ юсти-ціи совѣтникъ, горѣло. Въ одинъ мигъ онъ сбѣ-жалъ съ лѣстницы и очутился на улицѣ. Онъ бѣ-жалъ со всей скоростью, на какую были способны его ноги, черезъ переулочекъ, боковую улицу и потомъ все прямо. Пока ему еще ничего не было видно; но, повернувъ за уголъ, онъ снова увидѣлъ передъ собою красновато-бурый туманъ. Человѣкъ двадцать стремилось по улицѣ въ одномъ направ-леніи; обгоняя другъ друга, они спрашивали, гдѣ горитъ. Кто-то сказалъ: на сахарномъ заводѣ. Могенсъ продолжалъ бѣжать съ прежней быстро-той, на сердцѣ у него стало гораздо легче. Еще нѣсколько улицъ; число бѣгущихъ все увеличива-лось, теперь говорили о мыловаренномъ заводѣ. Онъ находился какъ разъ противъ дома юстиціи совѣтника. Могенсъ бѣжалъ, какъ безумный. Оста-вался еще только одинъ косой переулокъ; онъ

весь былъ запруженъ народомъ—спокойными, прилично одѣтыми мужчинами, оборванными старыми женщинами, кричавшими подростками, разряженными, пугливо перешептывавшимися дѣвушками, пускавшими остроты и шутки носильщиками, пьяницами, глазѣвшими съ удивленно раскрытыми ртами, и пьяницами, перебранивавшимися между собой, беспомощно стоявшими полицейскими и извозчиками, которые не могли двинуться ни взадъ ни впередъ. Могенсъ, съ трудомъ протискавшись въ толпѣ, добрался до угла; сверху медленнымъ дождемъ посыпались на него искры. Онъ устремился вверхъ по улицѣ; искры летѣли во всѣ стороны, стекла оконъ по обѣ стороны улицы пылали отблескомъ огня, фабрика стояла въ огнѣ, домъ юстиціи совѣтника стоялъ въ огнѣ, сосѣдній домъ тоже. Со всѣхъ сторонъ дымъ, пламя и смятеніе, крики и проклятiя; шумъ скатывающихся внизъ черепиць, удары топоровъ, трескъ дерева, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, шипѣніе хлещущихъ и брызжущихъ водяныхъ струй и среди всего этого равномерное глухое хлюпаніе насосовъ. Мебель, постели, черныя каски, пожарныя лѣстницы, блестящія пуговицы, освѣщенные пламенемъ лица, колеса, веревки, парусина, странные инструменты. И сквозь весь этотъ хаосъ Могенсъ все подвигался впередъ, протискиваясь, проползая снизу, перелѣзая сверху, все ближе и ближе къ дому

Фасадъ дома былъ ярко освѣщенъ пламенемъ горящей фабрики; дымъ пробивался сквозь черепицы крыши и клубами валилъ изъ открытыхъ оконъ перваго этажа. Внутри трещалъ и хрустѣлъ огонь. Вдругъ послышался какой-то долгій трескъ, перешедшій въ грохотъ и громъ и закончившійся глухимъ гуломъ; дымъ, искры и пламя вырвались съ неожиданной силой изъ всѣхъ отверстій дома, и огненная стихія принялась бушевать съ удвоенной яростью. Въ первомъ этажѣ обрушилась средняя часть потолка. Могенсъ ухватился обѣими руками за длинную лѣстницу, прислоненную къ еще не охваченной огнемъ части фабричнаго зданія. Одну минуту она стояла вертикально, потомъ упала тяжело на стѣну дома юстиціи совѣтника, выбивъ окно во второмъ этажѣ. Могенсъ поспѣшно поднялся по лѣстницѣ и черезъ выбитое окно проникъ внутрь дома. Въ первую минуту ѣдкій дымъ заставилъ его закрыть глаза; густой, удушливый паръ, подымавшійся отъ обуглившихся балокъ, настигнутыхъ водяной струею, захватилъ ему дыханіе. Онъ находился въ столовой. Стѣна сосѣдней гостиной была почти совершенно разрушена. Гостиная представляла пылающую бездну, изъ которой отъ времени до времени вырывались кверху цѣлыя столбы пламени, подчасъ достигавшіе до самаго потолка; немногія уцѣлѣвшія отъ рухнушаго пола и висѣвшія надъ

бездной доски горѣли яркимъ, бѣловато-желтымъ огнемъ; отблески пламени и тѣни бѣгали по стѣнамъ въ причудливой игрѣ, обои свертывались то здѣсь, то тамъ, загорались, настигнутые огнемъ, и горящими лохмотьями летѣли внизъ; по карнизамъ и рамамъ извивались желтые огненные языки. По обломкамъ обрушившейся стѣны Могенсъ добрался до края бездны, дышавшей на него попеременно горячими и холодными струями воздуха. Напротивъ него, съ другой стороны, обрушившаяся часть стѣны позволяла видѣть комнату Камиллы, между тѣмъ какъ другая часть, примыкавшая къ кабинету юстиціи совѣтника, еще была цѣла. Становилось все жарче; Могенсъ чувствовалъ, какъ кожа на лицѣ у него туго натягивается и волосы курчавятся на головѣ отъ жара. Что-то тяжелое скользнуло у него по плечу и легло на спину, придавивъ его къ полу; это была огромная балка, медленно сдвинувшаяся со своего мѣста. Онъ не могъ двинуться, дыханіе его становилось все тяжелѣе, въ вискахъ стучало, точно молотомъ; налѣво отъ себя онъ слышалъ плескъ водяной струи, направленной на стѣну столовой, и всѣ его мысли и чувства сосредоточились на одномъ желаніи, чтобы эти холодныя, холодныя капли, брызжущія вокругъ, упали и на него. Въ эту минуту уха его коснулся стонъ, раздавшійся по другую сторону огненной бездны и на полу

комнаты Камиллы онъ увидалъ что-то бѣлое. Это была она сама. Она стояла на колѣняхъ и, держась обѣими руками за голову, покачивалась изъ стороны въ сторону. Она медленно поднялась съ колѣнъ и подошла къ краю бездны. Она стояла, выпрямившись, съ бессильно повисшими руками и качающейся головой. Медленно, медленно тѣло ея наклонилось впередъ, ея прекрасные, длинные волосы скользнули по полу; пламя ярко вспыхнуло, и все было кончено; въ слѣдующее мгновение она исчезла въ морѣ огня.

Изъ груди Могенса вырвался крикъ, короткий, рѣзкій, ужасный, какъ ревъ дикаго звѣря; въ то же время онъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе уйти отъ бездны; балка не давала ему двинуться; руки его зашевелились, хватая пальцами обломки стѣны, потомъ вдругъ точно застыли, судорожно уцѣпившись за камень, и онъ сталъ равномернo биться головой о камни, безпрестанно повторяя: Боже мой, Боже мой, Боже мой!

Такъ онъ лежалъ тамъ. Черезъ нѣкоторое время онъ почувствовалъ, какъ что-то коснулось его; это былъ пожарный, отодвинувшій въ сторону балку и пытавшійся вынести его изъ горящаго дома. Могенсъ замѣтилъ съ неудовольствіемъ, что его подняли и понесли. Пожарный приблизился съ нимъ къ отверстію окна, и тутъ вдругъ Могенсомъ овладѣло ясное сознаніе, что ему при-

чиняютъ какое-то зло, и что человекъ, несущій его, покушается на его жизнь. Онъ вырвался изъ его рукъ, схватилъ лежавшее на полу бревно, ударилъ имъ пожарнаго по головѣ, такъ что тотъ пошатнулся, устремился въ отверстіе окна и, выпрямившись, сбѣжалъ съ лѣстницы, размахивая бревномъ надъ головой. Прорвавшись черезъ хаосъ, сквозь дымъ и густую толпу людей, онъ бѣжалъ по безлюднымъ улицамъ, по пустыннымъ площадямъ все дальше и дальше въ открытое поле. Всюду кругомъ глубокій снѣгъ; но вотъ на немъ чернѣетъ какое-то темное пятно. Это была куча щепня, выдававшаяся изъ-подъ снѣжнаго покрова. Онъ сталъ колотить по ней бревномъ; онъ колотилъ съ упорной злобой и энергіей, все сильнѣе и ожесточеннѣе; онъ хотѣлъ ее убить, чтобы отъ нея ничего не осталось, хотѣлъ убѣжать прочь и бѣжалъ все вокругъ нея и колотилъ по ней, какъ безумный; она не исчезала. Онъ откинулъ бревно далеко отъ себя и бросился на черную кучу, чтобы покончить съ ней; въ руки его вонзилось множество мелкихъ камешковъ; это былъ щепень, черная куча щепня. Зачѣмъ онъ лежитъ въ открытомъ полѣ и разрываетъ руками черную кучу щепня?—Онъ почувалъ запахъ дыма, огненные языки запылали вокругъ него, передъ глазами его мелькнула Камилла, исчезающая въ морф огня. Онъ дико вскрикнулъ и бросился бѣжать

черезъ поле. Онъ не могъ отдѣлаться отъ вида пламени; онъ закрывалъ глаза: — пламя, пламя! онъ кидался на землю и зарывалъ лицо въ снѣгъ— пламя! онъ вскакивалъ, бѣжалъ назадъ, бѣжалъ впередъ, сворачивалъ въ сторону— всюду пламя! онъ снова бѣжалъ по глубокому снѣгу, минуя дома, деревья, мимо высунувшейся изъ окна человѣческой фигуры, на лицѣ которой отразился ужасъ, мимо скирдъ и стоговъ, черезъ дворы, гдѣ собаки, завидя его, начинали выть и рваться на цѣпяхъ. Онъ обѣжалъ выступающій впередъ флигель какого-то зданія и вдругъ очутился передъ окномъ, горѣвшимъ яркимъ колеблющимся свѣтомъ. Свѣтъ подѣйствовалъ на него благотворно, огненные языки исчезли передъ нимъ. Онъ подошелъ къ окну и заглянулъ внутрь; это было жилище крестьянина; у очага стояла дѣвушка и помѣшивала ложкой въ котлѣ; въ густыхъ, подымавшихся изъ котла парахъ свѣтъ свѣчи, которую она держала въ рукѣ, казался красноватымъ; другая дѣвушка сидѣла и щипала птицу, а третья палила ощипанныхъ куръ надъ большой, ярко горѣвшей кучей соломы. Пламя стало уменьшаться, дѣвушка подбросила свѣжей соломы; пламя снова вспыхнуло, потомъ опять стало уменьшаться, становилось все меньше и меньше и, наконецъ, потухло. Могенсъ въ гнѣвѣ ударилъ локтемъ въ окно, такъ что стекла со звономъ упали, и ме-

дленно пошелъ дальше; дѣвушки въ комнатѣ вскрикнули. Онъ снова побѣждалъ и бѣждалъ долго, издавая тихіе стоны. Въ умѣ его молніей пронеслись отрывочныя воспоминанія изъ счастливаго прошлаго, и когда они исчезали, вокругъ него становилось вдвойнѣ темно; онъ не могъ вынести мысли о томъ, что случилось, это не могло, не должно было случиться; онъ бросился на колѣни и, ломая руки, молилъ небо, чтобы оно взяло назадъ то, что произошло. Онъ долго ползалъ на колѣняхъ, не отводя глазъ отъ неба, словно боясь, что оно, чтобы избавиться отъ его моленій, уйдетъ отъ него, если онъ не будетъ неотступно смотрѣть на него. Потомъ передъ нимъ снова стали проходить картины счастливаго прошлаго, безконечныя ряды туманныхъ видѣній; одни вставали передъ нимъ во всемъ своемъ блескѣ и яркости, другія, далекія и неопредѣленныя, мелькали такъ быстро, что не успѣвали доходить до его сознанія. Онъ сидѣлъ неподвижно въ снѣгу, очарованный свѣтомъ и красками, жизнью и счастьемъ; смутный страхъ, который онъ раньше испытывалъ передъ чѣмъ-то, что явится и уничтожить все, теперь совершенно исчезъ. Вокругъ него была тишина, въ душѣ его былъ покой; видѣнія исчезли, но счастье осталось. Какъ тихо все! Нигдѣ ни звука! Но вдругъ раздалось пѣніе и смѣхъ, и тихія слова, и легкіе

шаги, и глухое хлюпаніе насосовъ. Испутивъ крикъ, онъ снова бросился бѣжать, бѣжалъ долго и далеко, прибѣжалъ къ морю, бѣжалъ вдоль берега, пока, споткнувшись о пень, не упалъ и измученный остался на землѣ.

Море мягко плескалось о прибрежные камни; по временамъ вѣтеръ шелестѣлъ въ оголенныхъ кустахъ; надъ моремъ съ крикомъ проносились одинокія вороны; приближавшееся утро бросало рѣзкій синеватый отблескъ на лѣсъ и море, на снѣгъ и блѣдное человѣческое лицо.

Съ восходомъ солнца сторожъ изъ сосѣдняго лѣса нашелъ его и перенесъ къ лѣснику Николаю. Тамъ онъ лежалъ въ теченіе многихъ недѣль между жизнью и смертью.

Приблизительно въ тотъ самый часъ, когда Могенсъ былъ перенесенъ къ Николаю, на углу улицы, гдѣ стоялъ домъ юстиціи совѣтника, собралась вокругъ экипажа толпа народа. Кучеръ не могъ понять, почему полицейскій задерживаетъ его и не даетъ ему выполнить данное ему порученіе, и они ссорились изъ-за этого. Это былъ экипажъ, который долженъ былъ отвезти Камиллу къ ея теткѣ.

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ бѣдная Камилла погибла такой ужасной смертью, мы его больше не видали.

— Да, удивительно, какъ много скрывается иной разъ въ человѣкѣ. Никто и не подозрѣвалъ. Онъ былъ такъ робокъ и застѣнчивъ, почти не ловокъ. Не правда ли, сударыня, вѣдь у васъ не было ни малѣйшаго подозрѣнія?

— О болѣзни? Ахъ, Боже мой, какъ можете вы предлагать такіе вопросы!—ахъ, такъ, вы думаете, я васъ не совсѣмъ поняла—что это было въ крови, что это наслѣдственное?—да, я вспоминаю; было что-то такое, изъ за чего его отца отправили въ Аархусъ. Не такъ ли, господинъ Карльсенъ?

— Нѣтъ!—или да, но его перевезли туда для того, чтобы похоронить; его первая жена похоронена тамъ. Нѣтъ, я думалъ, вы, вѣдь, знаете объ ужасной, или да, объ ужасной жизни, которую онъ велъ въ теченіе послѣднихъ двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ.

— Вотъ какъ! Нѣ-ѣтъ, объ этомъ я ничего не слыхала.

— Ну, да, гм... это вещи, о которыхъ пріятнѣе не говорить, вѣдь не хочется... вы понимаете... изъ уваженія къ ближнему. Семья юстиціи совѣтника...

— Да, то, что вы говорите, несомнѣнно имѣеть

свои основанія, но, съ другой стороны, скажите мнѣ откровенно, не находите ли вы, что наше время характеризуется какимъ-то фальшивымъ, лицемѣрнымъ стремленіемъ прикрывать человѣческія слабости и—я, конечно, мало смыслу въ этихъ вопросахъ, — но не думаете ли вы, что правда или общественная нравственность, я не говорю о ходячей морали, но нравственность, нравы, что хотите,—что они страдаютъ отъ подобнаго положенія вещей?

— Несомнѣнно! И я очень радъ, что мы съ вами совершенно одинаковаго мнѣнія, и какъ разъ въ этомъ случаѣ... Словомъ, дѣло въ томъ, что онъ предавался всевозможнымъ порокамъ, жилъ съ самой низкой чернью самымъ безнравственнымъ образомъ, водился съ людьми безъ чести, безъ совѣсти, безъ положенія, религій или чего бы то ни было, съ ворышками, фокусниками, пьяницами и, говоря по правдѣ, съ женщинами легкаго поведенія.

— Боже мой! и это послѣ того, какъ онъ былъ обрученъ съ Камиллой, послѣ того, какъ онъ три мѣсяца пролежалъ съ воспаленіемъ мозга!

— Да, и мало ли какія наклонности это даетъ основаніе предположить въ немъ, и какъ вы думаете, каково должно было быть его прошлое?

— И кто знаетъ, что было даже, покуда онъ былъ женихомъ. Онъ *былъ* подозрителенъ. Таково *мое* мнѣніе.

— Простите, сударыня, простите и вы, господинъ Карльсенъ, вы рассматриваете вопросъ нѣсколько абстрактно, слишкомъ абстрактно; я случайно располагаю весьма конкретными данными, которыя получилъ отъ одного друга, находящагося какъ разъ въ Ютландіи, и могу вамъ изобразить всю исторію въ деталяхъ.

— Господинъ Ренгольтъ, вѣдь не собираетесь же вы...

— Привести детали? Да, именно это я и собираюсь сдѣлать, господинъ Карльсенъ, разумѣется, съ вашего разрѣшенія, сударыня. Благодарю васъ! Онъ безусловно жилъ не такъ, какъ слѣдовало бы послѣ воспаления мозга. Онъ таскался по ярмаркамъ въ обществѣ нѣсколькихъ кутиль и пьяницъ и, какъ говорятъ, имѣлъ сношенія съ труппой странствующихъ фокусниковъ, главнымъ образомъ, съ женскимъ персоналомъ. Разумнѣе всего будетъ, пожалуй, пойти наверхъ и отыскать письмо моего друга. Вы позволите? Я мигомъ вернусь.

— Не находите ли вы, господинъ Карльсенъ, что господинъ Ренгольтъ сегодня особенно любезенъ?

— Да, безспорно! Но вы не должны забывать, сударыня, что онъ всю свою желчь уже излилъ въ статьѣ утренней газеты. Подумать только, что люди рѣшаются утверждать, это—прямо бунтъ, презрѣніе закона, потому что, гм...

— Вы нашли письмо?

— Да, нашелъ. Позвольте начать? Гдѣ это?

Да: „Нашъ общій другъ, котораго мы встрѣтили въ прошломъ году въ Менстедѣ, и котораго ты знаешь еще изъ Копенгагена, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ жилъ въ здѣшней мѣстности; онъ выглядитъ совершенно такъ же, какъ тогда, все тотъ же блѣдный, мрачный рыцарь печальнаго образа. Онъ представляетъ самую уморительную смѣсь дѣланной веселости и молчаливой, безнадежной покорности судьбѣ; онъ аффектированно грубъ по отношенію къ другимъ и самому себѣ, мало разговорчивъ и, повидимому, на душѣ у него не особенно весело, хотя онъ только то и дѣлаетъ, что кутить и пируеть; я опять повторяю то, что сказалъ тогда: онъ одержимъ маніей, которая заключается въ томъ, что онъ считаетъ себя лично обиженнымъ судьбою. Водился онъ здѣсь, главнымъ образомъ, съ лошадинымъ барышникомъ, по прозванію трактирный дьякъ, потому что онъ вѣчно пѣлъ и всегда былъ готовъ пить и кутить, и съ какимъ-то опустившимся субъектомъ, не то матросомъ, не то странствующимъ торговцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Пера Безпутнаго и внушающимъ всѣмъ страхъ, кромѣ того еще съ красавицей Абелоней; впрочемъ, она въ послѣднее время должна была уступить свое мѣсто другой, довольно темнаго про-

исхожденія женщинѣ, принадлежавшей къ труппѣ странствующихъ фокусниковъ и услаждавшей одно время наше зрѣніе пляской на канатѣ и другими фокусами. Ты знаешь женщинѣ этого сорта, съ острыми, желтыми, преждевременно состарившимися лицами, съ организмомъ, совершенно расшатаннымъ бѣдностью, грубымъ обращеніемъ и низкими пороками, въ довершеніе всего одѣвающихся всегда въ потертый бархатъ и грязныя, ярко-красныя матеріи. Таково это общество. Я не понимаю этой страсти нашего друга; правда, онъ лишился невѣсты такимъ ужаснымъ образомъ, но это обстоятельство не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ для всего его поведенія. Я долженъ тебѣ еще рассказать, какъ онъ покинулъ насъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда была ярмарка; онъ, Перъ Безпутный, лошадиный барышникъ и эта женщина сидѣли въ кабацѣ и кутили до поздней ночи. Наконецъ, часа въ три они были готовы къ отъѣзду. Они садятся въ повозку и ѣдутъ, все идетъ хорошо; вдругъ нашъ общій другъ сворачиваетъ съ дороги и тутъ начинается скачка во весь опоръ по полямъ и лугамъ. Повозку перебрасываетъ изъ стороны въ сторону. Лошадиный барышникъ находитъ, что это ужъ слишкомъ, и кричитъ, что хочетъ сойти. Ссадивъ его, нашъ другъ снова ударяетъ по лошадамъ и направляетъ ихъ прямо на высокой

холмъ. Тутъ женщинѣ дѣлается страшно и она соскакиваетъ. Бѣшенная скачка продолжается, они летятъ вверхъ на холмъ; внизъ съ холма; удивительно еще, что повозка не очутилась внизу раньше лошадей. Еще при подъемѣ на холмъ Перъ соскочилъ съ повозки и въ благодарность за ѣзду швырнулъ кучеру въ голову свой большой складной ножъ.

— Бѣдняга! Но эта исторія съ женщиной—это все-таки гадко.

— Отвратительно, сударыня, несомнѣнно отвратительно. Вы дѣйствительно полагаете, господинъ Ренгольтъ, что это описаніе выставило его въ лучшемъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, но въ болѣе опредѣленномъ; вы знаете, впотъмахъ вещи представляются часто въ увеличенныхъ размѣрахъ.

— Можно ли себѣ представить что-нибудь хуже этого?

— Если нѣтъ, то это и есть самое худшее; но, знаете, никогда не слѣдуетъ приписывать чело-вѣку худшаго.

— Собственно говоря, вы думаете, что все это не такъ страшно, что въ этомъ есть что-то свѣжее, непосредственное, что-то плебейское, вполнѣ отвѣчающее вашей склонности къ демократизму.

— Развѣ вы не видите, что въ той средѣ,

которая его окружает, онъ держится аристократомъ?

— Аристократомъ! Нѣтъ, это ужъ парадоксъ. Если этотъ человѣкъ не демократъ, то ужъ я право не знаю, что онъ тогда.

— Ну, да вѣдь существуютъ и другія опредѣленія.

Бѣлая черемуха была вся въ цвѣту; голубая сирень, кусты шиповника и раkitника цвѣли передъ домомъ и наполняли воздухъ ароматомъ. Окна со спущенными жалюзи были открыты настежь. Могенсъ просунулъ голову въ комнату, жалюзи лежало у него на спинѣ. Глазу, уставшему отъ ослѣпительнаго свѣта яркаго лѣтняго солнца, наполнявшаго лѣсъ, и воду, и воздухъ, пріятно было отдохнуть въ мягкомъ, спокойномъ полумракѣ комнаты. Высокая, пышная дама стояла посреди комнаты спиной къ окну и вставляла цвѣты въ большую вазу. Блуза ея свѣтло-краснаго утренняго платья сдерживалась выше талии чернымъ кожанымъ кушакомъ; на полу позади нея валялся бѣлоснѣжный утренній плащъ; съ ея пышныхъ, свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ еще не была снята темно-красная ночная сѣтка.

— Послѣ вчерашняго кутежа ты сегодня немного блѣдна,—были первыя слова Могенса.

— Доброе утро,—отвѣтила она и, не оборачиваясь, протянула ему руку съ цвѣтами. Могенсъ взялъ одинъ изъ цвѣтковъ. Лаура слегка повернула къ нему голову и медленно разжала руку, роняя цвѣты, одинъ за другимъ, на полъ. Потомъ она снова повернулась къ вазѣ.

— Больна?—спросилъ Могенсъ.

— Устала.

— Я сегодня не завтракаю у тебя.

— Нѣтъ!

— Мы и обѣдать не можемъ вмѣстѣ

— Ты идешь удить рыбу?

— Нѣтъ! — Прощай!

— Когда ты вернешься?

— Я больше не вернусь.

— Что это значитъ?—спросила она; она привела въ порядокъ свое платье, подошла къ окну и сѣла на стоявшій около него стулъ.

— Ты мнѣ надоѣла.—Больше ничего!

— Ты сердишься, но что случилось? что я тебѣ сдѣлала?

— Ничего; но такъ какъ мы не женаты и не безумно влюблены другъ въ друга, то я не вижу ничего особеннаго въ томъ, что я ухожу.

— Ты ревнуешь?—спросила она совсѣмъ тихо.

— Тебя! Помилуй Богъ мой разсудокъ!

— Но что это все значитъ?

— Это значитъ, что твоя красота мнѣ надо-

ѣла, что я знаю твой голосъ и твои движенія наизусть и что ни твои капризы, ни твоя глупость, ни твоя хитрость больше не могутъ меня занимать. Можешь ты мнѣ сказать, ради чего мнѣ тогда оставаться?

Лаура заплакала.

— Могенсъ, Могенсъ! какъ ты можешь такъ поступать! О, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! Останься еще только на сегодняшній день, только сегодня, Могенсъ, ты не можешь меня оставить.

— Ахъ, вѣдь это все ложь, Лаура, ты и сама этому не вѣришь; ты не потому такъ опечалена, что я тебѣ такъ дорогъ; тебя только пугаетъ перемѣна, ты боишься малѣйшихъ нарушеній твоихъ ежедневныхъ привычекъ. Я это очень хорошо знаю; ты не первая женщина, которая мнѣ надоѣдаетъ.

— О, останься со мною только сегодня, тогда я больше не буду тебя мучить и не буду просить ни одного часу больше.

— Вы, женщины, настоящія собаки! У васъ нѣтъ ни капли самолюбія; вамъ даютъ пинокъ ногой, а вы все-таки снова приползаете.

— Да, да, мы это дѣлаемъ, но—останься только еще сегодня—что?—останься!

— Останься! останься! нѣтъ!

— О, ты меня никогда не любишь, Могенсъ!

— Никогда.

— Нѣтъ, ты меня все-таки любишь; въ тотъ день ты меня любишь, когда былъ такой сильный вѣтеръ, въ тотъ чудный день на берегу моря, когда мы сидѣли, укрывшись за лодкой.

— Безразсудная женщина!

— Если бы я была порядочной дѣвушкой, отъ приличныхъ родителей, а не такая, какъ я есть, ты бы остался со мной; тогда ты не рѣшился бы быть такимъ жестокимъ—а я, которая такъ тебя люблю!

— Этого ты не должна.

— Нѣтъ; я все равно, что песокъ подъ твоими ногами, больше этого я для тебя не значу. Ни одного добраго слова, только одни суровыя слова; презрѣнiе, этого съ меня достаточно.

— Другія не хуже и не лучше тебя. Прощай, Лаура!

Онъ протянулъ ей руку, но она держала свои руки за спиной и безпрестанно повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ! Только не „прощай“! не „прощай!“

Могенсъ приподнялъ жалюзи, отступилъ на нѣсколько шаговъ и опустилъ его снова. Лаура проворно высунула голову изъ-подъ жалюзи и стала молить:

— Подойди ко мнѣ! подойди и дай мнѣ руку.

— Нѣтъ.

Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстоянiе, она жалобно крикнула ему вслѣдъ:

— Прощай, Могенсъ!

Онъ повернулся къ дому съ легкимъ поклономъ. Потомъ пошелъ дальше, говоря про себя:

— И эта дѣвушка еще вѣрить въ любовь! — нѣтъ, она именно *не* вѣрить.

Съ моря подулъ вечерній вѣтеръ; блѣдные колосья прибрежной травы заколебались, камышъ заколыхался, вода на прибрежныхъ отмеляхъ потемнѣла отъ пробѣжавшей по ней ряби, и листья водяныхъ лилій безпокойно вздрогнули на своихъ стебляхъ. Вѣтеръ понесся дальше вглубь полей. Темныя острия вѣтки дрока закивали и лоскутница безпомощно задвигалась на песчаной поверхности почвы. Овесъ наклонился, молодой клеверъ задрожалъ на лугахъ и ячмень тяжело заходилъ крупными волнами; флюгера на крышахъ заскрипѣли, мельничныя крылья затрещали и заvertѣлись, дымъ понесло обратно въ дымовыя трубы и стекла оконъ потускнѣли.

Вѣтеръ съ воємъ врывался въ слуховыя окошки помѣщичьяго дома, со скрипомъ гнулъ верхушки тополей и злобно свистѣлъ въ кустахъ, покрывавшихъ Бредбѣргскій холмъ. Могенсъ лежалъ на вершинѣ холма, глядя передъ собою на потемнѣвшую окрестность. Сверху луна лила на землю свое матовое сіяніе, внизу надъ лугами носились волны тумана. Какъ грустна была вся жизнь, позади пустота, впереди мракъ. Но вѣдь

это-то и *есть* жизнь. Тѣ, которые чувствуютъ себя счастливыми, тѣ слѣпы. Несчастіе сдѣлало его зрячимъ; все кругомъ несправедливо и лживо; весь міръ—это одна сплошная ложь; вѣрность, дружба, милосердіе—все это ложь, ложь съ начала и до конца; то-же, что люди называютъ любовью, это есть ничтожнѣйшее изъ всѣхъ ничтожныхъ чувствъ; это опьянѣніе, пылающее, сверкающее опьянѣніе, но *только* опьянѣніе и *ничего* больше. Почему ему суждено это видѣть? Почему ему не дано было сохранить въ себѣ вѣру во всю эту мишурную ложь? Почему онъ долженъ быть зрячимъ въ то время, какъ другіе остаются слѣпыми? Онъ имѣлъ право оставаться слѣпымъ, вѣдь онъ вѣрилъ во все, во что можно было вѣрить.

Внизу, въ деревнѣ, одинъ за другимъ стали загораться огни.

Тамъ стоялъ домъ подлѣ дома, все чьи-нибудь родные очаги. Гдѣ мой родной очагъ! гдѣ мой родной очагъ! и моя дѣтская вѣра во всю красоту жизни!—А если они правы, всѣ другіе! Если земля полна трепещущими сердцами, а на небѣ есть любящій Богъ! Но почему же я этого не знаю, почему я знаю другое? И я *знаю* другое, я знаю ужасную, горькую истинную дѣйствительность...

Онъ всталъ; предъ нимъ въ яркомъ лунномъ сіяніи лежали поля и луга. Онъ спустился къ де-

ревнѣ по дорогѣ, тянувшейся мимо помѣщичьяго дома. Онѣ заглянулѣ за каменную стѣну. Тамѣ, въ саду, посреди лужайки, стоялѣ серебристый тополь; луна лила свой свѣтъ на дрожащіе листья, поворачивавшіеся то темной, то свѣтлой стороной. Могенсѣ облокотился на стѣну сада и сталѣ глядѣть на дерево; казалось, будто листья струятся съ вѣтвей его. Ему казалось, что онѣ слышитѣ шорохѣ струящейся листвы. Вдругѣ гдѣ-то совсѣмѣ близко раздался прекрасный женскій голосѣ:

Цвѣтокъ въ росѣ!

Цвѣтокъ въ росѣ!

Шепчи мнѣ тихо мечты свои.

Ихѣ тотѣ же самый вѣтерѣ обвѣваетѣ,

Ихѣ тотѣ же странный ароматѣ ласкаетѣ,

Какѣ и мои?

Такѣ что жѣ онѣ не плачутѣ, не вздыхаютѣ,

Ни въ знойномѣ запахѣ, ни въ тускломѣ свѣтѣ,

Ни въ сладкомѣ пѣніи не слышны вздохи эти:

Вѣ тоскѣ,

Вѣ тоскѣ живу я!

Потомѣ снова настала тишина. Могенсѣ глубоко вздохнулѣ и сталѣ напряженно вслушиваться; пѣнія больше не было слышно; наверху, въ помѣщичьемѣ домѣ, хлопнула дверь. Теперь до него ясно доносился шелестѣ листьевѣвъ на серебристомѣ

тополѣ. Онѣ опустили голову на руки и заплакали.

Слѣдующій день былъ одинъ изъ тѣхъ, которыми такъ щедро дарить насъ конецъ лѣта; дулъ вѣтеръ, свѣжій и прохладный, по небу торопливо проносились крупныя облака, поминутно застилая солнце и вызывая непрерывную смѣну свѣта и тѣни.

Могенсъ отправился на кладбище; садъ помѣщичьяго дома примыкалъ къ нему. Кладбище имѣло довольно обнаженный видъ; трава была недавно скошена; за старой четырехугольной желѣзной рѣшеткой стоялъ широкой, низкій бузиновый кустъ, на которомъ вѣтеръ шелестѣлъ листьями. Нѣсколько могилъ было окружено деревянными рѣшетками; но большинство изъ нихъ представляло только низкіе четырехугольные холмики; нѣкоторыя были снабжены металлическими досками съ надписями, на другихъ стояли крашенныя деревянные кресты, съ которыхъ краска частью сошла; иныя были украшены восковыми вѣнками, но большей частью онѣ были лишены всякихъ украшеній. Могенсъ сталъ искать защищеннаго отъ вѣтра мѣста, но вѣтеръ, казалось, обдувалъ церковь со всѣхъ сторонъ. Онѣ бросился на землю около насыпи и вытащилъ изъ кармана книжку; но изъ его попытокъ заняться чтеніемъ ничего не выходило; всякій разъ, когда облако застигало

солнце, ему казалось, что становится холодно, и онъ собирался подняться; но облако пронеслось мимо, становилось свѣтлѣе, и онъ оставался на своемъ мѣстѣ. Вдругъ на дорогѣ показалась молодая дѣвушка; она медленно приближалась; двѣ охотничьи собаки, борзая и лягавая, рѣзвясь, бѣжали впереди. Она остановилась и, повидимому, хотѣла сѣсть, но, завидя Могенса, перерѣзала наискось кладбище и вышла черезъ калитку. Могенсъ поднялся и посмотрѣлъ ей вслѣдъ; она шла по большой дорогѣ, обѣ собаки попрежнему рѣзвились вокругъ нея. Могенсъ принялся читать надпись на одной изъ могилъ, она заставила его расхохотаться. Вдругъ какая-то тѣнь упала на могилу и остановилась. Могенсъ повернулъ голову. Рядомъ съ нимъ стоялъ молодой человѣкъ съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, засунувъ одну руку въ охотничью сумку, въ другой держа ружье.

— Она не такъ глупа, — сказалъ онъ, кивнувъ головой на надпись.

— Да, — сказалъ Могенсъ, выпрямляясь.

— Скажите, пожалуйста, — продолжалъ охотникъ, глядя въ сторону, словно ища чего-то, — вы уже нѣсколько дней здѣсь, и я все время удивляюсь вамъ, хотя до сихъ поръ не имѣлъ случая встрѣтиться съ вами; вы постоянно ходите въ одиночествѣ, почему вы не зашли къ намъ? Какъ вы проводите здѣсь время? Вѣдь дѣлъ у васъ никакихъ здѣсь нѣтъ.

— Нѣтъ, я здѣсь живу ради удовольствія.

— О, этого здѣсь достаточно,— разсмѣялся незнакомец;— вы ходите на охоту? Не хотите ли пойти со мною? Но мнѣ надо раньше зайти въ трактиръ за дробью, а пока вы будете снаряжаться, я могу сходить къ кузнецу и выругать его. Ну, что, идете?

— Съ удовольствіемъ.

— Ахъ, да—Тора! вы не видали здѣсь молодой дѣвушки?— онъ вскочилъ на насыпь;— да вот она идетъ; это моя кузина, я не могу васъ представить, но пойдите со мной, вы будете между нами судьей. Мы держимъ пари; она должна быть на кладбищѣ съ собаками, а я долженъ пройти мимо нея съ ружьемъ и охотничьей сумкой, причемъ я не имѣю права ни звать, ни свистать, и если собаки все-таки пойдутъ за мной, то она проиграетъ пари. Теперь мы увидимъ.

Они скоро догнали молодую дѣвушку; охотникъ смотрѣлъ прямо передъ собою, но не могъ удержаться отъ улыбки. Могенсъ поклонился, проходя мимо. Собаки удивленно посмотрѣли вслѣдъ охотнику и глухо заворчали; потомъ онъ взглянули на свою хозяйку и залаяли; она хотѣла ихъ погладить рукой, но онъ равнодушно отошли отъ нея, продолжая лаять вслѣдъ охотнику. Шагъ за шагомъ онъ все больше и больше удалялись отъ нея, посмотрѣли на нее еще разъ сбоку и вдругъ

устремилась за охотникомъ; догнавъ его, онѣ долго въ неукротимой радости прыгали вокругъ него.

— Проиграла! — крикнулъ онѣ молодой дѣвушкѣ; она, улыбаясь, кивнула головой, повернулась и ушла.

Охота затянулась далеко за полдень; Могенсъ и Вилльямъ сразу сошлись, и Могенсъ долженъ былъ обѣщать придти вечеромъ въ помѣщичій домъ. Онѣ сдержалъ слово и съ тѣхъ поръ сталъ ходить туда почти каждый день, но, не смотря на неоднократныя гостепріимныя приглашенія, остался жить въ гостинницѣ.

Для Могенса настало тревожное время. Вначалѣ близость Торы пробудила въ немъ вновь всѣ печальныя и мрачныя воспоминанія; часто онѣ долженъ былъ завязывать разговоръ съ кѣмъ-нибудь или совершенно уходить прочь для того, чтобы не поддаться волненію, которое имѣ овладевало. Она совсѣмъ не была похожа на Камиллу, и все-таки онѣ видѣлъ и слышалъ только Камиллу. Тора была небольшого роста, съ тоненькой и нѣжной фигурой; ее легко было заставить смѣяться, плакать и восторгаться; если ей случалось имѣть съ кѣмъ-нибудь продолжительный серьезный разговоръ, то совершенно не чувствовалось, что такой разговоръ сближаетъ съ нею, напротивъ, казалось, точно она уходитъ глубже

въ себя; если ей объясняли или развивали передъ нею какую-нибудь мысль, то на лицѣ ея и во всей фигурѣ выражалось самое горячее довѣріе, а иногда и ожиданіе. Вилльямъ и его маленькая сестра обращались съ ней не совсѣмъ, какъ съ товарищемъ, но далеко и не какъ съ чужой; дядя и тетка, слуги, служанки и крестьяне — всѣ за нею ухаживали, но какъ-то осторожно, почти робко; они держались съ ней приблизительно, какъ путникъ въ лѣсу, увидавшій маленькую, хорошенькую пѣвчую птичку; онъ такъ радъ этому маленькому, живому существу, хотѣлъ бы, чтобы оно подошло ближе къ нему, но боится двинуться съ мѣста, едва рѣшается дышать, чтобы не спугнуть его.

По мѣрѣ того, какъ Могенсъ чаще видалъ Тору, воспоминанія являлись всѣ рѣже и рѣже; теперь онъ начиналъ видѣть ее такою, какъ она была. Душа его была полна мира и счастья, когда онъ бывалъ у нея, и тихой тоски и тихой грусти, когда онъ ея не видалъ. Позднѣе онъ говорилъ съ нею о Камиллѣ и о своей прошлой жизни, и почти съ удивленіемъ оглядывался на самого себя, подчасъ ему казалось непостижимымъ, что это онъ думалъ, чувствовалъ и дѣлалъ всѣ тѣ удивительныя вещи, о которыхъ онъ рассказывалъ.

Однажды вечеромъ онъ и Тора стояли на холмикѣ въ саду и смотрѣли на солнечный закатъ.

Вильямъ и его маленькая сестренка гнались другъ за другомъ вокругъ холма. Тысячи легкихъ свѣтлыхъ красокъ были разлиты кругомъ, сотни яркихъ, сочныхъ цвѣтовъ. Могенсъ отвелъ отъ нихъ взглядъ и посмотрѣлъ на темную фигурку, стоявшую рядомъ съ нимъ; какой невзрачной она казалась на фонѣ всего этого пышнаго великолѣпія; онъ вздохнулъ и снова устремилъ взглядъ на отливавшія всѣми цвѣтами облака. Это не была мысль въ настоящемъ значеніи, это было что-то смутное, далеко скользнувшее и исчезнувшее такъ же быстро, какъ и явилось; это была какъ бы мысль взгляда.

— Теперь эльфы на зеленомъ холмѣ радуются, потому что солнце совсѣмъ спустилось, — сказала Тора.

— Да - а!

— Конечно! Развѣ вы не знаете, что эльфы любятъ темноту?

Могенсъ улыбнулся.

— Да, вы не вѣрите въ эльфовъ, но вы должны были бы вѣрить. Такъ чудно вѣрить во все это, во всѣхъ этихъ эльфовъ и горныхъ духовъ. Я вѣрю также въ русалокъ и бузинную бабушку, но кобальды! къ чему намъ кобальды и страшные уроды? Старая Маренъ сердится, когда я это говорю; она говоритъ, что вѣрить во все то, во что я вѣрю, это не благочестиво; совсѣмъ другое

дѣло, говоритъ она, предсказанія, которыя встрѣчаются и въ евангеліи. А что вы думаете?

— Я? право, не знаю—что вы собственно хотите сказать?

— Вы навѣрное не любите природы?

— О, напротивъ!

— Я говорю не про ту природу, на которую смотрятъ со специальныхъ пунктовъ, съ возвышеній, куда надо подыматься по особо сдѣланнымъ для этой цѣли ступенькамъ и откуда намъ преподносятъ ее весьма торжественно, какъ на блюдѣ; я говорю про обыкновенную, будничную природу, которая всегда тутъ. Вы любите природу такъ?

— Именно такъ я ее и люблю! каждый листикъ, каждая вѣточка, каждый солнечный лучъ, каждая тѣнь могутъ меня радовать. Нѣтъ такого голаго холма, нѣтъ такого болота, нѣтъ такой скучной однообразной дороги, въ которыя бы я не могъ влюбиться въ одну минуту.

— Но какое удовольствіе можетъ вамъ доставлять дерево или кустъ, если вы не представляете себѣ, что въ нихъ живетъ живое существо, которое открываетъ и закрываетъ вѣнчики цвѣтовъ и разглаживаетъ листочки? Когда вы видите передъ собою озеро, глубокое, прозрачное озеро, развѣ вы его не потому любите, что представляете себѣ, что глубоко, глубоко внизу живутъ существа, имѣющія свои особыя радости и печали,

свою странную жизнь со странными желаніями и тоской? И какая же красота заключается, напримеръ, въ Бредбьергскомъ холмѣ, если не вообразить себѣ, что онъ весь кишитъ крохотными, крохотными существами, суетливо копошащимися въ немъ, вздыхающими, когда солнце восходитъ, затѣвающими пляску и игры, когда наступаетъ вечеръ?

— Какъ это красиво! И все это вы видите?

— А вы?

— Видите ли, я не могу этого объяснить; это въ краскахъ, въ движеніи, въ формахъ, въ самой жизни, которою все полно, въ сокахъ, поднимающихся по стволамъ деревьевъ и стеблямъ цвѣтовъ, въ солнцѣ и дождѣ, которые способствуютъ ихъ росту, въ пескѣ, который вѣтеръ наноситъ большими кучами, въ ливняхъ, внезапно обрушивающихся на землю—ахъ! вы ничего не поймете въ моемъ объясненіи.

— И этого для васъ достаточно?

— О, иной разъ этого слишкомъ много!—слишкомъ много! И когда видишь эти легкія и очаровательныя формы, и краски, и движенія, за которыми скрывается цѣлый особый міръ, цѣлый міръ чувствъ, и радостей, и вздоховъ, и стремленій, прорывающихся наружу въ словахъ и пѣсняхъ, и когда не можешь подойти къ этому міру ближе — тогда чувствуешь себя такимъ покинутымъ, и жизнь кажется такой блѣдной и тяжелой.

— Нѣтъ, нѣтъ! такъ вы не должны думать о своей невѣстѣ!

— О, я думаю не о своей невѣстѣ.

Вилльямъ и сестра его подошли къ нимъ и они вмѣстѣ вошли въ домъ.

Однажды утромъ, нѣсколько дней спустя, Могенсъ и Тора гуляли по саду. Могенсъ хотѣлъ посмотрѣть виноградныя теплицы, въ которыхъ онъ еще не былъ; это было довольно длинное, но не особенно высокое строеніе; на стеклянной крышѣ его играли и сверкали солнечные лучи. Они вошли; воздухъ въ оранжереѣ былъ теплый и сырой и издавалъ какой-то странный, пряный запахъ, точно отъ свѣже привезенной земли. Красивые зубчатые листья и тяжелые, покрытые каплями росы гроздья, освѣщенные и словно насквозь пропитанные солнечными лучами, тянулись къ стеклянной крышѣ, наполняя оранжерею яркой зеленью и распространяя вокругъ себя какой-то блаженный покой. Тора съ выраженіемъ счастья на лицѣ смотрѣла на верхъ; Могенсъ былъ охваченъ безпокойствомъ и то кидалъ на нее грустный взглядъ, то устремлялъ глаза на окружающую зелень.

— Послушайте,—сказала Тора радостно,—мнѣ кажется, я теперь начинаю понимать то, что

вы на-дняхъ говорили въ саду о формахъ и краскахъ.

— Больше вы ничего не поняли? — спросилъ Могенсъ тихо и серьезно.

— Нѣтъ, — прошептала она, бросила на него быстрый взглядъ, опустила глаза и покраснѣла, — тогда нѣтъ.

— Тогда! — повторилъ Могенсъ мягко и опустился передъ нею на колѣни. — А теперь, Тора?

Она наклонилась къ нему, протянула ему одну руку, другой закрыла глаза и заплакала. Могенсъ, поднимаясь, прижалъ ея руку къ своей груди; она подняла голову, и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она посмотрѣла на него влажными, сіяющими глазами, улыбнулась и прошептала:

— Слава Богу!

Могенсъ оставался еще недѣлю; было рѣшено, что свадьба будетъ въ серединѣ лѣта. Потомъ онъ уѣхалъ.

Пришла зима съ темными днями, длинными ночами и вихремъ писемъ.

Свѣтъ во всѣхъ окнахъ помѣщичьяго дома, зелень и цвѣты надъ всѣми дверями, на широкой каменной лѣстницѣ густая толпа разряженныхъ друзей и знакомыхъ; всѣ взоры обращены на дорогу — Могенсъ только что уѣхалъ со своей молодой женой.

Колеса кареты стучали, закрытыя окна дребез-

жали; Тора смотрѣла въ одно изъ оконъ — она смотрѣла на придорожный ровъ, на холмикъ близъ кузницы, гдѣ весной цвѣли аврикулы, на громадныя кусты бузины, принадлежавшія Бертель Нильсену, на мельницу и мельниковыхъ гусей, на Далумскій холмъ, съ котораго они съ Вилльямомъ всего еще немного лѣтъ тому назадъ сѣзжали на салазкахъ, на Далумскій лугъ, на длинныя, уродливыя тѣни лошадей, скользившія по лежавшимъ вдоль дороги кучамъ щебня, на торфяныя болота и ржаныя поля. Она тихонько плакала; отъ времени до времени, вытирая запотѣвшее стекло, она украдкой взглядывала на Могенса. Онъ сидѣлъ, наклонившись впередъ и закрывъ лицо руками; его дорожный плащъ былъ слегка накинута на плечи, шляпа его лежала, покачиваясь, на переднемъ сидѣньи. Какія мысли пробѣгали у него въ головѣ! Это былъ странный день для него, а прощаніе почти окончательно лишило его мужества. Она должна была разстаться съ родными и друзьями, со всѣми тѣми мѣстами и уголками, съ которыми было связано столько воспоминаній, безконечныя ряды воспоминаній, громоздившіяся другъ на друга до самаго неба — и все это для того, чтобы уѣхать съ нимъ! И онъ-то долженъ былъ быть тѣмъ человѣкомъ, которому можно было спокойно и увѣренно вручить свою судьбу, онъ,

со своимъ прошлымъ, полнымъ грубости и разврата! Вѣдь не могло быть даже увѣренности, что это только прошлое; конечно, онъ очень измѣнился и даже съ трудомъ представлялъ себѣ, чѣмъ онъ былъ раньше; но вѣдь отъ себя самого совсѣмъ не убѣжишь никогда; навѣрное, все это еще живетъ въ немъ гдѣ-то въ глубинѣ его существа, и онъ-то долженъ охранять и беречь это невинное дитя! Онъ самъ, слава Богу, погрузился въ грязь по уши; конечно, ему благополучно удастся втянуть и ее туда же! Но нѣтъ! — нѣтъ, она не должна—она, не смотря на его близость, должна попрежнему жить своей ясной, радостной, дѣвичьей жизнью. Колеса продолжали стучать по дорогѣ; наступила ночь и сквозь совершенно запотѣлыя стекла ничего больше не было видно; только огоньки сверкали отъ времени до времени въ домахъ и дворахъ, мимо которыхъ они проѣзжали. Тора дремала. Лишь подъ утро они пріѣхали въ свое новое жилище, имѣніе, которое Могенсъ купилъ. Отъ лошадей шелъ паръ на холодномъ утреннемъ воздухѣ; воробьи чирикали въ высокихъ липахъ на дворѣ, дымъ медленно поднимался изъ дымовыхъ трубъ. Могенсъ помогъ Торѣ выйти изъ кареты, и она, улыбаясь и съ довольнымъ видомъ, стала осматривать все вокругъ себя; но она ничего не могла съ собой подѣлать, усталость и сонливость слишкомъ одо-

лѣвали ее, и она не была въ состояніи скрыть ихъ. Проводивъ ее въ ея комнату, Могенсъ сошелъ въ садъ, сѣлъ на скамью и вообразилъ, что онъ лѣбуется солнечнымъ восходомъ, но онъ и самъ былъ слишкомъ усталымъ, чтобы долго оставаться въ такомъ заблужденіи. Около полудня, они снова встрѣтились съ Торой, оба веселые и свѣжіе; началось хожденіе и осматриваніе дома и хозяйства и безконечное удивленіе; они держали совѣты, и принимали рѣшенія, и вносили самыя безумныя предложенія, которыя единогласно признавали чрезвычайно практичными. Сколько усилий Тора приложила, чтобы выказать должный интересъ въ тотъ моментъ, когда ей были представлены коровы, и какъ трудно было не проявить слишкомъ легкомысленной радости при видѣ очаровательнаго лохматаго щенка. А Могенсъ! Съ какой твердостью онъ говорилъ о дренажѣ и о цѣнахъ на рожь, стоя передъ Торой и мысленно представляя себѣ, какъ она будетъ выглядѣть съ краснымъ макомъ въ волосахъ.

О, какую комедію они разыгрывали вечеромъ, сидя у себя на верандѣ! Луна такъ ярко свѣтила, отбрасывая на полъ контуры оконныхъ рамъ; Могенсъ, не выпуская руки Торы изъ своихъ рукъ, увѣрялъ ее самымъ серьезнымъ образомъ, что она должна, дѣйствительно должна пойти спать, потому что она, безъ всякаго сомнѣнія, устала; на

что она ему объявила, что онъ гадкій и хочет только избавиться отъ нея и что онъ, повидимому, уже раскаивается, что женился на ней; за этимъ, конечно, послѣдовало примиреніе; они оба хохотали, и время незамѣтно бѣжало, становилось поздно. Наконецъ, Тора ушла къ себѣ, Могенсъ же остался на верандѣ. Онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ оттого, что она ушла, и воображеніе стало рисовать ему страшныя картины, что она умерла и ее похоронили, и онъ остался одинъ на свѣтѣ; и онъ оплакивалъ ее, и въ концѣ концовъ слезы дѣйствительно потекли у него изъ глазъ. Онъ разсердился на самого себя и принялся шагать назадъ и впередъ по комнатѣ, твердо рѣшивъ быть благоразумнымъ. Тутъ была любовь, чистая и возвышенная, безъ всякой примѣси грубой, земной страсти; да, тутъ была такая любовь, а если ея еще не было, то она должна была стать такой; да, страсть все разрушаетъ, она такъ отвратительна, такъ нечеловѣчна; какъ онъ ненавидитъ въ человѣческой натурѣ все нечистое и грубое. Это отвратительное и властное покорило, подчинило, измучило его, оно наполнило его слухъ и зрѣніе, оно заразило его мысли. Онъ пошелъ къ себѣ въ комнату.

Онъ взялъ книгу и началъ читать; онъ читалъ, не имѣя представленія о томъ, что онъ читаетъ— не случилось ли чего-нибудь съ ней?—нѣтъ, онъ

не могъ этого вынести; онъ тихонько подкрался къ ея двери. Но нѣтъ, тамъ было все тихо и спокойно; онъ сталъ напряженно прислушиваться, и ему показалось, что онъ слышитъ ея дыханіе;— сердце у него колотилось въ груди; ему казалось, что онъ слышитъ и это біеніе собственнаго сердца. Онъ вернулся къ себѣ въ комнату и снова взялъ книгу. Онъ закрылъ глаза: какъ ясно онъ видѣлъ ее передъ собой; онъ слышалъ ея голосъ, она наклонилась къ нему и что-то шептала—какъ онъ ее любитъ, какъ онъ ее любитъ, какъ онъ ее любитъ! Въ немъ все пѣло; мысли ритмично колышались въ его мозгу и воображеніе ясно рисовало ему все, что пробѣгало въ его мысляхъ. Она такъ спокойно лежитъ теперь и спитъ; рука закинута за голову, волосы распустились, глаза закрыты; она дышетъ такъ легко—воздухъ въ комнатѣ колышется едва замѣтно, онъ весь красенъ, словно наполненъ отблескомъ розъ — точно неуклюжій фавнъ, подражающій пляскѣ нимфъ, одѣяло грубыми складками обрисовываетъ ея нѣжные члены — нѣтъ, нѣтъ! онъ не хочетъ думать о ней; не хочетъ *такъ* думать о ней, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, нѣтъ; но оно пришло снова, снова явилось все это, и онъ не могъ избавиться отъ этого, но оно *должно* уйти прочь, прочь! И оно являлось и проходило, пока не явился сонъ и не прошла ночь.

На слѣдующій день, послѣ захода солнца, они гуляли вмѣстѣ въ саду. Рука объ руку они шли медленно и молчаливо, переходя съ дорожки на дорожку, отъ запаха резеды къ запаху розъ и жасмина; нѣсколько кузнечиковъ, звеня, пронеслось мимо нихъ, гдѣ то во ржи закричала перепелка, и снова настала тишина, нарушаемая только шелестомъ шелковаго платья Тора.

— Какъ мы умѣемъ молчать! — воскликнула Тора.

— И какъ мы умѣемъ ходить! — подхватилъ Могенсъ, — мы навѣрное прошли милю.

Нѣкоторое время они снова шли молча.

— О чемъ ты думаешь? — спросила она.

— Я думаю о самомъ себѣ.

— И я тоже.

— Ты тоже думаешь о себѣ?

— Нѣтъ, — о тебѣ, тебѣ, Могенсъ.

Онъ притянулъ ее ближе къ себѣ. Они подошли къ верандѣ; дверь въ садъ была открыта; на верандѣ было очень свѣтло, и столъ съ бѣлоснѣжной скатертью, съ серебрянымъ блюдомъ, наполненнымъ ярко-красной земляникой, съ блестящими серебряными подсвѣчниками, производилъ праздничное впечатлѣніе.

— Это, какъ въ сказкѣ, когда Гансъ и Гретхенъ въ лѣсу подходятъ къ пряничному домику, — сказала Тора.

— Ты хочешь войти?

— Ты забываешь, что тамъ внутри сидитъ вѣдьма, которая зажаритъ и съѣстъ насъ, бѣдныхъ маленькихъ дѣтей. Нѣтъ, гораздо лучше будетъ, если мы устоимъ противъ сахарныхъ оконъ и пряничной крыши и, взявшись за руки, вернемся снова въ темный лѣсъ.

Они удалились отъ веранды. Она прижалась къ Могенсу и продолжала:

— А можетъ быть, это дворець турецкаго султана, и ты—арабъ изъ пустыни, который хочетъ меня похитить, и стража султана преслѣдуетъ насъ, сабли сверкаютъ, и мы бѣжимъ и бѣжимъ; но они схватили твою лошадь, и хватаютъ насъ, и тащутъ насъ съ собой, и сажаютъ насъ въ огромный мѣшокъ; и мы оба сидимъ въ этомъ мѣшкѣ и вмѣстѣ тонемъ въ морѣ... Погоди-ка, что бы это еще могло быть?..

— Но почему же не можетъ быть то, что есть?

— О, можетъ быть и это, но это слишкомъ мало... если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю, но я такъ несчастна—я сама не знаю, что это—мы такъ далеки другъ отъ друга—нѣтъ.

Она обвила руками его шею, порывисто поцѣловала его и прижалась горячей щекой къ его щекѣ.

— Я сама этого не понимаю, но иногда мнѣ почти хочется, чтобы ты меня ударилъ; я знаю,

это ребячество, и я вѣдь такъ счастлива, такъ счастлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ я *такъ* несчастна.

Она опустила голову къ нему на грудь и заплакала; потомъ она сквозь слезы начала пѣть, сначала тихо, потомъ все громче и громче:

Цвѣтокъ въ росѣ!

Цвѣтокъ въ росѣ!

Шепчи мнѣ тихо мечты свои.

Ихъ тотъ же самый вѣтеръ обвѣваетъ,

Ихъ тотъ же странный аромат ласкаетъ,

Какъ и мои?

Такъ что жъ онѣ не плачутъ, не вздыхаютъ,

Ни въ знойномъ запахѣ, ни въ тускломъ свѣтѣ,

Ни въ сладкомъ пѣніи не слышны вздохи эти:

Въ тоскѣ,

Въ тоскѣ живу я!

— Моя милая, дорогая крошка!—и онъ взялъ ее на руки и понесъ въ домъ.

На слѣдующее утро онъ стоялъ у ея кровати. Сквозь спущенныя шторы въ комнату проникалъ спокойный и мягкій свѣтъ, смягчая всѣ линіи и краски. Могенсу казалось, что вмѣстѣ съ движеніями ея груди воздухъ ходитъ легкими волнами вверхъ и внизъ. Голова ея лежала косо на подушкѣ, волосы падали на бѣлый лобъ, одна щека была краснѣе другой, отъ времени до времени въ выпуклыхъ вѣкахъ пробѣгала дрожь,

линии губъ едва замѣтно колебались, то придавая лицу серьезное выраженіе, то складываясь въ улыбку.

Могенсъ долго стоялъ и смотрѣлъ на нее; онъ былъ спокоенъ и счастливъ; послѣдняя тѣнь его прошлаго исчезла. Потомъ онъ тихонько вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ гостиной и сталъ ее ждать. Онъ сидѣлъ нѣкоторое время, задумавшись, какъ вдругъ почувствовалъ ея голову на своемъ плечѣ; щека ея крѣпко прижалась къ его щекѣ.

Они вмѣстѣ вышли въ садъ, весь пропитанный запахомъ свѣжаго утра. Солнце торжествующе сіяло надъ землею, капли росы сверкали, рано раскрывшіеся цвѣты блистали яркими красками, гдѣ-то высоко, подъ самыми небесами, заливался жаворонокъ, ласточки рѣяли въ воздухѣ. Они направились черезъ зеленый лугъ къ холму, на которомъ колосилась рожь; они пошли по межѣ, спускавшейся внизъ съ холма; Тора шла впереди и безпрестанно оглядывалась черезъ плечо на Могенса; они разговаривали и смѣялись, и по мѣрѣ того, какъ они спускались съ холма, рожь все больше и больше закрывала ихъ. Скоро они исчезли изъ виду.

Перев. *Ад. Острогорская.*

Пусть розы здѣсь цвѣтутъ.

Новелла.

Пусть розы здѣсь цвѣтутъ.

Пусть будутъ крупныя, блѣдножелтыя.

Пусть склоняются черезъ стѣну сада пышными гроздьями и равнодушно роняютъ въ колеи дороги свои лепестки:—изысканный признакъ цвѣточнаго обилія, незримаго отсюда.

И пусть розы благоухаютъ ароматомъ неуловимымъ и незапоминаемымъ, какъ аромать невѣдомыхъ плодовъ, о которыхъ наши чувства грезятъ во снѣ.

Или, пусть будутъ здѣсь красныя розы?

Можетъ быть.

Тогда это маленькія, упругія розы; онѣ свѣшиваются легкими гирляндами, свѣжія и красныя среди блестящей листвы, какъ привѣтъ, какъ воздушный поцѣлуй запыленному и усталому путнику, радостно идущему своимъ путемъ: вѣдь до Рима уже нѣтъ и четверти мили.

О чемъ онъ думаетъ? И чѣмъ живетъ?

Вотъ его уже скрыли дома; они скрываютъ все — другъ друга, дорогу и городъ; зато далеко видно въ другую сторону; тамъ дорога лѣнливымъ и медленнымъ поворотомъ сворачиваетъ къ рѣкѣ и спускается къ сумрачному мосту. А за мостомъ разстилается чудовищная Кампанья.

Сѣро-зеленая, безконечная равнина... какъ будто вся усталость томительныхъ дорогъ поднимается съ нея, и снова тяжело давить, опускаясь куда-то; и растетъ чувство оставленности, чувство одиночества, растетъ тоска и томленіе.

Лучше ужъ пріютиться вотъ въ этомъ уголкѣ, подъ высокими стѣнами сада, гдѣ воздухъ струится такъ мягко и легко; сидѣть на солнечной сторонѣ, гдѣ въ стѣнной нишѣ притаилась скамья; тамъ сидѣть и любоваться на блестящую зелень листьевъ аканта въ дорожной пыли, на серебряные шипы и блѣдно-желтые осенніе цвѣты.

Противъ тебя, на длинной сѣрой стѣнѣ, которая выпустила изъ трещинъ и углубленій высохшую траву,—на ней-то и должны быть розы; и пусть онѣ выглядываютъ какъ разъ оттуда, гдѣ однообразная длинная поверхность стѣны прерывается очаровательно изогнутой старинной кованной рѣшеткой; выдаваясь впередъ, она образуетъ перила просторнаго балкона, почти въ человѣческой ростъ; хорошо было уходить сюда, когда надоѣдала замкнутость сада.

А это часто случалось съ ними.

И ненавидѣли же они великолѣпіе старой виллы, которая ужъ навѣрно стоитъ посреди сада, съ мраморными лѣстницами и толстыми коврами; эти вѣковыя деревья съ листвою темной и гордой — пинии и лавры, ясени, дубы и кипарисы — росли и крѣпли подъ непрестанною ненавистью; подъ ненавистью мятежныхъ сердець ко всему ежедневному и доступному, что кажется враждебнымъ, потому что спокойно и равнодушно.

Но съ балкона можно было хоть взорами уноситься въ даль; потому они и стояли здѣсь такъ часто, поколѣнія за поколѣніями; и всѣ смотрѣли на волю, каждый со своими надеждами, каждый со своею ненавистью. Не разъ рука въ золотыхъ запястьяхъ лежала на краю желѣзной рѣшетки; много колѣнъ въ тяжелыхъ шелкахъ опиралось на черный арабескъ; а за рѣшетку спускались и вѣяли пестрыя ленты, какъ любовный привѣтъ, какъ условный знакъ свиданія. Также стояли здѣсь беременныя, тяжеловѣсныя женщины, и также тщетно вопрошали даль. Большія, великолѣпныя, покинутыя женщины, блѣдныя, какъ сама ненависть... еслибъ только мысль могла насылать смерть, еслибъ желаніе могло открывать адъ!.. Женщины и мужчины! Вѣчно—женщины и мужчины,—даже для этихъ исхудалыхъ и бѣлыхъ дѣ-

вичьихъ сердець! Какъ стая заблудшихъ голубей, прижимались они къ черной рѣшеткѣ и взывали: о, найдите, схватите насъ, благородные хищники!

Здѣсь можно представить пословицу.

Декорация очень идетъ къ пословицѣ.

Вся стѣна съ балкономъ годится, какъ есть. Только дорогу надо расширить въ круглую площадку, и пусть посреди ея будетъ старый скромный фонтанъ изъ желтоватаго туффа, съ надтреснутымъ порфирнымъ бассейномъ. На немъ — дельфинъ съ отбитымъ хвостомъ и заткнутой ноздрей. Изъ другой ноздри вода бьетъ тонкой стружкой. — У фонтана — полукруглая каменная скамья изъ вывѣтрившагося камня.

Легкая, сѣро-бѣлая пыль, красноватый влажный камень, желтоватый пористый туффъ, темный, отшлифованный и блестящій отъ сырости порфиръ, и живой, тонкій, дрожащій серебряный лучикъ: вотъ прекрасное сочетаніе красокъ и вещества.

Дѣйствующія лица—два пажа.

Но только — не опредѣленной исторической эпохи: вѣдь дѣйствительные пажи были вовсе не похожи на воображаемыхъ. Пусть эти пажи будутъ такими, какъ тѣ, что мечтаютъ и любятъ на картинкахъ и въ книжкахъ.

Значить, только въ костюмѣ—немного исторіи.

Актриса, играющая младшаго пажа, одѣта въ

легкій шелкъ, плотно облегающій ее, свѣтлоглубой и затканный геральдическими лиліями самаго свѣтлаго золота. Это, и еще столько кружевъ, сколько можно надѣть, — вотъ все выдающееся въ костюмѣ, который, не преслѣдуя исторической точности, стремится подчеркнуть стройность юнаго тѣла, роскошные бѣлокурые волосы и нѣжный цвѣтъ лица.

Актриса замужемъ, но замужество продолжалось всего полтора года; она разсталась съ мужемъ и, вѣрно, совсѣмъ не хорошо поступила съ нимъ. Можетъ быть, это и такъ, однако нигдѣ нельзя встрѣтить большей невинности. Это совсѣмъ не та первоначальная, простенькая невинность, которая также, конечно, привлекательна; нѣтъ, это развитая и взлелѣянная невинность, въ которой не ошибется ни одинъ человѣкъ; она проникаетъ прямо въ сердце и покоряетъ его властью, доступной только совершенству.

Другая актриса стройна и мечтательна — по смыслу пословицы. Она не замужемъ, у нея нѣтъ никакого прошлаго, совсѣмъ нѣтъ; никто ничего о ней не знаетъ; но, какъ много говорятъ ея тонко вырисованные, почти худые члены, ея янтарно-блѣдное, правильное лицо, обрамленное локонами цвѣта воронова крыла, на сильной мужской шеѣ, — лицо, влекущее улыбкой насмѣшливой и вмѣстѣ тоскливой; въ непроницаемыхъ

глазахъ—сумракъ мягкій и блестящій, какъ темные лепестки анютиныхъ глазокъ.

На ней—нѣжно-палевый костюмъ, словно панцырь, съ широкими продольными полосами, стоячимъ воротникомъ и топазовыми застежками. Узкій, сборчатый рюшъ выглядываетъ изъ ворота и изъ обтянутыхъ рукавовъ. Широкія и короткія панталоны мертваго зеленаго цвѣта съ матовымъ пурпуромъ въ прорѣзахъ. Сѣрое трико. У голубого пажа оно, конечно, ослѣпительно бѣлое.

Оба—въ беретахъ.

Такова ихъ внѣшность.

А теперь палевый стоитъ, облокотясь на перила балкона, а голубой сидитъ внизу у фонтана, удобно откинувшись на спинку скамьи, обхвативъ одно колѣно руками, унизанными кольцами. Мечтательно смотритъ онъ въ дали Кампаньи.

Вотъ заговорилъ:

„Нѣтъ, ничто не сравнится съ женщиной въ мірѣ!

И какъ мнѣ постичь это... вѣрно, какія-то чары заключены въ линіяхъ тѣла, въ тѣхъ линіяхъ, какія ей предназначены; когда я только вижу, какъ проходятъ онѣ --- Изора, Розамунда, и донна Лиза, и другія, — когда я только вижу, какъ облегають ихъ тѣла одежда, какъ располагаются при ходьбѣ складки, — мнѣ кажется тогда, будто мое сердце выпиваетъ всю кровь моихъ жилъ, и голова моя пуста, и нѣтъ мыслей, и

члены мои бессильно дрожать, и все существо мое исходить единымъ, долгимъ, тоскливымъ, робкимъ и прерывистымъ вздохомъ. Что это? Что же это? Будто счастье проходить незримо мимо двери моей, и я долженъ схватить и держать его, и тогда оно будетъ моимъ, но я не могу схватить его, потому что не вижу его“.

Тогда говорить другой пажъ съ балкона:

„А если бы ты сидѣлъ у ея ногъ, и въ думахъ своихъ она потеряла бы и забыла, зачѣмъ звала тебя, а ты сидѣлъ бы молча и ждалъ, и ея прекрасное лицо склонялось бы надъ тобой, такое далекое подъ тучами сновъ ея — дальше, чѣмъ звѣзда въ небѣ,—но такое близкое къ глазамъ твоимъ, что каждая черточка была бы доступна твоему восхищенію и каждая прекрасная линия и каждая тѣнь ея кожи, въ бѣломъ покоѣ своемъ и въ легкомъ розовомъ смущеніи,—развѣ не казалось бы тебѣ тогда, что она, вотъ эта, склоненная надъ тобой, принадлежитъ не твоему міру, гдѣ ты, восхищенный, склоняешь колѣна, но что ей принадлежитъ иной міръ, что иной міръ окружаетъ ее, и туда стремятся мысли ея—въ праздничныхъ платьяхъ, къ невѣдомой тебѣ цѣли; что тамъ она любитъ, вдали отъ всего твоего, вдали отъ твоего свѣта, въ той дали, куда она упорно стремится; будто въ мысляхъ ея нельзя завоевать и малаго мѣста, хотя ты только о томъ и мечта-

ешь, чтобы всѣмъ ей пожертвовать, отдать свою жизнь и все свое лишь затѣмъ, чтобъ возникъ между вами даже не отблескъ близости, безконечно меньше того, что носить имя ея“.

„Да, да, ты самъ знаешь, что это такъ. Но...“

Вотъ пробѣжала зелено-желтая ящерица по краю балкона. Остановилась, осматривается. Шевелить хвостомъ...

Вотъ бы, камень подъ рукой...

Берегись, четвероногій дружокъ!

Да нѣтъ, въ нее не попадешь; она издалека чуетъ камень. А все-таки испугалась.

Но въ то же мгновеніе исчезли пажи.

А какъ она была красива, голубая; взоръ ея былъ полонъ настоящей тоски, во всѣхъ движеніяхъ ея разливалось нервное предчувствіе, — и въ скорбной складкѣ около рта, когда она мечтала, и еще больше, когда слушала палеваго пажу, который говорилъ ей съ балкона слова дразнящія и ласкающія, съ отгѣнкомъ дружелюбной насмѣшливости.

А развѣ не кажется опять, что пажи вернулись?

Они здѣсь; они, и уходя, продолжали играть пословицу, и говорили о неясной юношеской любви, о той любви, что не знаетъ покоя и носится черезъ всѣ страны предчувствій, черезъ всѣ небеса надеждъ, и болѣзненно тоскуеть о

томъ, какъ ей перелиться въ единое, глубокое пламя великаго ощущенія; объ этомъ говорили они: младшій — съ горькой жалобой, старшій — со скорбью. И вотъ говоритъ палевый голубому: не надо такъ настойчиво требовать, чтобъ настигла и удержала тебя женская любовь.

„Нѣтъ, повѣрь, говоритъ онъ, любовь, которую ты найдешь въ объятіи двухъ бѣлыхъ рукъ, въ двухъ глазахъ, замѣнившихъ тебѣ небо, въ надежномъ блаженствѣ двухъ устъ,—такая любовь не поднимается выше земли и праха, она промѣняла свободную вѣчность мечтаній на счастье, часами измѣряемое и часами измѣняемое; пусть вѣчная молодость суждена ей, но съ каждымъ разомъ теряетъ она лучъ изъ лучей, окружающихъ неувыдаемымъ сіяніемъ вѣчную юность мечтаній. Нѣтъ, ты счастливъ!“

„Нѣтъ, *ты* счастливъ, возражаетъ голубой, я отдалъ бы цѣлый міръ за то, чтобы быть тобою“.

И голубой всталъ и пошелъ по дорогѣ въ Кампанью, а палевый смотритъ ему вслѣдъ со скорбной улыбкой и тихо шепчетъ: нѣтъ, онъ счастливъ!

Но далеко, на спускѣ дороги, оборачивается голубой еще разъ къ балкону и кричитъ, поднимая беретъ: „Нѣтъ, ты счастливъ!“

Пусть розы здѣсь цвѣтутъ.

А теперь пусть промчится внезапный вѣтерокъ,
пусть сорветъ съ отягченныхъ вѣтокъ дождь
розовыхъ лепестковъ и броситъ ихъ вслѣдъ уходящему пажу.

Перев. *Александръ Блокъ.*

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФЪ.

- I. СЕМЬ СМЕРТНЫХЪ ГРѢХОВЪ. Пер. С. Городецкого.
- II. ПРЕСТУПНИКЪ. Пер. С. Городецкого.

Сельма Лагерлефъ.

ОСКАРА ЛЕВЕРТИНА

Сельма Лагерлефъ представляетъ собою самую удивительную литературную аномалію изъ всѣхъ, какія я знаю. То, что казалось навѣкъ устарѣвшимъ, она обновила; тому, что считалось давно пережитымъ и похороненнымъ, она вновь дала жизнь, поразившую всѣхъ. Въ эпоху, которая представляется намъ прежде всего умудренной опытомъ и старой, и поэзія которой даже тогда, когда она изображаетъ молодость, съ такимъ трудомъ удается скрыть мелкія морщинки на вискахъ и улыбку старости на губахъ— въ такую эпоху міръ представляется ея глазамъ, какъ никогда невиданная, впервые раскрывающаяся книга чудесъ; и тѣ, что она видитъ, она умѣетъ рассказать такъ, что всѣ старые и умудренные опытомъ, слушающіе ее, становятся тоже, какъ дѣти, и не въ силахъ оторваться отъ ея разсказа. Въ такое время, когда интеллектуальный расчетъ несомнѣнно перевѣшиваетъ непосредственность, въ ней все—бьющая черезъ край фантазія, и все, что она говоритъ, рождается у нея исключительно изъ простоты сердца, въ библейскомъ значеніи этого слова. Въ эпоху сомнѣній и недоумѣній, вызывающихъ жесткое и неумолимое отношеніе къ жизни, у нея находится для всего живущаго та нѣжность, та восторженная любовь къ людямъ, животнымъ, цвѣтамъ, какія мы видимъ у св. Франциска и другихъ святыхъ юга, все существо которыхъ проникнуто настроеніемъ, напоминающимъ блаженство пѣвчихъ пташекъ. Все это вмѣстѣ создаетъ поэзію, являющуюся въ своихъ недостат-

кахъ и достоинствахъ единственной въ своемъ родѣ и оказывающую почти мистически-оригинальное дѣйствіе.

Сельма Лагерлефъ родилась въ Верmlandѣ въ 1858 году. Она готовилась къ учительской дѣятельности, прошла между 1882—1885 гг. курсъ учительской семинаріи въ Стокгольмѣ и потомъ цѣлый рядъ годовъ была учительницей въ начальной женской школѣ въ небольшомъ городкѣ Ландскрона. До 1890 года она была совершенно неизвестна. Весной этого года одна изъ стокгольмскихъ женскихъ газетъ *Idun* объявила конкурсъ для новеллъ „размѣромъ около ста страницъ“. Туда Сельма Лагерлефъ послала первые отрывки книги, которой суждено было приобрести такую любовь и известность не только въ Швеціи, но и далеко за предѣлами сѣвера. Эта книга—повѣсть „Гѣста Берлингъ“.

Трудно себѣ представить жизнь болѣе простую, менѣе богатую фактами, способными объяснить ея творчество, чѣмъ жизнь Сельмы Лагерлефъ, и такъ же проста и незамѣтна и самая внѣшность этой женщины. Съ появленіемъ въ свѣтъ повѣсти „Гѣста Берлингъ“ Сельма Лагерлефъ покидаетъ узкій учительскій кругъ маленькаго города, въ которомъ жила до тѣхъ поръ. Она долгое время путешествуетъ по югу и востоку и приобретаетъ европейскую известность раньше, чѣмъ снова селится въ шведскѣмъ провинціалномъ городѣ, столицѣ древней Далекарліи, Фаллуни, съ ея старинными мѣдными рудниками. Но ее все еще окружаетъ таинственное инкогнито генія. Только ея удивительный, обращенный внутрь, взглядъ и глубокій голосъ поражаютъ съ перваго момента. Сельма Лагерлефъ не умѣетъ вести разговора. Она дѣлается замѣтной только, когда начинаетъ рассказывать что-нибудь. Тогда она вырастаетъ въ какую-то невѣдомую величину, покоряющую слушателя, и изумленіе насъ охватываетъ тогда передъ тайнами ея генія.

Ученіе о переселеніи душъ представляется мнѣ мало привлекательнымъ. Оно слишкомъ элементарно. Есть что-то раздражающее въ мысли, что любой человекъ можетъ подвергнуться любому превращенію. Достаточно горечи заключается въ словахъ мрачнаго датскаго принца, что прахъ Александра Македонскаго служить замазкою для бочки. Еще больше горечи, однако, въ мысли, что душа Александра на пути своихъ странствованій проходить, можетъ быть, черезъ цѣлый рядъ не отличающихся героизмомъ земныхъ оболочекъ. Но, читая Сельму Лагерлефъ, невольно дѣлаешься склоннымъ вѣрить въ это старое ученіе. Всюду въ ея рассказахъ и особенно въ обрисовкѣ женскихъ образовъ у нея встрѣчаются странныя слова, точно вышедшія изъ сокровенной глубины души, неувливаемые штрихи, словно откровенія, далекія и сказочныя, но въ то же время проникнутыя правдой, которая чаруетъ и покоряетъ. Мечтательность семнадцатилѣтней молоденькой дѣвушки и усталость пятидесятилѣтней женщины, материнство, экстазъ монашенки, коварство вѣдьмы и счастье королевы, всѣ самыя разнообразныя тайны и порывы женской жизни—все знакомо этой писательницѣ, собственная жизнь которой протекала такъ тихо и уединенно. Да, душа Сельмы Лагерлефъ въ своемъ странствованіи прошла черезъ много возрастовъ и много образовъ. Въ глубокой древности она была сѣдой Валой, среди грохота бурь возвѣщавшей свои прорицанія; она была опьяненной жизнью, тайно увезенной дочерью ярла и кающейся, бичующей себя монахиней; она была злымъ духомъ, святой, вѣдьмой, рабыней; и еще во множествѣ другихъ образовъ жила она на землѣ. Въ ея рассказахъ мы находимъ весь пылъ, всю мудрость и радость прежнихъ далекихъ, лишь полузабытыхъ существованій съ ихъ богатымъ опытомъ, въ нихъ намъ слышится отдаленное эхо давно минувшихъ временъ и разрушенныхъ городовъ.

Но не только это. Ея произведенія проникнуты особой логикой; это не обычная логика нашего міра; при всей своей кажущейся парадоксальности она словно отвѣчаетъ самому таинственному закону жизненнаго процесса. Загадочная музыка, звучащая за спущеннымъ занавѣсомъ, часто съ изумительной силой слышится въ ея словахъ. Она обладаетъ поражающей способностью впагаты смыслъ въ абсурдное и придавать послѣдовательность безсвязному и разбросанному. Иногда мнѣ кажется, что она знакома съ Парками, и что три беззубыя, старыя богини судьбы знаютъ дорогу къ ея жилищу и не разъ въ уютный послѣобѣденный часъ, за чашкою кофе, рассказываютъ ей интересныя вещи: Пахезисъ о томъ, какъ натягивается и грунтуется ткань жизни; Атропосъ о томъ, какъ неутомимо-дѣятельный челнокъ выводитъ на красной основѣ свой пестрый рисунокъ; Клото о томъ, какъ отрѣзаются нить и шаблоны.

Въ одномъ изъ своихъ рассказовъ— „Исторія изъ Хальстанеса“—Сельма Лагерлефъ выводитъ уморительнаго стараго отставнаго шведскаго офицера, который свой старческій досугъ проводитъ въ изготовленіи большого ковра изъ лоскутьевъ, куда „онъ влечетъ свою жизнь и жизнь своихъ друзей, стараясь дать слабое изображеніе того, какъ эти жизни представлялись его глазамъ на станкѣ Господа“.

Такимъ удивительнымъ сказочнымъ ковромъ изъ лоскутковъ можно назвать картину ея собственной писательской дѣятельности. Здѣсь нѣтъ недостатка въ рѣзкихъ краскахъ, а также и въ нѣкоторой доморощенной пестротѣ иногда сомнительнаго вкуса, но все это исчезаетъ передъ безконечнымъ богатствомъ рисунковъ и мотивовъ, дѣлающимъ изъ него дѣйствительно единственное въ своемъ родѣ изображеніе мировой ткани.

Среди всѣхъ атрибутовъ колдовства, которыми Сельма Лагерлефъ добросовѣстно пользуется въ своихъ твореніяхъ,

отсутствуетъ, насколько я знаю, одно таинственное орудіе которое, однако, особенно подошло бы къ ея поэзіи. Я имѣю въ виду волшебный жезлъ. Но, можетъ быть, она потому ничего о немъ не говоритъ, что пользуется имъ ежедневно и поэтому уже не находитъ въ его чудесахъ ничего особенно удивительнаго. Но намъ всё эти свѣжіе ключи, бьющіе изъ-подъ ея руки, представляются чудесными. Это забытые источники, принадлежащіе безконечно далекому прошлому, сѣдой старинѣ Швеціи—принадлежитъ же она и сама къ древнему шведскому роду, отъ котораго тянутся нити къ Олафу Рудбеку *), какъ и къ Тегнеру и Гайеру. Но она вызвала къ жизни и новые источники изъ нѣдръ земли и скалъ. Какъ минувшее десятилѣтіе показало намъ, что шведскія нѣдра таятъ въ себѣ невѣдомыя богатства драгоцѣннаго металла, такъ и она дала намъ живое доказательство неистощимаго поэтическаго богатства Швеціи. Конечно, оно было извѣстно уже и раньше, но она проявила его съ самымъ несомнѣннымъ и гениальнымъ инстинктомъ. Поэтому-то эта дочь Швеціи и особенно дорога нашему сердцу.

*) Шведскій ученый XVII вѣка, который пытался доказать въ своемъ Атландѣ, что упоминаемая Платономъ „Атлантида“ и есть Швеція.

Семь смертныхъ грѣховъ.

Захотѣлось злomu духу поглумиться надъ мудрымъ монахомъ. Покрывшись широкимъ плащемъ и огромной мягкой шляпой, чтобъ никто не могъ его узнать, онъ пошелъ къ старику, который сидѣлъ въ исповѣдальнѣ собора и поджидалъ исповѣдниковъ.

„Преподобный отецъ“, сказалъ искуcитель, „я—землепашецъ и сынъ землепашца. Я подымаюсь съ солнцемъ и творю молитву, потомъ цѣлый день работаю на полѣ. Моя пища—молоко и хлѣбъ, и, даже веселясь съ друзьями, я потчую ихъ медомъ и плодами. Я—единственная опора моихъ дряхлыхъ родителей. Я не женатъ, и меня не тянетъ къ женщинамъ. Я часто хожу въ церковь и жертвую ей десятину со своего имущества. Преподобный отецъ, вотъ моя исповѣдь. Отпусти грѣхи мои“.

„Сынъ мой“, сказалъ монахъ, „ты набожнѣе всѣхъ, кого я видѣлъ на своемъ вѣку. Охотно дамъ тебѣ отпущеніе. Только сначала хочу разсказать тебѣ, что случилось недавно въ нашихъ

мѣстахъ. Твое сердце возликуеть, потому что, услышавъ о многихъ славныхъ подвигахъ, ты все-таки сможешь сказать себѣ, что совершившіе ихъ—жалкіе грѣшники передъ тобою“.

„Отецъ, не вводи во искушеніе мою гордыню“, сказалъ исповѣдникъ.

„Сохрани меня, Боже, отъ такого грѣха“, отвѣтилъ монахъ. „Выслушавъ мой рассказъ, ты не подумаешь такъ“.

И онъ началъ: „Гордый рыцарь, которому принадлежитъ большой замокъ по ту сторону рѣки, въ одинъ прекрасный день надумалъ выдать свою дочь замужъ за богатаго и могущественнаго человѣка, преданнаго ей всѣмъ сердцемъ. Это шло наперекоръ желаніямъ дѣвушки, потому что она уже общалась свою вѣрность другому“.

„И вотъ она написала своему возлюбленному, что отецъ заставляетъ ее отдаться нелюбимому. «Прощай, тысячу разъ говорю тебѣ: прощай», писала она,—«и прошу тебя, не тоскуй по мнѣ, потому что въ душѣ я вѣрна тебѣ».

„Но рыцарь, отецъ ея, отнялъ письмо у посланнаго и сжегъ его.

„Такъ пришелъ день ея свадьбы, и она привѣтствовала его горючими слезами. Въ церкви она не плакала: горе внѣдрилось въ черты ея лица, и оно окаменѣло. Но плакали надъ ней всѣ бывшіе въ церкви.

„Рыцарь, отецъ ея, тоже видѣлъ, какъ печаль сдѣлала лицо ея каменнымъ. И испугался поступка своего. И, когда вернулись изъ церкви, позвалъ дочь къ себѣ въ башню и сказалъ: «Родная, виноватъ передъ тобою». И сталъ на колѣни передъ нею, хотя и былъ гордымъ человекомъ, и сознался въ своемъ стыдѣ — что сжегъ письмо. Боялся, что ея возлюбленный со своей дружиной силой увезетъ невѣсту, если узнаетъ о свадьбѣ.

„Она сказала ему: «Твое оправданіе въ томъ, отецъ, что ты не знаешь, какое горе мнѣ причинилъ». И ушла назадъ подъемнымъ мостомъ.

„Тогда пришелъ женихъ къ ней и спросилъ: «Дорогая, почему на твоёмъ лицѣ такое горе?»

„И отвѣтила невѣста: «Потому что у меня есть возлюбленный, котораго я поклялась никогда не покидать».

„Но онъ сказалъ: «Изъ-за этого не будь печальной. Моя любовь къ тебѣ такъ велика, что никто не можетъ сдѣлать тебя счастливѣе, чѣмъ я сдѣлаю».

„Она отвѣтила только: «Такъ думаетъ всякій, кто любитъ».

„«Скажи мнѣ, что я долженъ сдѣлать, чтобъ согнать горе съ твоего лица, и я покажу тебѣ, что говорю правду», сказалъ онъ. И вотъ невѣсту охватила рѣшимость, и она подумала: «Скажу

ему, быть можетъ, Богъ смягчить его сердце». И рассказала ему, что она и ея любимый поклялись другъ другу въ томъ, что если одинъ изъ нихъ измѣнитъ ихъ нѣжной любви, то другой убьетъ себя въ день свадьбы. «И вотъ сегодня мой любимый убьетъ себя», говорила невѣста. И въ скорби опустилась на землю и въ слезахъ лежала у ногъ жениха. «Пусти меня къ нему, пока онъ живъ».

„Была такая сила въ скорби этой женщины, что супругъ ея, хотя и подумалъ: «Отпустивъ ее къ тому, кого она любитъ, я навсегда лишусь ея», все-таки пересилилъ себя и сказалъ: «Дѣлай, какъ тебѣ лучше». Она встала и благодарила его сквозь слезы. И пошла въ залу къ свадебнымъ гостямъ, которые сидѣли за накрытыми столами передъ своими тарелками и алчно ждали начала пиршества, потому что были голодны послѣ далекаго переѣзда и длинной обѣдни.

„«Любезные гости», сказала имъ новобрачная, «я должна вамъ сказать, что съ позволенія моего супруга я отправляюсь сейчасъ къ моему возлюбленному. Онъ долженъ убить себя сегодня, потому что я нарушила клятву. Иду сказать ему, что меня насильно заставили это сдѣлать. Не удивляйтесь, что иду сама, для такого порученія нельзя найти достаточно надежнаго посла. И прошу васъ: кушайте, пейте и веселитесь, пока

я буду тамъ. Я вернусь, какъ только спасу любимаго отъ смерти».

„Но всѣ гости заплакали, когда узнали о бѣдѣ которая ей угрожаетъ, и сказали въ отвѣтъ: «нѣтъ, не хотимъ мы ѣсть и пить, пока у тебя такое горе. Иди, и когда вернешься, мы начнемъ пиршество».

„И встали изъ-за столовъ,

„Когда новобрачная шла по двору замка, слышался громкій плачь изъ кухни.

„Мальчишка изъ замковой челяди прибѣжалъ къ главному повару и возвѣстилъ ему, что столъ откладывается на нѣсколько часовъ. И главный поваръ, подумавъ о своихъ жаркихъ и другихъ кушаньяхъ, которыя теперь должны испортиться, пришелъ въ такое отчаяніе, что бросилъ въ огонь цѣлый лисфунтъ масла, разбилъ корзину яицъ о каменную плиту, а мальчишку выбросилъ за дверь и стоялъ надъ нимъ, поднявъ для удара большую метлу.

„Новобрачная, проходя по двору, попросила повара отпустить мальчишку, и онъ не могъ устоять противъ ея просьбы и тотчасъ пересталъ бить его. И воскликнулъ: «Хвала Господу, сотворившему тебя такой милостивой. Не хочу тебя огорчать». И ждалъ съ своими кушаньями много часовъ, не сказавъ никому дурного слова.

„Новобрачная пошла одна дремучимъ лѣсомъ,

потому что она хотѣла итти къ возлюбленному пѣшкомъ и безъ спутниковъ, какъ ходятъ въ часовню къ Божьей Матери въ минуты скорби.

„Но въ лѣсу жилъ разбойникъ. Онъ увидѣлъ изъ своей засады новобрачную, идущую по лѣсу. У нея были кольца на пальцахъ, золотая корона на головѣ, тяжелый серебряный поясъ вокругъ тѣла и жемчугъ на шеѣ. И разбойникъ сказалъ себѣ: «Это слабая женщина. Возьму ея драгоценности, и съ меня будетъ довольно. Уйду въ чужія страны, брошу свою постыдную жизнь въ лѣсу и стану честнымъ человекомъ».

„Но, когда новобрачная подошла ближе, и онъ увидѣлъ ея лицо, силы оставили его. Такой милой создалъ ее Богъ. Разбойникъ подумалъ: «Не могу ее обидѣть. Это невѣста, и я не могу такую милую женщину пустить ограбленной на свадьбу. И онъ побоялся Бога, создавшаго такую женщину, и далъ ей пройти.

„Въ томъ же лѣсу жилъ старый отшельникъ, который умерщвлялъ свою плоть тѣмъ, что по шести дней не спалъ, а спалъ только на седьмой. Если же и на седьмой день у него не было свободнаго времени для сна, то онъ, по своему обѣту, не спалъ и слѣдующіе шесть. Онъ вѣрилъ, что это угодно Богу. И вотъ седьмой день уже приходилъ къ концу, а онъ все еще не имѣлъ возможности заснуть, потому что много больныхъ

и несчастныхъ приходило къ нему. Когда же, наконецъ, освободившись, онъ захотѣлъ заснуть, въ густомъ лѣсу показалась новобрачная, шедшая къ нему. И онъ подумалъ про себя: «Какъ же эта странница переправится черезъ быструю рѣку? Вѣдь ночью вода прибыла и снесла мостъ». И онъ, покинувъ свое ложе, провелъ ее къ рѣкѣ и на своихъ плечахъ перенесъ черезъ воду. Когда же онъ вернулся къ своей пещерѣ, время для сна уже прошло, и онъ долженъ былъ еще шесть дней не спать изъ-за чужой женщины. Но онъ не жалѣлъ объ этомъ, потому что она была такая милая, что всѣ, кто ни видѣлъ ее, рады были претерпѣть какое-нибудь лишеніе для нея.

„Такъ пришла невѣста въ домъ своего возлюбленнаго. Онъ скрылся одинъ въ свою келью и закрылъ дверь тяжелымъ засовомъ. И когда она постучалась, онъ не хотѣлъ отворять, потому что, обнаживъ мечъ, уже поднялъ руку на себя.

„Она же не могла ни кричать, ни просить, потому что страхъ душилъ ея голосъ. Но горячія слезы текли у нея и падали на каменные плиты, и черезъ дубовыя двери онъ услышалъ, что она плачетъ. И, услышавъ, не могъ убить себя, и открылъ двери.

„Она предстала передъ нимъ со сложенными руками и рассказала ему, что ее заставили сдѣлать. И, увидѣвъ, что она его еще любитъ, онъ

объщала ей не лишать себя жизни. Она наклонилась къ нему, и онъ поцѣловалъ ее, и въ одинъ мигъ они испытали всю радость и всю тоску, на которыя способно человѣческое сердце.

„Онъ сказалъ ей: «Уходи, потому что ты принадлежишь другому». И она отвѣтила: «Могу ли я?»

„Но рыцарь, котораго она любила, отвелъ ея руки и сказалъ: «Не оскорблю того, кто пустилъ тебя ко мнѣ». И велѣвъ осѣдлать двухъ лошадей, онъ поѣхалъ съ ней назадъ въ замокъ ея отца...“

Все это рассказалъ монахъ злему духу, все еще не зная, съ кѣмъ онъ говоритъ. Кончивъ, онъ спросилъ его: кто, по его мнѣнію, изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа принесъ наибольшую жертву. Монахъ былъ мудрый человѣкъ и зналъ хорошо, что никто изъ людей не можетъ быть такимъ безгрѣшнымъ, какимъ выставляетъ себя этотъ незнакомецъ. И при помощи своего разсказа онъ рассчитывалъ узнать, какимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ грѣшенъ онъ. Смотря по отвѣту,—кто покажется принесшимъ самую большую жертву: отецъ ли, новобрачный, гости, поварь, разбойникъ, отшельникъ или рыцарь, монахъ могъ заключить, что гордость, ревность, обжорство, гнѣвъ, скупость, лѣность или сладострастіе владѣетъ душою исповѣдника. Вѣдь болѣе всего онъ долженъ изумиться въ другомъ тому, что ему самому труднѣе всего исполнить.

Но злой духъ былъ такъ увлеченъ своею игрою, что не замѣтилъ хитрости монаха. „Право“, сказалъ онъ, „не легко отвѣтить на твой вопросъ. Думается мнѣ, что новобрачный принесъ не меньшую жертву, чѣмъ рыцарь, и что гости выказали отреченіе не меньшее, чѣмъ разбойникъ. Всѣ они заслуживаютъ великой славы“. И онъ думалъ, что его отвѣтъ удовлетворилъ монаха.

Но благочестивый монахъ въ страхъ воскликнулъ: „Ради милосерднаго Бога, скажи, что ты предпочитаешь одинъ подвигъ другому, или что ты ни одному изъ нихъ не придаешь особенной цѣны!“

„Вовсе нѣтъ, святой отецъ“, отвѣтилъ искуситель. „Всѣ подвиги, совершенные этими людьми, трудны. Но я не могу ни одинъ поставить выше другого“.

Монахъ приблизилъ губы къ его уху и прошепталъ сдавленнымъ голосомъ: „Заклинаю тебя, признай одинъ изъ подвиговъ труднѣйшимъ“.

Но злой духъ отказывался и просилъ отпустить ему грѣхи.

„Тогда ты грѣшенъ во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ“, вскричалъ монахъ въ ужасѣ, „и ты—самъ діаволь, а не человѣкъ“.

Съ этими словами онъ бросился изъ исповѣдальни, ища защиты у алтаря. И тамъ началъ слова заклѣтья: *Vade retro, Satanas*. Злой духъ,

увидѣвъ, что онъ выдалъ себя, распахнулъ свой плащъ, какъ два крыла, и вылетѣлъ черезъ темный куполь церкви большой черной летучей мышью.

Итакъ, Богъ не попустилъ совершиться злomu умыслу, и все кончилось къ славѣ Его. Разсказъ монаха съ давнихъ поръ помогаетъ узнавать скрытое въ сердцахъ человѣческихъ. При умѣломъ употребленіи онъ подобенъ сѣти въ рукахъ рыбака. Какъ сѣть, закинутая въ море, ловить рыбу, такъ и онъ, проникая въ глубь человѣческаго сердца, выводитъ грѣхи на свѣтъ Божій, гдѣ легче съ ними бороться и преодолевать ихъ.

Преступникъ.

(Разсказъ изъ жизни въ шхерахъ).

Быль холодный майскій день. Сирень стояла подъ снѣгомъ. Въ природѣ была какая-то разно-голосица, все будто вверхъ дномъ стало.

Повидимому, и людямъ, приплывшимъ подъ парусами и на веслахъ къ школьному дому, гдѣ долженъ былъ состояться мѣстный судъ, было тоже не по себѣ: дѣло, собравшее ихъ, было совершенно необычно для мѣстности, гдѣ убійства принадлежали къ рѣдкимъ случаямъ.

Обвиняемый, Андреасъ Эккъ, бывшій таможенный надзиратель, убилъ свою жену при обстоятельствахъ, поистинѣ возмутительныхъ.

Судья, молодой ассессоръ, у котораго голова была набита баснями объ угнетенномъ положеніи женщины, совершенно незнакомый съ тѣмъ суевѣрнымъ почитаніемъ, съ которымъ здѣшніе жители относились къ своимъ женамъ и матерямъ, имѣлъ заранѣе составленное мнѣніе и хотѣлъ только воспользоваться случаемъ для примѣрнаго наказанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить повышение по службѣ. Онъ былъ знакомъ съ современнымъ

судопроизводствомъ большихъ культурныхъ государствъ, и такъ какъ ему въ первый разъ пришлось имѣть дѣло съ убійцей, онъ рѣшилъ примѣнить новыя, неиспытанныя еще средства для того, чтобы вызвать полное признаніе преступника и получить несомнѣнныя доказательства его виновности.

Съ этой цѣлью онъ приказалъ доставить въ школу трупъ убитой, ея платье и фотографію; лодка, въ которой произошло убійство, была при-тащена во дворъ школы; цѣпь, раздробившая грудную клѣтку убитой, лежала на столѣ, какъ орудіе убійства. Кромѣ того онъ обратился къ извѣстному врачу съ просьбой изслѣдовать преступника и дать свое заключеніе по поводу того, принадлежитъ ли онъ къ типу преступниковъ или нѣтъ; собралъ подробныя біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ, его предкахъ и родныхъ, такъ что были всѣ основанія ожидать добросовѣстнаго и обоснованнаго приговора. Къ сожалѣнію, все это было сдѣлано не столько для выясненія причинъ преступленія, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣрно наказать преступника.

Заль суда былъ открытъ, и подъ наблюденіемъ кронфогта и ленсмана впускались желающіе. Судья сидѣлъ на каедрѣ, передъ нимъ за маленькимъ столомъ секретарь и стенографы. Налѣво двѣнадцать присяжныхъ, направо докторъ, пасторъ и кронфогтъ.

Послѣ приведенія къ присягѣ присяжныхъ былъ введенъ подсудимый.

Это былъ человекъ небольшого роста, коренастый, съ рѣдкой черной бородой вокругъ подбородка. Длинные волосы загибались на затылкѣ и спадали локонами на воротникъ. Лицо, здоровое и свѣжее, какъ-то не шло къ бородѣ и казалось маской. Ротъ, носъ, глаза и уши безъ сомнѣнія имѣли нѣсколько рѣзкія очертанія, обличая индивидуума, стоящаго на низкой ступени развитія. Впрочемъ ни одна черта не выдавалась въ ущербъ другой. Глаза лежали глубоко и какъ будто давно перестали видѣть окружающее и обратились внутрь себя, а глазныя впадины приобрѣли тѣ характерныя морщинки въ видѣ крыльевъ, которыя являются слѣдствіемъ мучительныхъ мыслей или постояннаго напряженія вниманія при попыткахъ понять чужой языкъ, дѣтскій лепетъ или что-нибудь непонятное. Лобъ по сравненію съ другими чертами лица былъ нормаленъ: не слишкомъ высокъ, не слишкомъ низокъ. Вообще ничто въ наружности этого человека не указывало на неуравновѣшенность натуры.

Обвиняемый вошелъ, не глядя ни на судью, ни на собравшихся здѣсь людей, но обводя глазами стѣны зала, какъ бы ища точку, на которой остановить свой взглядъ. Оглядѣвъ та-блицы, висящія по стѣнамъ, онъ уставился на

раскрашенный картонъ, изображающій человѣчскія расы.

Наступила тишина, и судья началъ читать первое донесеніе ленсмана, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Въ воскресенье, 17 мая, въ 8 ч. вечера, бывшій таможенный надзиратель Андреасъ Эккъ пришелъ къ ленсману въ Ингаро и, вызвавъ его для разговора, заявилъ ему, что убилъ свою жену при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ полудня мужъ и жена выѣхали на лодкѣ забросить сѣти; при этомъ между ними возникла ссора, во время которой Эккъ столкнулъ свою жену въ воду; когда же она вынырнула, онъ сталъ бить ее цѣпью по груди и по спинѣ, пока она не умерла. Затѣмъ онъ, по собственному признанію, взявши трупъ въ лодку и приплывши домой, стащилъ обезображенное тѣло въ отхожее мѣсто, куда и бросилъ его послѣ вторичныхъ истязаній и надруганій. Послѣ всего этого обвиняемый, по собственному же признанію, сѣлъ въ лодку и отправился къ ленсману заявить о преступленіи.

При слѣдствіи, произведенномъ на мѣстѣ, ленсманъ удостовѣрилъ показаніе обвиняемаго относительно истязанія и сокрытія трупа, а изъ опроса сосѣдей подтвердилось, что лодку съ обоими супругами дѣйствительно видѣли на рыбной ловлѣ въ означенное время; такимъ образомъ не могло

возникнуть подозрѣнія въ добромъ намѣреніи убійцы сознаться въ преступленіи, такъ какъ время между убійствомъ и прибытіемъ Экка къ ленсману приблизительно согласовалось, безъ чего надо было бы предположить, что преступленіе скрывалось, и что признаніе сдѣлано изъ страха передъ свидѣтельскими показаніями съ цѣлью смягченія наказанія; но тѣмъ менѣе могло возникнуть такое подозрѣніе, что ни одного свидѣтеля убійства не нашлось“.

Прочитавъ донесеніе, судья обратился къ подсудимому и спросилъ, какъ предписываетъ порядокъ судопроизводства:

„Эккъ, признаешь ли ты это показаніе ленсмана?“

На что убійца отвѣтилъ коротко и ясно:

„Да!“

„Во всѣхъ подробностяхъ?“—продолжалъ судья.

„Во всѣхъ!“—отвѣтилъ Эккъ.

„На этотъ случай“,—продолжалъ судья дальше: „законъ гласить: признаніе въ преступленіи равняется его доказанности, если только обвиняемый находится въ зрѣломъ возрастѣ и здоровомъ умѣ и признается добровольно, не вынуждаемый къ тому пытками, страхомъ или хитростью. Что Эккъ находится въ здоровомъ умѣ и не принадлежитъ къ числу людей, которые, какъ говоритъ современная наука, предрасположены къ преступнымъ дѣй-

ствіямъ въ силу природныхъ своихъ свойствъ, явствуетъ изъ слѣдующаго свидѣтельства медицинской экспертизы:

„Бывшій таможенный надзиратель Андреасъ Эккъ, 47 лѣтъ, изъ Брандшхеры, былъ мной освидѣтельствованъ съ цѣлью выясненія, не долженъ ли онъ быть причисленъ къ тому низшему типу людей, который наука называетъ преступнымъ или слабоумнымъ, причемъ выяснилось, что онъ къ названной категоріи не принадлежитъ, такъ какъ:

«На черепъ его не замѣчается какой-либо асимметріи или уродства, органы чувствъ нормальны, его глаза не страдаютъ ни страбизмомъ (косоглазіемъ), ни дальтонизмомъ (невоспримчивостью къ нѣкоторымъ цвѣтамъ), равнымъ образомъ органы слуха, обонянія и вкуса не обнаруживаютъ никакихъ недостатковъ, всѣ функціи тѣла и души нормальны».

„Итакъ, мы должны признать, что Эккъ совершилъ преступленіе въ полномъ разсудкѣ и притомъ надъ своей женой, что рассматривается какъ отягчающее вину обстоятельство. Такое преступленіе наказывается смертью. Но въ сводѣ законовъ къ вышеприведеннымъ параграфамъ прибавлено, что смертный приговоръ не можетъ быть произнесенъ на основаніи одного только признанія преступника: необходимо должны быть выяс-

нены обстоятельства, подтверждающія это признаніе. И вотъ я спрашиваю: могутъ ли считаться достаточными для утвержденія приговора такія обстоятельства, какъ то, что преступникъ самъ на себя донесъ, что онъ подтвердилъ и на судѣ свою виновность, что ленсманъ при слѣдствіи нашелъ тѣло истерзаннымъ и спрятаннымъ, какъ указаль преступникъ?»

Судья задалъ этотъ вопросъ, такъ сказать, самому себѣ, потому что никто, кромѣ него и ленсмана, не произносилъ рѣчей, а послѣдній обыкновенно молчалъ. Онъ и не ожидалъ отвѣта, хотя одинъ изъ присяжныхъ, слѣдившій за его рѣчью съ большимъ вниманіемъ, поднялъ голову и раскрылъ было ротъ, какъ бы желая что-то сказать, однако, не сказалъ ничего, рѣшивъ, вѣроятно, подождать.

Докторъ все время вертѣлъ въ рукахъ и рассматривалъ пожелтѣлую, всю въ масляныхъ пятнахъ, карточку убитой, бросая иногда взглядъ на внимательнаго присяжнаго.

Поднялся пасторъ и, подойдя къ судѣ, сказалъ ему что-то на ухо. Судья не протестовалъ противъ такого нарушенія обычая и, проведя рукой по глазамъ, продолжалъ свою рѣчь:

„Приведенныя обстоятельства вполне достаточно подтверждаютъ справедливость дознанія, но еще большее значеніе имѣло бы раскаяніе, выраженное подсудимымъ, потому что не было еще случая...“

Тутъ присяжный сдѣлалъ жестъ по адресу доктора, какъ будто понявъ, въ чемъ дѣло. Судья замѣтилъ это и произнесъ заключительныя слова съ особеннымъ удареніемъ:

„—не было случая, чтобы человѣкъ, совершившій убійство въ полномъ разсудкѣ, не испытывалъ черезъ нѣкоторое время вполнѣ естественнаго чувства раскаянія, хотя бы и вызваннаго только страхомъ передъ послѣдствіями, которыя отсюда могли возникнуть. А потому я спрашиваю тебя, Эккъ, по чистой совѣсти—присяги не требуется—раскаиваешься ли ты въ своемъ преступленіи?“

Убійца, не отрывая глазъ отъ этнографической таблицы, отвѣтилъ рѣшительно:

„Нѣтъ!“

По залу пронесся смутный ропотъ.

„Но ты хотѣлъ бы“—продолжалъ судья— „чтобы этого не случилось?“

Не подумавъ и минуты, Эккъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ! Рано или поздно, я это сдѣлалъ бы!“

„Эккъ, значить ты, что называется, закоренѣлый преступникъ“—произнесъ судья нѣсколько нетерпѣливо— „но мы увидимъ (тутъ пасторъ кивнулъ головой), не проснется ли въ тебѣ дремлющее чувство, которое живетъ въ груди cadaго человѣка,—если только онъ не обратился еще въ животное,—при видѣ твоей жертвы“.

Судья далъ знакъ ленсману, и тотъ вышелъ въ сопровожденіи шести челоуѣкъ.

Въ залѣ мгновенно наступила тишина. Только судья, обернувшись къ пастору, шептался съ нимъ.

Почти сейчасъ же двери снова отворились, и вошелъ ленсманъ, прокладывая въ толпѣ дорогу шести людямъ, несущимъ гробъ съ трупомъ убитой. Гробъ былъ опущенъ передъ каедрой возлѣ арестанта, стоявшаго подъ конвоемъ сторожей.

Сняли крышки, и изъ гроба показался трупъ, распространяя по залу страшный запахъ гнѣющаго жирнаго мяса и карболовой кислоты. Докторъ поднялся на цыпочки и, казалось, сравнивалъ оригиналъ съ портретомъ, который онъ все еще держалъ въ рукахъ. Пасторъ теребилъ свой воротникъ и всталъ, чтобы говорить, въ то время какъ убійца отвелъ на минуту свой взглядъ отъ таблицы, а внимательный присяжный приготовилъ карандашъ, чтобы записать что-то.

„Андреасъ Эккъ“ — началъ пасторъ — „ты стоишь надъ браннымъ тѣломъ, и ты самъ виноватъ въ этой смерти. Ты видишь здѣсь земные останки своей супруги, которую ты клялся любить и не покидать въ радости и горѣ! Сдержалъ ли ты свою клятву? Подумалъ ли ты о томъ, что придетъ часъ, когда ты встрѣтишь ее у престола твоего Господа Бога, и Онъ спроситъ тебя, сдержалъ ли ты свою клятву? Объ этомъ ты не подумалъ,

иначе не поднялась бы рука твоя на такое дѣло. Посмотри на нее и скажи передъ лицомъ всѣхъ собравшихся здѣсь христіанъ, что ты раскаиваешься въ своемъ зломъ дѣлѣ, сознайся въ этомъ искренне и чистосердечно, чтобы твое преступленіе не предало тебя нераскаяннымъ въ карающія руки Господа“.

Но обвиняемый не смотрѣлъ на мертвую. Онъ упорно вглядывался въ стѣну, словно сверлилъ ее глазами.

„Смотри на нее!“—приказалъ судья, и, повинаясь движенію одного изъ сторожей, загремѣвшаго цѣпью, Эккъ обернулся къ трупу, бросилъ на него разсѣянный взглядъ, шевельнулъ ноздрями какъ бы отъ неприятнаго запаха и плюнулъ, вѣроятно, произвольно или по привычкѣ, которую не могъ преодолѣть.

Ропотъ ужаса и отвращенія пробѣжалъ въ толпѣ, какъ будто на глазахъ всѣхъ произошло поруганіе надъ мертвой, и судья долженъ былъ поднять руку, чтобы успокоить волненіе.

Онъ заговорилъ снова:

„Андреасъ Эккъ, прежде чѣмъ произнести приговоръ, содержаніе котораго, кажется, не возбуждаетъ сомнѣній, спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: раскаиваешься ли ты въ своемъ преступленіи?“

„Нѣтъ!“—отвѣтилъ убійца такъ же рѣшительно, какъ и въ первый разъ.

„Знаешь ли ты, что тебѣ грозитъ смерть?“

„Да!“

„И ты не боишься предстать передъ верховнымъ Судіей?“

„Нѣтъ! Я жду этого“.

Судья надѣлъ пенсне и посмотрѣлъ на убійцу пристальнымъ взглядомъ близорукаго человѣка.

„Тебѣ нечего сказать въ свое оправданіе?“.

Подсудимый подумалъ минуту и отвѣтилъ такъ же стремительно, какъ и раньше:

„Нѣтъ!“

Тогда судья повернулся къ присяжнымъ за подтвержденіемъ того, что допросъ оконченъ, и приговоръ можетъ быть произнесенъ.

„Господинъ судья“ — сказалъ внимательный присяжный—я прошу устроить совѣщаніе.“

Пасторъ и докторъ поднялись, чтобы выйти, но судья остановилъ ихъ, обратившись къ присяжному:

„Не допустите ли вы, г. присяжный, присутствія г. пастора и г. доктора на совѣщаніи въ виду важности дѣла?“

Присяжный отвѣтилъ утвердительно, и ленсманъ сталъ очищать залъ отъ постороннихъ.

Когда водворилась тишина, судья обратился къ присяжному Ольссону.

„Что вы имѣете сообщить, г. присяжный?“

Ольссонъ, шестидесятилѣтній, сѣдой человѣкъ,

бывшій присяжнымъ уже около 25 лѣтъ, всталъ и началъ говорить.

„Господинъ судья, и вы, господа, извините, но я не могу во всѣхъ пунктахъ согласиться съ г. судьей. Много видѣлъ я разныхъ преступленій, но ни одного, подобнаго этому. Прежде всего я хотѣлъ бы указать на то, что возраженія мои противъ слѣдствія отнюдь не имѣютъ цѣлью найти смягчающія вину обстоятельства, такъ какъ они привели бы лишь къ тому, что смертная казнь была бы замѣнена долготѣмнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а самъ преступникъ, судя по всему, что здѣсь произошло, считаетъ для себя лучшимъ смерть, чѣмъ тюрьму.

Не входитъ также въ мои намѣренія и попытка доказать, что убійства не было совершено, что, однако, могло бы имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ, такъ какъ доказано, что смерть была лишь слѣдствіемъ нанесенія серьезныхъ поврежденій—преступленіе, караемое всего лишь четырьмя годами смирительнаго дома, что не безразлично для сорокасемилѣтняго человѣка, который могъ бы еще прожить отъ 20 до 30 лѣтъ. Я ходатайствовалъ объ устройствѣ совѣщанія лишь для того, чтобы занести въ протоколъ нѣкоторыя подробности, которыя помогли бы сохранить лучшую память по Андреасъ Эккѣ; вѣдь это не можетъ не имѣть значенія для сына преступника, кото-

рый, наследуя его имя, долженъ знать, кто былъ его отецъ. Въ то же время я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на нѣкоторые пункты въ ходѣ судебного разбирательства, что, можетъ быть, поможетъ со временемъ достигнуть большей точности въ процессѣ. Отдавая должное добрымъ намѣреніямъ г. судьи, я думаю, что тутъ было приложено больше стараній къ тому, чтобы констатировать фактъ преступленія, чѣмъ къ выясненію причинъ его, а между тѣмъ, казалось бы, это послѣднее должно служить основаніемъ нашихъ дѣйствій и имѣть значеніе, если не въ интересахъ правосудія, то для общественнаго мнѣнія, что все-таки немаловажно“.

„Позвольте мнѣ“—прервалъ его судья, и когда присяжный замолчалъ, онъ сказалъ: „Господинъ присяжный хотѣлъ бы найти въ поступкахъ убитой причины преступленія; но такъ какъ мертвыхъ не обвиняютъ, я считаю возраженіе г. присяжнаго неосновательнымъ“.

„Извините, пожалуйста! я вовсе не хочу выкидывать какой-то адвокатской штучки, что г. судья могъ заключить изъ того, что я пропустилъ нѣкоторыя другія слабыя стороны судебного разбирательства. Я могу отвѣтить вкратцѣ слѣдующее: да, мертвые также могутъ играть извѣстную роль передъ судомъ, какъ, напримѣръ, въ вопросахъ наследства. Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что

мертвыхъ не обвиняють и что о нихъ можно говорить только хорошее. Что же касается убійцы— я называю его такъ по его собственному признанію—то, хотя еще не доказано, что его преступленіе не исчерпывается нанесеніемъ ранъ и истязаніемъ, я бы ограничился слѣдующими вопросами ему:

„Какъ пришелъ онъ къ рѣшенію убить свою жену?

„Когда у него зародилось это рѣшеніе?

„Что по мнѣнію подсудимаго было причиной этого рѣшенія?

„Кромѣ того, я хотѣлъ бы, чтобы были выслушаны свидѣтели, которые могли бы подтвердить или опровергнуть слова подсудимаго“.

Судья потеръ глаза, точно ему въ голову попала пыль или песокъ, препятствующій ходу его мыслей. Затѣмъ отвѣтилъ:

„Я настаиваю на томъ, что отвѣты на эти вопросы могутъ набросить тѣнь на убитую!“

„За то они могутъ выяснить что-нибудь въ пользу убійцы, который тоже долженъ умереть и о которомъ можетъ быть тогда можно будетъ сказать что-нибудь хорошее—вѣдь о мертвыхъ можно говорить только хорошее“.

Пасторъ выразилъ на лицѣ желаніе говорить, и его нѣмая просьба была уважена.

„Человѣку въ высшей степени присуще стремле-

ніе къ самооправданію, и я боюсь, что эти вопросы вызовутъ въ убійцѣ желаніе воспользоваться обстоятельствами и свалить вину на мертвую, которая не можетъ защитить себя, и которую тѣмъ болѣе мы должны защищать всѣми силами.“

Несмотря на то, что присяжный, видимо, хотѣлъ что-то возразить, судья заговорилъ самъ:

„Хотя я и присоединяюсь къ мнѣнію г. пастора, все же по закону я не могу отклонить предложенія г. присяжнаго“.

Онъ подаль знакъ ленсману, и убійца снова былъ введенъ въ сопровожденіи толпы народа.

„Андреасъ Эккъ“—началь судья—„можешь ли ты мнѣ сказать, почему ты убилъ свою жену?“

Онъ долго думалъ, потомъ отвѣтилъ:

„Нѣтъ, не могу“.

„Почему? Ты не знаешь, не можешь припомнить, или только не хочешь сказать?“

„Это было такъ давно“.

„Думаешь ли ты, что это намѣреніе жило въ тебѣ уже давно?“

„Да, давно!“

„Сколько времени вы были женаты?“

„Семнадцать лѣтъ“.

„Когда же у тебя явилось намѣреніе убить ее?“

„Лѣтъ шесть тому назадъ“.

„Какъ же это случилось?“

„Я началъ ее ненавидѣть“.

„Почему?“

„Это вы не можете меня заставить сказать.“

„Заставить—да. Законъ не допускаетъ принудительныхъ признаній. Но, когда половина доказательствъ на-лицо, судья имѣетъ право добиваться отвѣта со всей строгостью“.

„Что же это—пытка?“

„Твое дѣло отвѣчать, а не задавать вопросы. Я спрашиваю тебя: какъ возникло у тебя это намѣреніе?“

„Это трудно сказать“—отвѣчалъ Эккъ, роясь въ своихъ воспоминаніяхъ—„потому что оно вошло въ меня понемножку. Но я припоминаю, что сначала я очень хотѣлъ отъ этого избавиться; а потомъ оно такъ забрало меня, что, когда пять лѣтъ тому назадъ мы работали у сосѣда на молотилкѣ, мнѣ захотѣлось увидѣть между колесъ сначала ея палецъ, потомъ руку, потомъ все ея тѣло; мнѣ казалось, что я сталъ бы хохотать, увидѣвъ, какъ она кашей вываливается съ другой стороны машины. Но я не хотѣлъ еще самъ это сдѣлать, мнѣ хотѣлось только посмотрѣть, какъ это будетъ.—Прошелъ годъ, и мнѣ стало хотѣться самому это сдѣлать. Я молилъ Бога избавить меня отъ такихъ мыслей, но онѣ оставались. И все крѣпли. До того дошло, что будто кто велитъ это сдѣлать. Это *должно* случиться. И съ каждымъ

годомъ все яснѣй, до тѣхъ поръ, пока я не почувствовалъ, что если я не сдѣлаю этого, то помѣшаю чему-то, что должно случиться. И все росло во мнѣ, что я долженъ исковеркать ея тѣло и бросить его въ отхожее мѣсто—непремѣнно туда, думалось мнѣ,—почему, я не знаю, мнѣ казалось только, что это самое для нея подходящее мѣсто. И наконецъ я это сдѣлалъ и тогда успокоился!“

„Такъ, но скажи-ка однако“ — осторожно спросилъ судья, словно боясь отвѣта, — „скажи намъ, что же такое случилось шесть лѣтъ тому назадъ, что ты какъ разъ съ того года вознамѣрился это сдѣлать?“

Убийца подумалъ немного, потомъ отвѣтилъ:

„Я не помню, чтобы въ томъ году случилось что-нибудь особенное“.

Пасторъ, все время сидѣвшій спокойно, въ страхъ, что подсудимый постарается для своего спасенія свалить съ себя всю вину, вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ, что допросъ близится къ концу за недостаткомъ матеріала, а судья, рѣшивъ, что правосудіе сдѣлало достаточно, поставивъ подсудимому вопросы по указанію присяжнаго, воспользовался возможностью объявить совѣщаніе закрытымъ, прибавивъ при этомъ, что приговоръ будетъ объявленъ черезъ восемь дней.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, члены суда сидѣли всѣ вмѣстѣ у пастора и пили кофе. Присяжный Ольссонъ и докторъ сидѣли отдѣльно въ нишѣ окна и разговаривали въ полъ-голоса, чтобы другіе не слышали.

„Во всякомъ случаѣ, это достойно вниманія“, — говорилъ присяжный, постукивая пальцами по фотографической карточкѣ, — „мнѣ кажется это просто удивительнымъ, когда я смотрю на эту карточку и вспоминаю, что написалъ медицинскій экспертъ о томъ, что онъ называетъ преступнымъ типомъ; непропорціонально развитой черепъ, косые глаза, недостатокъ симметріи, большія оттопыренные уши. И знаете, что, докторъ, я вѣдь зналъ ее при жизни. Да проститъ мнѣ Богъ, что я это говорю. Зимой жена давала ей ткацкую работу, и она всегда ошибалась въ окраскѣ пряжи“.

„А слышала она плохо?“ — спросилъ докторъ, живо интересуясь разговоромъ.

„Да. А можетъ это было по другой причинѣ, только отъ нея никогда нельзя было получить отвѣтъ на вопросъ“.

„Но вѣдь тогда всѣ признаки совпадаютъ“, воскликнулъ докторъ и вскочилъ со стула. Потомъ сѣлъ опять и продолжалъ тише: „Значитъ, она была преступницей. Но скажите мнѣ, что же произошло у нихъ на морѣ? Что вы думаете обо всемъ этомъ?“

„Да, докторъ. Что за жизнь ведутъ эти люди, тамъ въ шхерахъ, въ постоянномъ одиночествѣ,— этого не расскажешь. Семнадцать лѣтъ прожить вдвоемъ, и только вдвоемъ—это до добра не доведетъ. Я знаю кое-что изъ жизни въ шхерахъ, я таки знаю! Тамъ случилось, что люди на морѣ ѣли другъ друга съ голоду, случилось слышать о такихъ преступленіяхъ, о которыхъ не принято говорить въ обществѣ. Никто никогда не узнаетъ, что происходитъ тамъ, на утесахъ. А что касается нашего случая,—очень хотѣлось бы узнать, что тамъ было, только не удастся это, клянусь вамъ!“

„Но почему же этотъ человѣкъ ничего не говоритъ?“ спросилъ докторъ, „вы мнѣ можете это объяснить?“

„Объяснить я не могу, но таковъ ужъ здѣсь обычай, цовѣрье, суевѣрье, какъ хотите,—что мужъ никогда не жалуется на свою жену. А послушали бы вы здѣшнихъ старухъ, когда онѣ собираются вмѣстѣ! Только послушали бы, докторъ!“

„Значить, этотъ человѣкъ до нѣкоторой степени жертва суевѣрія?“

„Такъ и есть. А попробуйте, искорените его!“

Восемь дней спустя Андреасъ Эккъ былъ приговоренъ къ долгосрочному тюремному заключенію

за убійство своей жены съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Высшая инстанція утвердила приговоръ, а преступникъ упрямо отказывался ходатайствовать о смягченіи наказанія.

Присяжный предлагалъ добиться пересмотра дѣла и опроса свидѣтелей, но Эккъ рѣшительно отказался и грозилъ выместить на себѣ, если кто-нибудь вмѣшается въ его дѣло.



ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

- I. ЧЕТЫРЕ БЪСА. Пер. Ѳедора Сологуба.
- II. ЕЯ ВЫСОЧЕСТВО. Пер. Ѳедора Сологуба.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книгоиздательство „Шиповникъ“, удостоившее меня чести приобщенія къ русской литературѣ, выразило желаніе, чтобы я приложилъ къ первому переводу мою автобіографію. Къ сожалѣнію, я не могу исполнить этой просьбы. Ибо что можетъ выразить автобіографія? Смогли ли когда-нибудь хоть одинъ изъ десяти тысячъ передать въ автобіографіи болѣе, нежели чисто внѣшнія событія своей жизни? Оповѣстить о томъ, что и я также потолкался въ этомъ пестромъ мірѣ; что я видѣлъ не мало городовъ болѣе или менѣе похожихъ одинъ на другой; что мнѣ случалось въ различныхъ странахъ вести бесѣду на трехъ-четырехъ языкахъ съ разными выдающимися личностями, къ сожалѣнію, также мало отличавшимися другъ отъ друга; что я родился въ апрѣльскій день, на островѣ, въ провинціальной семьѣ и прожилъ большую часть своей жизни въ шести-семи столицахъ различныхъ государствъ; что я достигалъ такого-то и такого-то возраста, пока писалъ постепенно тридцать два тома своихъ сочиненій, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, двадцать писать вовсе бы не слѣдовало, и ставилъ на сцену дюжины полторы театральныя пьесы, названій которыхъ я и самъ теперь не помню,—могутъ ли быть интересны всѣ эти свѣдѣнія незнакомымъ мнѣ людямъ, чьи глаза будутъ поспѣшно пробѣгать страницы

этихъ романовъ, когда они появятся на мощномъ русскомъ языкѣ, даже буквъ котораго я не могу разобрать?

О нѣтъ, такъ называемыя автобіографіи имѣютъ слишкомъ мало цѣны въ моихъ глазахъ.

Но имѣетъ ли большее значеніе и самый переводъ?

Признаюсь откровенно, что вообще меня вовсе не манитъ видѣть свои книги переведенными на чужой языкъ. Это горнило слишкомъ страшно, и немногіе его выдерживали. Даже въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь изъ нашихъ писателей имѣетъ истинное значеніе въ своей странѣ, гдѣ читатели одинаковаго съ нимъ происхожденія, дѣти одного и того же народа, развиты подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же факторовъ и воспитаны на однихъ и тѣхъ же родныхъ впечатлѣніяхъ, у него все же крайне рѣдко найдется, что сказать людямъ чуждаго ему народа. Я полагаю, много пріятнѣе не быть переведеннымъ вовсе, нежели быть переведеннымъ и потомъ заброшеннымъ на чужбинѣ и когда-нибудь найти оберточную бумагу въ чьемъ-то далекомъ краю. Быть переведеннымъ на иностранный языкъ—это льстить нашему честолюбію. Но когда жизненныя страданія выжгутъ изъ души всякое честолюбіе,—сознаніе, что произведенія ваши находятся въ бібліотекахъ чужихъ странъ, теряетъ большую часть своей привлекательности. Значитъ, остается только реклама. Но реклама своей славы—когда дѣло касается книги—я полагаю, недѣйствительна. Никакая реклама въ мірѣ не въ состояніи придать жизнь книгѣ, которая умерла; а живая книга, хотя бы во-кругъ нея и не было треска рекламы, идетъ себѣ своей собственной тихой дорогой, переходя изъ рукъ въ руки и время отъ времени проникая въ чье-нибудь родное сердце...

Итакъ, повторяю, фактъ перевода на какой-либо иностранный языкъ очень далекъ отъ того, чтобы поразить мое воображеніе.

А все-таки я безсовѣстно солгалъ бы, если бы сталъ утверждать, будто извѣстіе о томъ, что часть моихъ произведеній появится на русскомъ языкѣ, не наполнило меня радостью и страхомъ.

Меня приобщать къ русской литературѣ. Меня будутъ читать на томъ языкѣ, на которомъ писалъ Гоголь.

Во всю мою художественную жизнь я только однажды испыталъ душевное волненіе, подобное этому,—въ тотъ день, когда узналъ, что „У дороги“ будетъ переведено на французскій языкъ. Быть переведеннымъ на языкъ своихъ учителей, появиться въ печати на нарѣчій Гюи-де-Мопасана—мнѣ поневолѣ казалось, что я достигъ какого-то рубежа, что нѣчто, на что я не смѣлъ надѣяться, стало дѣйствительностью; потому что развивался я въ моей юности именно подъ влияніемъ французскихъ мастеровъ. Наша собственная литература—что касается беллетристики—обладаетъ, пожалуй, единственнымъ шедевромъ, да и то—это романъ въ стихахъ. Когда Іонасъ Ли въ братской намъ странѣ сталъ издавать свои книги, поставившія его наряду съ величайшими романистами, мое развитіе въ области искусства разъ навсегда уже было отмѣчено печатью великихъ писателей Франціи. Изъ маленькаго уголка, занимаемаго мною на землѣ, съ благоговѣніемъ наблюдалъ я за ясностью, за изысканностью творчества французскихъ мастеровъ романистовъ, за законами и послѣдовательностью ихъ изумительныхъ изслѣдованій. Это были великіе мастера, потому что они *захотѣли* достичь совершенства. Сознаніе и воля такъ и сіяли въ каждомъ ихъ произведеніи.

Но насталъ и иной день, когда я познакомился съ иными богатырями, подарившими міръ мастерскими произведеніями почти помимо воли и сознанія.

Это былъ день, когда я сталъ изучать русскихъ писателей.

Какая ширина, какая свобода! Русскіе писатели растутъ, какъ растутъ изъ земли крупныя деревья. Они такъ же „безпорядочны“, какъ и сама жизнь. Они обширны, какъ русскія рѣки, и все бремя всего того, что можетъ рассказать о себѣ человѣкъ, несутъ и выливаютъ они въ стремительный потокъ своихъ произведеній. Только молодая страна въ этомъ ветромъ мѣрѣ можетъ породить подобныхъ писателей. Русскій романъ простъ, какъ народная пѣсня, и многообразенъ, какъ сердце генія. Только Бальзака можно сопоставить съ ними. Когда я думаю о *Comédie humaine* и о „Мертвыхъ душахъ“, у меня такое чувство, словно я стою у подножія зубчатаго горнаго хребта.

Забуду ли я когда-нибудь тѣ часы, тѣ дни и глубокія ночи, когда я до разсвѣта читалъ въ первый разъ Достоевскаго? Это было откровеніе, это было зрѣлище цѣлаго народа, обширнаго, какъ мѣръ, это былъ взглядъ, брошенный прямо въ души, взглядъ столь глубокой, что каждая душа превращалась въ міры. Мнѣ кажется, только съ этого времени и научился я познавать Россію. Правда, Тургеневъ еще задолго до этого уже былъ мнѣ близокъ и дорогъ. Но развѣ не вѣрно то, что *мелодія* его чудныхъ твореній, по существу, чисто славянская, однако же *звучитъ* эта мелодія, какъ звучалъ въ сумеречный часъ эверардовскій рояль госпожи Віардо, которую его любовь и геніальность сдѣлали безсмертной? Достоевскій, наоборотъ, былъ для меня совершеннымъ откровеніемъ. Его знаніе человѣческаго сердца было столь же удивительно, сколь необыкновенна была и его душа. Онъ открылъ мнѣ и цѣлый народъ, и весь его духъ. А все же Гоголь казался мнѣ болѣе великимъ. Потому что этотъ изумительный человѣкъ стоитъ *выше* своего произведенія, своего богатырскаго произведенія, которое можетъ быть названо—сама Россія, и каждый стремящійся описывать человѣка и человѣческое общество долженъ смиренно, съ благоговѣніемъ склониться

къ его ногамъ. А Толстой?—Какая мощь письма! Или Чеховъ? Какая скромность въ этомъ величїи всепониманїя.

Словно новыя волны новаго моря, обдавали мою душу эти впечатлѣнія, пока я благоговѣлъ, удивлялся и изучалъ...

Изучалъ?

Правда, слишкомъ, слишкомъ мало.

Для всѣхъ насъ, боготворящихъ искусство и въ этомъ обоготворенїи приходящихъ къ печальному сознанїю, что значенїе его для другихъ безконечно мало и ограничено, долженъ наступить горькій часъ, когда мы говоримъ себѣ, что именно въ силу ничтожности нашего дѣла въ чужихъ глазахъ должны мы отдать этому дѣлу всѣ свои заветныя силы.

И мы видимъ все свое жалкое безсилїе, мы смотримъ прямо въ глаза своей бѣдности, своей слабости—и жадно заглядываемся на работу другихъ, достигшихъ большаго и лучшаго, нежели мы.

Такъ заглядѣлся я и на работу русскихъ мастеровъ—съ глубокимъ смиренїемъ, безъ зависти, хотя у меня не было надежды приблизиться къ нимъ.

А теперь, когда нѣкоторыя изъ моихъ книгъ будутъ читаться на томъ языкѣ, на которомъ они писали, я приношу имъ мою благодарность, благодарность моимъ учителямъ и наставникамъ. Къ читателю же, воспитанному ими, я подхожу съ уваженїемъ.

Все, что можно почерпнуть въ моихъ книгахъ, есть лишь вѣсть изъ маленькой страны, ограниченной и затерянной въ этомъ мїрѣ. Только *одно* слѣдуетъ понять далекой и обширной Россїи: что и я—по силѣ возможности—писалъ подъ тѣмъ же знаменемъ, которое развѣвается и сверкаетъ надъ всей русской литературой—подъ священнымъ знаменемъ любви къ своей родинѣ.

Посылая вѣсть изъ маленькой Данїи, я шлю ее изъ страны, которую люблю.

Германъ Банъ.

Четыре бѣса.

I.

Раздался звонокъ. Мало-по-малу публика занимала свои мѣста; топотъ на галереѣ, болтовня въ партерѣ, выкрики мальчишекъ, торгующихъ апельсинами, заглушали музыку,—и, наконецъ, тихо вошли въ ложи равнодушно скучающіе господа, и ждали.

На очереди былъ номеръ „Les quatre diables“. Это видно было потому, что уже и сѣтка была натянута.

Фрицъ и Адольфъ выбѣжали изъ уборной въ фойэ артистовъ. Поспѣшно шли по коридору, такъ что сѣрые плащи колотились около ихъ ногъ. Постучались въ дверь къ Любѣ и Луизѣ, позвали.

Уже обѣ сестры ждали, и дрожали отъ возбужденія, совсѣмъ закутанныя длинными свѣтлыми плащами,—а дуэнья въ криво надѣтомъ капотѣ, безъ устали крича дискантомъ, металась безъ толку взадъ и впередъ съ пудрой и притираниями.

— Пойдемъ,—позваль Адольфъ,—пора.

И побѣжали дальше, совсѣмъ потерявъ голову, охваченные тою лихорадкою, которая овладѣваетъ всѣми артистами, когда они почувствуютъ на своихъ ногахъ трико.

И еще громче кричала дуэнья.

Люба спокойно откинула свои длинные рукава и протянула руки къ Фрицу. И быстро, не оглянувшись и не сказавъ ни слова, машинально провель онъ напудренной кистью по ея протянутымъ рукамъ вверхъ и внизъ,—какъ всегда.

— Пойдемъ!—опять позвалъ Адольфъ.

Вышли рука объ руку, и ждали. Стали у выхода, и слушали оттуда первые такты любовнаго вальса, подъ который они обыкновенно работали:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante
Chante toujours.

Фрицъ и Адольфъ сбросили свои плащи на полъ, и стояли блистая въ своихъ одѣянiяхъ цвѣта розы, но такой блѣдной розы, почти бѣлой. Ихъ тѣла казались нагими,—виденъ былъ каждый мускуль.

Музыка перестала играть.

Въ конюшнѣ было совсѣмъ пусто и тихо. Только нѣсколько конюховъ, ни на что не обращая вниманiя, тяжело передвигали ящики съ овсомъ.

И опять слышались звуки вальса: „четыре бѣса“ вышли въ манежъ.

Взрывъ рукоплесканiй прозвучалъ для нихъ какъ неясное грохотанiе. Ни одного лица не различали.

И казалось, что всѣ фибры ихъ тѣлъ уже дрожать отъ напряженія.

Адольфъ и Фрицъ быстро сняли широкіе плащи съ Луизы и Любы, и плащи упали на песокъ. И сестры стояли подъ огнями сотенъ фонариковъ, точно голыя въ своихъ черныхъ трико, — какъ двѣ негритянки съ бѣлыми лицами.

Раскачались въ сѣткѣ и начали „работать“. Казалось, что онѣ летаютъ голыя туда и сюда между бряцающими качелями, среди ихъ блестящихъ латунныхъ шестовъ. Обнимали другъ друга, схватывались, возбуждали себя взаимными зовами; какъ будто бѣлыя и черныя тѣла любово-страстно сплетались и потомъ опять разъединялись, вновь сплетались и опять разъединялись въ манящей наготѣ.

Все шире звучалъ усыпляющій томящій ритмъ любовнаго вальса, и волосы женщинъ развѣвались, когда онѣ пролетали въ воздухѣ, широко раскидывая черную наготу, — какъ атласную мантию.

Все не кончали. Теперь „работали“ другъ надъ другомъ Адольфъ и Луиза наверху.

Какъ смущающій ропотъ долетали къ нимъ наверхъ рукоплесканія. Въ это время въ ложахъ артистовъ (гдѣ и постоянно возбужденная дуэнья въ своемъ небрежно надѣтомъ розовомъ капотѣ стояла, высовываясь впередъ, и аплодировала своими голыми, звучными руками) гости усердно

наблюдали „бѣсовъ“ въ свои бинокли, стараясь подмѣтить секретъ ихъ одеждъ, о которомъ много говорили въ мѣрѣ артистовъ.

— Оці, оці, у нихъ совсѣмъ голыя бедра.

— Въ томъ и секретъ, что видно ляшки,—говорили въ ложѣ артистовъ, перебивая другъ друга.

Толстая наѣздница изъ цирка „Карусель XVI столѣтія“, м-лле Роза тяжело отложила свой бинокль въ сторону.

— Нѣтъ, онѣ совсѣмъ безъ корсетовъ,—сказала она, обливаясь потомъ.

„Четыре бѣса“ продолжали работать. То голубой, то желтый мѣнялся электрической свѣтъ, пока они проносились въ воздухѣ.

Фрицъ вскрикнулъ; повиснувъ на ногахъ, руками онъ поймалъ Любу.

Потомъ они отдыхали, сидя рядомъ на трапедии.

Надъ собою слышали они оклики Луизы и Адольфа. Люба, запыхавшись, говорила о Луизинной работѣ:

— *Voyez donc, voyez!*—говорила она.

Луиза висѣла на ногахъ Адольфа.

Но Фрицъ не отвѣчалъ. Машинально уцѣпившись руками за маленькую висячую ступеньку, онъ пристально смотрѣлъ внизъ, на ложи, свѣтлыя и беспокойныя, которыя протягивались подъ ними ярко-окрашенною каймою.

И вдругъ замолчала Люба, и пристально смо-

трѣла туда же, смотрѣла до тѣхъ поръ, пока Фрицъ не сказалъ, какъ бы отрываясь отъ чего-то:

— Наша очередь.

И она встрепенулась.

Опять уцѣпились они за висячую ступеньку и ринулись внизъ, и повисли на рукахъ, словно хотѣли испытать силы своихъ мускуловъ. Потомъ легкимъ прыжкомъ опять сѣли на ступеньку. Радостными глазами мѣрили они разстояніе между трапеціями.

Вдругъ вскрикнули оба:

— *Du courage!*

И Фрицъ бросился задомъ напередъ на самую далекую трапецію, а наверху Луиза и Адольфъ закричали что-то вмѣстѣ, — долгій крикъ, непрерывный, словно хотѣли они разбудить звѣря.

*Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours.*

Начался ихъ большой „номеръ“. Оттолкнулись назадъ оба, — подъ хриплые оклики пролетѣли вмѣстѣ, — достигли своей цѣли. Повторили это, и опять закричали. И пока Луиза и Адольфъ кружились вокругъ ихъ качелей, какъ два непрерывно вертящіяся колеса, вдругъ сверху, отъ ронды, сталъ падать дождь чистаго скользящаго

золота, какъ облако золотой пыли, которое медленно ложится, блистая,—черезъ блестящій бѣлый потокъ электрическаго свѣта падалъ золотой дождь.

И казалось тогда, какъ будто „бѣсы“ летятъ черезъ сияющій золотой рой, между тѣмъ какъ пыль, медленно ниспадая, усѣяла тысячами сияющихъ золотыхъ блестковъ ихъ наготу.

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours.

Внезапно устремились они другъ за другомъ, внизъ головой, черезъ блестящій дождь въ натянутую сѣтку,—и музыка замолкла...

Ихъ вызывали безъ конца.

Смущенные, опирались они другъ на друга, какъ будто охваченные внезапнымъ головокруженіемъ. Уходили съ арены и опять возвращались. Потомъ рукоплесканія затихли.

Задыхаясь отъ усталости, вбѣжали они въ свои уборныя. Адольфъ и Фрицъ бросились на матрацъ на полу и закутались въ одѣяла. Такъ они лежали нѣсколько времени почти безъ памяти.

Потомъ встали и одѣлись.

Адольфъ, глядя въ свое зеркало, увидѣлъ, что Фрицъ надѣваетъ берейторскій фракъ.

— Ты хочешь стать на „службу“, — спросил онъ.

Фрицъ сказалъ досадливо:

— Директоръ меня просилъ объ этомъ.

Онъ вышелъ къ другимъ, которые, стоя у входа, несли берейторскую стражу, и попеременно прислонялись къ стѣнѣ украдкой, чтобы хотя на минуту дать отдыхъ усталому тѣлу.

Послѣ представленія труппа собиралась въ ресторанъ.

„Бѣсы“ сѣли за столъ молча, какъ и другіе. На нѣкоторыхъ столахъ начали играть въ карты, не говоря ни слова. Слышался только звонъ денегъ, перекидываемыхъ черезъ столъ.

Оба кельнера стояли у буфета и пристально и тупо смотрѣли на этихъ тихихъ людей. Артисты сидѣли вдоль стѣнъ, вытянувъ прямо передъ собою ноги, съ безжизненно повисшими руками, какъ будто имъ было все равно.

Кельнеры начали тушить газъ.

Адольфъ положилъ деньги рядомъ съ кружкой и всталъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ. — Пора итти.

И остальные трое поднялись за нимъ.

Уже были улицы совсѣмъ тихи. Никакого иного звука не слышали они, кромѣ ихъ собственной

походки, — и они шли попарно, такъ же, какъ работали. Дошли до своего дома. Въ первомъ этажѣ на темной лѣстницѣ разстались съ тихимъ привѣтомъ: „спокойной ночи“.

Люба стояла на темной площадкѣ, пока Фрицъ и Адольфъ не дошли до второго этажа, и пока дверь за ними не захлопнулась.

Сестры вошли и раздѣлись, не говоря ни слова. Но уже когда Луиза была въ постели, принялась она болтать о работѣ другихъ, изъ тѣхъ, которые были въ ложахъ артистовъ: она знала всѣхъ въ лицо.

Люба все еще сидѣла у своей постели, полураздѣтая, не двигаясь. Луизина болтовня становилась все отрывистѣе. Наконецъ она заснула.

Но вдругъ проснулась, поднялась на своей постели. Люба все еще сидѣла на одномъ мѣстѣ.

— Что же ты не спишь?—спросила Луиза.

Люба торопливо задула свѣчу.

— Сейчасъ,—сказала она, и встала.

Легла, но и въ постели не заснула. Думала только объ одномъ: о томъ, что уже не встрѣчатся ея глаза съ глазами Фрица, когда онъ покрываетъ пудрою ея руки.

Фрицъ и Адольфъ въ своей комнатѣ также собирались спать. Но Фрицъ долго метался около своей постели, словно его мучило что-то.

Къ нему ли это относилось? И чего она хотѣла отъ него, она, эта женщина въ ложѣ? Хотѣла ли она чего-нибудь? Но иначе зачѣмъ бы ей всегда такъ смотрѣть на него? Зачѣмъ бы ей проходить такъ близко мимо него? Что же это?

И только объ этой женщинѣ онъ думалъ. Съ утра и до ночи ни о комъ другомъ. Только она. Метался съ однимъ вопросомъ, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ: чего же она, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ, эта женщина въ ложѣ?

И постоянно и вездѣ чудилось ему благоуханіе ея платья, какъ тогда, когда она спускалась и проходила мимо. Всегда такъ близко мимо него проходила она, когда онъ стоялъ тамъ берейторомъ.

Но для него ли она проходила? И чего же она хотѣла?

Метался тоскливо, и повторялъ впотъмахъ:
— *Femme du monde!*

Совсѣмъ тихо повторялъ, какъ заклинаніе:
— *Femme du monde!*

И опять сначала тѣ же вопросы: къ нему ли это относилось, къ нему ли?

Люба опять встала, совсѣмъ тихо пробралась черезъ комнату. Въ темнотѣ ея пальцы нащупали столъ, розетку ящика, — выдвинула его.....

Въ домѣ было совсѣмъ тихо.

II.

„Бѣсы“ отработали.

Въ уборной Адольфъ бранился: Фрицъ, по его словамъ, срамить ихъ всѣхъ своею вѣчною берейторскою службою, — „бѣсы“ же отъ нея свободны.

Но Фрицъ ничего не отвѣчалъ.

Каждый вечеръ надѣвалъ онъ свою берейторскую форму. Становилсѣя у входа въ ложи, и ждалъ, когда „дама изъ ложи“ подъ руку со своимъ мужемъ спустится по лѣстницѣ и пройдетъ мимо него, — теперь она часто приходила въ конюшни во время послѣдняго отдѣленія, — тогда онъ шелъ за нею.

Она говорила съ конюхами, ласкала лошадей, громко читала имена, прибитыя на стойлахъ. Фрицъ шелъ за нею.

Съ нимъ она ничего не говорила.

Но все, что она дѣлала, она дѣлала для него, — онъ это чувствовалъ, — это открывалось ему тайно въ каждомъ ея движеніи, въ пожатіи ея плечъ, въ жестѣ ея протянутой руки, въ блескѣ ея глазъ, — хотя они и оставались постоянно далеки одинъ отъ другого, — все то же отдаленіе ихъ раздѣляло, и все-таки связывало, какъ будто общее стремленіе соединяло ихъ въ странномъ двойномъ узлѣ, радостномъ для обоихъ. Она пе-

реходила съ мѣста на мѣсто, читала надпись новаго стойла и новое имя.

Фриць шелъ за нею.

Она смѣялась, она шла дальше; и возвращалась приласкать собакъ.

Фриць шелъ за нею.

Она шла, и онъ за нею.

Онъ какъ будто бы на нее и не смотрѣлъ. Но его взоръ былъ прикованъ къ обшивкѣ ея платья, къ ея протянутой рукѣ, — взоръ дикаго звѣря, едва прирученнаго, взоръ подстерегающій, полный ненависти, полный въ то же время сознаниемъ своего безсилія.

Однажды она подошла къ нему. Ея мужъ немного отсталъ отъ нея. Фриць поднялъ глаза, и она сказала тихо:

— Вы меня боитесь?

Онъ помолчалъ.

— Не знаю, — сказалъ онъ потомъ, хрипло и сурово.

И она не знала, что сказать — смущенная, почти испуганная требующими взглядами, которые она чувствовала прильнувшими къ ея ногамъ, — и страхъ вдругъ отрезвилъ ее.

Отвернулась, и ушла съ короткимъ смѣхомъ, который былъ ей самой непріятенъ.

Въ слѣдующій вечеръ Фрицъ не былъ берей-
торомъ. Онъ говорилъ себѣ самому, что сойдетъ
съ ея дороги, онъ твердо рѣшился никогда больше
не видѣть ея. Его одолѣлъ весь тотъ захваты-
вающий страхъ, который артистовъ приучилъ остере-
гаться женщины, какъ погибели. И если бы
онъ отдался, — внезапно охваченный непреодо-
лимымъ порывомъ, — сплелось бы это съ отчаян-
ными сомнѣніями, съ мстящею ненавистью къ
женщинѣ, которая взяла его и похитила что-то
отъ его тѣла, часть его силы, — то, что было
его драгоценнымъ орудіемъ, его единственнымъ
средствомъ къ существованію.

Но этой дамы изъ ложи боялся онъ вдвое,
потому что она была чужая, вовсе не изъ сво-
ихъ. Чего хотѣла она отъ него? Самая мысль о
ней терзала его мозгъ, который не привыкъ ду-
мать. Онъ наблюдалъ съ подозрительной боязнью
всякое движеніе этой чужой, изъ другой расы,
какъ будто она хотѣла причинить ему нѣкое та-
инственное зло, — и онъ зналъ, что не могъ спа-
стись.

Онъ ее больше не увидитъ — нѣтъ, не увидитъ.

Легко ему было сдержать обѣтъ: она не при-
ходила. Два дня ея не было, три дня не было.
На четвертый вечеръ Фрицъ опять всталъ берей-
торомъ. Но она не пришла. Не пришла въ этотъ
вечеръ. И на слѣдующій вечеръ не пришла.

Такой длинный былъ день. Со страхомъ думалъ онъ: „придетъ ли она?“, и вечеромъ испытывалъ онъ безумный гнѣвъ, грубое, но нѣмое бѣшенство, потому что она не пришла.

Такъ она его, значить, дурачила! Такъ она, значить, надъ нимъ насмѣхалась! Такая баба! Но онъ отомститъ за себя, только бы ее отыскать.

И онъ воображалъ, какъ осыпаетъ ее ударами, топчетъ ногами, издѣвается, такъ что она бьется и падаетъ полумертвая: она — эта баба.

Такъ цѣлыми часами по ночамъ лежалъ онъ, томимый нѣмою яростью. И его страсть возростала въ эти первыя безсонныя ночи съ такою отчаянно-неуклонною алчностью, — вѣдь это были его первыя безсонныя ночи.

И вотъ, наконецъ, на девятый день она пришла.

Съ трапеціи увидѣлъ онъ ея лицо, — увидѣлъ его словно другими глазами — и внезапнымъ порывомъ, въ мальчишескомъ восторгѣ, бросилъ онъ въ воздухъ свое красивое, стройное тѣло, повисши на вытянутыхъ рукахъ.

Все лицо его сіяло мерцающимъ смѣхомъ, и онъ высоко раскачивался.

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante.
Chante, toujours!

Легко качалась его голова въ тактъ вальса; и онъ схватилъ Любину руку, крѣпко и весело, какъ будто не было этихъ семи дней, и крикнулъ ей громко:

— Enfin — du courage!

Это звучало, какъ побѣдный кличъ.

И когда онъ въ своей берейторской униформѣ вышелъ въ конюшню и увидѣлъ ее, стоялъ онъ опять безмолвный и враждебный и осматривалъ ее ненавистливо тѣмъ же избѣгающимъ ея глазъ взглядомъ.

Но послѣ представленія, въ ресторанѣ, сдѣлался онъ опять рѣзвымъ, почти буйнымъ. Смѣялся, выкидывалъ разныя штуки. Игралъ чашками и кружками; положилъ свой цилиндръ на конецъ палки, и заставилъ его балансировать.

И другихъ артистовъ заразило его веселое настроеніе.

Клоунъ Томъ сходилъ за своей гармоникой, и игралъ, шагая своими длинными ногами черезъ стулья.

Начался чудовищный гвалтъ. Одинъ передъ другимъ выкидывали штуки почуднѣе. М-г Fillis заставилъ балансировать огромную трубу на своемъ носу; два, три клоуна кудахтали, какъ въ курятникѣ.

Но Фрицъ кричалъ всѣхъ громче; потомъ взобрался на столъ; игралъ, какъ мячиками, двумя

стеклянными колпаками, которые отвинтилъ отъ газовой люстры, и кричалъ, сияя всѣмъ своимъ радостнымъ лицомъ:

— Адольфъ, tiens!

Адольфъ ловилъ, стоя на сосѣдномъ столѣ.

Артисты прыгали вверхъ и внизъ, кто на столы, кто на стулья. Клоуны кудахтали, гармоника испускала жалобные стоны.

— Фрицъ, tiens!

Колпаки летѣли опять назадъ и впередъ — черезъ головы клоуновъ. Фрицъ поймалъ одинъ колпакъ и вдругъ повернулся къ Любѣ:

— Люба, tiens!

Онъ метнулъ колпакъ прямо къ ней, и Люба вскочила. Но не успѣла подхватить, колпакъ упалъ на полъ, и разбился.

Фрицъ смѣялся и заглядывалъ подъ столъ на осколки стекла.

— Это предвѣщаетъ счастье, — говорилъ онъ и смѣялся; вдругъ затихъ, и смотрѣлъ на свѣтъ газовой люстры.

Люба отвернулась. Блѣдная сѣла опять у стѣны.

Спектакль продолжался. Близилось къ двѣнадцати. Кельнеры приспустили газъ. Но артисты не кончали. Въ полутьмѣ они только удвоили шумъ. Кругомъ изъ всѣхъ угловъ слышались раздрающіе слухъ крики и кудахтанье, на столѣ подъ люстрой Фрицъ ходилъ на рукахъ.

Онъ вышелъ послѣднимъ, возбужденный, похожий на пьянаго.

Пошли всѣ вмѣстѣ. Мало-по-малу расходились. При разставаніи звучало въ темнотѣ много странныхъ звуковъ, — послѣдніе привѣты.

Потомъ стало, наконецъ, тихо, и „четыре бѣса“ шли молча, какъ всегда, по-парно.

Уже не говорили. Но Фрицъ еще не могъ успокоиться. Опять пустилъ свою славную шляпу повертѣться на концѣ палки.

Дошли до дома, попрощались.

Въ своей комнатѣ Фрицъ широко распахнулъ оба окна, высунулся на улицу и принялся громко свистать.

— Съ ума ты сошелъ, — сказалъ Адольфъ. — Какого черта тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, надо!

Фрицъ только засмѣялся:

— *Il fait si beau temps!*—сказалъ онъ и продолжалъ свистать.

Внизу и Люба открыла окно. Луиза, которая собиралась раздѣваться, крикнула ей, чтобы она закрыла окно; но Люба стояла и всматривалась въ узкую улицу.

До сихъ поръ она не понимала, почему онъ сталъ смотрѣть на нее такими пустыми глазами, почему въ послѣдніе дни его голосъ звучалъ такъ устало, когда онъ говорилъ съ нею, почему онъ сталъ такъ невнимателемъ къ ея словамъ.

И уже какъ будто не тѣ же самые были они, когда сидѣли такъ близко другъ къ другу.

И уже не покрываль онъ ея рукъ пудрою.

Вчера онъ вышелъ, какъ всегда въ эти дни, такъ скоро и нетерпѣливо. И она протянула навстрѣчу ему свои руки, а онъ безсмысленно уставился на нее, словно ничего не понимая.

— Чтожь ты не напудрилась? — сказалъ онъ потомъ рѣзко, и ушелъ.

И ничего не понимая, пудрила она долго лѣвую руку, и потомъ правую.

Ахъ, нѣтъ, ахъ, нѣтъ, — никогда она не знала, чтобъ можно было такъ страдать.

Люба прижалась головой къ оконной рамѣ, и слезы заструились по ея щекамъ.

Теперь она все узнала. Теперь поняла.

Вдругъ подняла голову: она услышала, какъ Фрицъ началъ громко напѣвать.

Это былъ вальсъ любви.

Громче и громче напѣваль, — запѣлъ наконецъ во весь голосъ.

Какъ радостно пѣлъ, какъ счастливо! Каждый звукъ терзалъ ее, и все же она продолжала стоять: какъ будто это пѣніе всю ея жизнь возстановляло въ ея памяти.

Какъ хорошо она все припоминала, — съ перваго дня!

Луиза опять окрикнула ее, и она машинально

заперла окно. Но не легла, — тихо стояла она въ темномъ углу.

Какъ хорошо она обо всемъ вспомнила.

III.

Какъ ясно Люба видѣла опять въ своемъ воображеніи Фрица и Адольфа, когда они въ первый разъ къ нимъ пришли, — чтобы ихъ „взяли“ къ папѣ Чекки.

Это было утромъ, и Люба и Луиза лежали еще въ постели.

А мальчики стояли въ углу, опустивъ головы, — они были въ полотняныхъ панталонахъ, хотя была зима: у Фрица была соломенная шляпа.

Ихъ раздѣли; папа Чекки щупалъ ихъ, и жалъ ихъ ноги, и хлопалъ ихъ по груди, — до слезъ довелъ. Въ это время старуха, которая ихъ привела, стояла совсѣмъ тихо, морщинистая, съ беззвучно двигающимся ртомъ, и только черные цвѣты на ея шляпѣ слегка вздрагивали.

Она не говорила ничего. Она только смотрѣла на мальчиковъ и слѣдила взоромъ за ними — какъ они двигались нагѣ подъ руками Чекки.

И Люба съ Луизой смотрѣли съ своихъ кроватей. Папа Чекки продолжалъ щупать и хлопать; и казалось, что вся жизнь мальчиковъ за-таилась въ ихъ робкихъ глазахъ.

Потомъ они были „взяты“.

Старуха не сказала ни слова. Не прикоснулась къ мальчикамъ, не попрощалась съ ними. Казалось, какъ будто все время, пока дрожали цвѣты на ея шляпѣ, она чего-то искала, чего-то такого, что ей не давалось. Такъ она и за дверь вышла, медленно, нерѣшительно, и затворила ее за собою.

Фрицъ вскрикнулъ долгимъ дѣтскимъ крикомъ, какъ ужаленный.

Потомъ вернулись они оба, онъ и Адольфъ, въ тотъ же уголокъ, и усѣлись тамъ безмолвно, понурясь и уронивъ тѣсно сжатые руки.

Папа Чекки погналъ ихъ въ кухню чистить картофель. Потомъ Люба и Луиза были отправлены туда же. Всѣ четверо молча сидѣли за кухоннымъ столомъ.

Луиза спросила:

— Откуда вы?

Но мальчики не отвѣчали. Понурясь, покусывали губы.

Немного погодя Люба шепнула:

— Это ваша мать была?

Но они все-таки не отвѣчали, и казалось по неровному колыханію ихъ грудей, что они едва удерживаютъ слезы. И слышно было только, какъ шлепались въ воду очищенные картофелины.

— Она умерла?—шепнула потомъ Луиза.

Мальчики все не отвѣчали; обѣ дѣвочки тихо смотрѣли то на одного, то на другого, и вдругъ Люба тихонько заплакала, а за нею и Луиза, — сидѣли и плакали.

На другой день мальчики начали „работать“.

Разучивали „китайскій танецъ“ и „крестьянскій танецъ“. Черезъ три недѣли дебютировали они всѣ четверо.

— Обдерни куртку, — сказала Люба, которая и сама, охваченная лихорадочною дрожью, едва могла стоять спокойно, и потянула Фрицеву куртку, сбившуюся на бокъ.

— Commencez! — сказалъ Чекки изъ первой кулисы.

Занавѣсъ поднялся, имъ надо было выходить.

Не видѣли ramпы, не видѣли людей.

Съ испуганными улыбками дѣлали они свои заученныя па, уставивъ глаза на Чекки, который въ первой кулиссѣ отбивалъ тактъ ногою.

— Налѣво! — шептала Люба Фрицу, который все сбивался; она боялась и за себя и за него, и ей приходилось соображать за обоихъ.

Они всѣ вмѣстѣ были похожи на восковыя куклы, которыя вертятся подъ шарманку.

Публика хлопала и вызывала. Апельсины сыпались на подмостки. Дѣти ихъ подбирали и улыбались, въ знакъ благодарности, хотя пришлось ихъ отдать Чекки, который съѣлъ ихъ ночью за

своимъ коньякомъ съ водой, играя въ карты съ агентомъ Ватсономъ.

Папа Чекки проигрывалъ ночи напролетъ съ агентомъ у себя на квартирѣ.

Дѣти просыпались отъ ихъ ругани, и смотрѣли со своихъ постелей, тараща глаза, пока, смертельно усталыя, опять засыпали.

Такъ проходило время.

Группа Чекки снимала циркъ, и всѣ четверо прошли всю выучку.

Они начинали репетиціи въ половинѣ десятаго. Щелкая зубами, одѣвались и принимались работать въ полутемномъ циркѣ. Луиза и Люба ходили по канату, балансируя двумя флагами, а въ это время папа Чекки, сидя верхомъ на барьерѣ, командовалъ.

Потомъ приводили лошадь, и Фрицъ проходилъ жокейскую школу.

Папа Чекки командовалъ, вооружась длиннымъ бичомъ. Фрицъ скакалъ и скакалъ. Ничто не удавалось ему. Падалъ, когда бралъ барьеръ. Опять взбирался на лошадь. Бичъ свистѣлъ и хлесталъ его по ногамъ, такъ что потомъ надолго оставались рубцы.

Папа Чекки продолжалъ командовать. Глотая слезы, мальчикъ скакалъ да скакалъ.

Опять падалъ.

Старыя раны сочились кровью, ветхое трико проступало кровяными пятнами.

А Чекки все покрикивалъ:—Encore, encore!

Задыхаясь, перемежая рыданія глубокими вздохами, скакалъ Фрицъ съ искаженнымъ болью лицомъ.

Бичъ хлесталъ его, и онъ съ отчаяніемъ говорилъ:

— Я не могу.

Но приходилось снова работать.

На лошадь сыпались удвоенные удары, и она быстро неслась съ рыдающимъ мальчикомъ, у котораго отъ боли трепетали всѣ члены.

— Я не могу!—кричалъ онъ измученнымъ голосомъ.

Артисты молча смотрѣли изъ партера и изъ ложъ.

— Encore!—кричалъ Чекки.

Фрицъ опять скакалъ.

Блѣдная, съ побѣлѣвшими губами, прижавшись въ углу ложи, смотрѣла Люба, полная страха и гнѣва.

Но папа Чекки не кончалъ. Часъ проходилъ, часъ съ четвертью. Сплошною язвою становилось тѣло Фрица. Онъ падалъ опять и опять, отъ боли бился ногами о песокъ и опять падалъ.

Нѣтъ, теперь уже совсѣмъ не идетъ дѣло. И его съ проклятіемъ прогоняли.

Люба выбѣгала изъ ложи; стеная отъ боли, прятался Фрицъ за кучею обручей. Задыхаясь,

сжавъ руки, въ дикой ярости выкрикивалъ онъ отрывистыя проклятiя, тьму уличныхъ словъ, ругательства конюшенъ.

Люба сидѣла совсѣмъ тихо. Только блѣдныя губы ея дрожали.

Долго сидѣли они тамъ, притаясь за кучей обручей. Голова Фрица склонялась къ стѣнѣ, и онъ засыпалъ въ мучительномъ изнеможенiи, а Люба сидѣла надъ нимъ блѣдная, неподвижная, словно оберегая его сонъ.

Проходили годы. Они были уже взрослыми.

Папа Чекки умеръ, пораженный на смерть лошадинымъ копытомъ.

Но они оставались вмѣстѣ. Всего пришлось испытать. Бывали въ большихъ трупкахъ, попадали и совсѣмъ въ маленькiя.

Какъ ясно еще видѣла Люба окрашенныя бѣлою известкою, голыя стѣны провинціального „Пантеона“, въ которомъ они работали въ ту зиму. Какой тамъ былъ леденящiй холодъ! Передъ представленiемъ приносили три жаровни, и весь циркъ наполнялся дымомъ, такъ что трудно было дышать.

Въ конюшнѣ стояли артисты, посинѣлые отъ стужи, и протягивали голыя руки надъ жаровнями, и клоуны въ своихъ полотняныхъ башмачкахъ прыгали на голомъ полу, чтобы хоть сколько нибудь отогрѣть ноги.

Труппа Чекки работала во всѣхъ родахъ. Танцовали,—Фрицъ былъ партнеромъ Любы. Люба была парфорсной наѣздницей,—Фрицъ, какъ берейторъ, подтягиваль подпругу ея коня.

Труппа бѣдствовала; едва была въ силахъ исполнять половину программы.

Дѣло не шло. Каждую недѣлю исчезало по одной лошади,—ее продавали, чтобы добыть корму другимъ. Артисты съ деньгами уходили; кто принужденъ былъ остаться, тѣ голодали,—пока наконецъ все было прожито и пришлось прикончить.

Лошади, костюмы, — все было взято, описано за долги, пошло съ молотка.

Былъ вечеръ того дня, когда это случилось.

Немногіе артисты, которые еще остались, сидѣли впотьмахъ молча и грустно. Ничего не могли придумать. Не знали, куда итти.

Въ конюшнѣ на ящикѣ изъ-подъ сѣна передъ пустыми стойлами сидѣлъ директоръ, и плакалъ, и бормоталъ все одни и тѣ же проклятія на всѣхъ языкахъ.

И было совсѣмъ тихо, мертво тихо.

Только собака,—ея то не описали—такая жалкая, съ насторожившимися глазами, лежала на кучѣ соломы...

Труппа Чекки—всѣ четверо—вошли въ ресторанъ. Тамъ было пусто. Трактирщикъ заперъ буфетъ и

снялъ посуду. Стулья, покрытые пылью, громоздились на пыльныхъ столахъ.

Всѣ четверо молча сидѣли въ углу. Они пришли съ почты. Каждый день туда ходили. Ходили за письмами отъ агентовъ,—отказъ за отказомъ.

Фрицъ распечатывалъ ихъ,—и читалъ. Остальные трое сидѣли около, и не рѣшались ужъ и спрашивать.

Раскрывалъ письмо за письмомъ, читалъ медленно, точно не вѣря своимъ глазамъ. Прочтеть, положить рядомъ.

Остальные только смотрѣли на него, молча и уныло.

Онъ сказалъ:

— Ничего.

И они опять сидѣли передъ печальными письмами, которыя не принесли имъ ничего.

И сказалъ Фрицъ:

— Такъ жить нельзя. Намъ надо специализироваться.

Адольфъ пожалъ плечами.

— Немало найдется на всякую работу,—сказалъ онъ насмѣшливо.— Придумай что-нибудь новое.

— Работа на трапеціи оплачивается,—нерѣшительно соображалъ Фрицъ.

Остальные молчали, и Фрицъ говорилъ такъ же тихо:

— Мы могли бы работать подъ куполомъ.

Опять длилось молчаніе, пока Адольфъ не сказалъ почти яростно:

— А ты очень увѣренъ въ своей ловкости?

Фрицъ не отвѣчалъ. И было совсѣмъ темно и тихо.

— Мы можемъ и разстаться,—сказалъ Адольфъ хриплымъ шопотомъ.

У всѣхъ была та же мысль и тотъ же страхъ передъ нею. Теперь она была высказана, и Адольфъ прибавилъ, всматриваясь въ темноту покинутого покоя:

— Не вѣкъ же голодать.

Сказалъ это приподнятымъ, возбужденнымъ голосомъ, какъ говорятъ люди, поспорившіе изъ-за бѣсовой бороды; но Фрицъ упорно молчалъ, не двигаясь, и смотрѣлъ на полъ...

Поднялись и молча вышли. Вездѣ было холодно и темно.

Тихо сказала Люба, когда шли они, тѣсно прижавшись другъ къ другу,—такъ тихо, что Фрицъ едва слышалъ ея голосъ:

— Фрицъ, я буду работать съ тобой на трапещи.

Фрицъ остановился.

— Я это зналъ,—тихо сказалъ онъ и пожалъ ея руку.

Луиза и Адольфъ ничего не говорили.

Они рѣшились остаться въ городѣ. Фрицъ заложилъ ихъ послѣднія кольца. Адольфъ оставался только затѣмъ, чтобы переписываться съ агентами. Но Фрицъ и Люба работали.

Повѣсили въ „Пантеонѣ“ свою трапецію, и начали каждый день работать. Перенесли нѣкоторые партерные приемы на трапецію, и по цѣлымъ часамъ, обливаясь потомъ, ломали свои тѣла.

Минуты шли за минутами, раздавалась команда Фрица. Потомъ на той же трапеціи отдыхали они съ утомленными и тусклыми улыбками.

Начали привыкать къ работѣ; принялись за болѣе трудные вольты. Пробовали дѣлать прыжки между качелями,—и стремглавъ низвергались въ натянутую сѣтку.

И все продолжали, подбадривая другъ друга восклицаніями:

— En avant!

— Ça va!

— Encore!

Фрицу удавалось, Люба падала.

Продолжали работу.

Загорались глаза, какъ пружины напрягались мускулы; какъ побѣдные крики звучали ихъ голоса,—удалось!

И съ лихорадочною быстротою подхватывались, перебрасываемые отъ одного къ другой, подбадривающіе оклики:

— En avant — du courage!

Люба дѣлала успѣхи. Ея мускулы трепетали, когда она перелетѣла на самую дальнюю трапецію. Попыталась еще разъ, и опять удачно. Радость охватила ихъ. Казалось, что сила ихъ тѣлъ опьяняетъ ихъ. Носились одинъ мимо другого, и опять садились рядомъ отдыхать, покрытые потомъ, улыбающіеся.

Охваченныя радостью, осыпали они взаимными похвалами свои тѣла, ласкали мускулы, которые ихъ носили, и смотрѣли другъ на друга блистающими глазами:

— Ça va, ça va,— говорили они и смѣялись.

Начали одолѣвать труднѣйшія упражненія. Придумывали новыя комбинаціи. Испытывали и соображали. Углублялись въ упражненія съ жаромъ изобрѣтателей. Обсуждали и придумывали измѣненія. Фрицъ почти не спалъ: думы о работѣ будили его и ночью.

Утромъ, едва только солнце встанетъ, стучался онъ въ дверь къ Любѣ, и ждалъ ее.

И пока еще она одѣвалась, онъ, стоя у ея дверей, развивалъ уже свои планы, объяснялъ ихъ, громко крича, и она отвѣчала, возбужденная, какъ онъ,—и они наполняли весь домъ своими радостными голосами.

Луиза протираала глаза и садилась на постели.

Она начала посѣщать ихъ опыты. Увлекалась

успѣхами ихъ работы: кричала имъ и апплодировала. Они отвѣчали сверху. Весь циркъ былъ полонъ веселыми голосами.

Только Адольфъ сидѣлъ молча въ своемъ углу у конюшни.

Однажды и онъ вошелъ, и сѣлъ, и смотрѣлъ на нихъ. Ничего не говорилъ.

Работа кончилась. Выбивались изъ силъ. Тяжело падали въ натянутую сѣтку.

Фрицъ соскакивалъ на полъ, и осторожно снималъ Любу съ сѣтки. Весело держалъ онъ ее на своихъ твердо вытянутыхъ рукахъ,—какъ ребенка.

Одѣвались, и шли въ маленькій ресторанъ ѳсть.

Начинали говорить о будущемъ, о томъ, гдѣ имъ удастся получить ангажементъ, объ условіяхъ, которыхъ они достигнуть, объ именахъ, которыя они примутъ, объ успѣхахъ, которые ихъ ожидаютъ.

Оба, прежде такіе молчаливые, они смѣялись, они строили свое будущее. Фрицъ придумывалъ новое упражненіе,—всегда новое.

— Если бы вотъ на это отважиться,—говорилъ Фрицъ, весь пылая,—если бы на это отважиться!

Люба глядѣла на него, и отвѣчала:

— Такъ что жь! Если ты хочешь.

И что-то въ ея голосъ ободряло Фрица.

— Ты у меня молодецъ,—говорилъ онъ вдругъ и смотрѣлъ на нее,—и привѣтливо мерцали ея глаза.

И сидѣли оба, прислонясь головой къ стѣнѣ, глядя прямо передъ собою, и мечтая.

Однажды попробовали они въ первый разъ свою послѣднюю выдумку,—то, что, по ихъ мнѣнію, должно было ихъ особенно выдвинуть, какъ ихъ специальность. Имъ удалось,—съ одной трапеціи на другую перепрыгнуть задомъ напередъ.

Снизу послышался крикъ. Это Адольфъ, съ высоко-поднятымъ лицомъ, съ сіяющими глазами, кричалъ браво, браво, такъ что откликались пустыя стѣны:

— Браво, браво,—кричалъ онъ опять, охваченный удивленіемъ.

И они перекликались всѣ четверо, спрашивая и объясняя.

Въ этотъ день они обѣдали вмѣстѣ, также и на другой день. Они говорили объ упражненіяхъ, какъ будто бы всѣ четверо въ нихъ участвовали. Фрицъ говорилъ:

— Да, ребята, если бы мы вчетверомъ работали! Вы, Адольфъ, наверху,—только шести и мельницы,—а мы,—мы оба, Люба,—подъ вами,—съ нашимъ бѣсовскимъ прыжкомъ,—да, если бы намъ это сдѣлать!

И онъ принялся объяснять имъ свой новый планъ, расписывая всѣ эволюціи; но Адольфъ оставался безмолвнымъ, и Луиза не рѣшилась отвѣчать.

Но на другой день сказала Адольфъ,—онъ стоялъ, потупя глаза и переминаясь съ ноги на ногу:

— Вы репетируете сегодня послѣ обѣда?

Нѣтъ, послѣ обѣда они не репетировали.

— Я это потому,—сказала Адольфъ,—что даромъ тратишь время, и члены теряютъ свою гибкость.

Послѣ обѣда Адольфъ и Луиза начали репетировать. Другіе два пришли и смотрѣли на нихъ. Они ихъ ободряли и учили.

Фрицъ сидѣлъ веселый и игралъ Любиной рукой.

— *Ça va, ça va!*—кричали они оба снизу.

Наверху Луиза и Адольфъ смѣло перебрасывались между качелями туда и сюда.

— *Ça va, ça va.*

Они знали, что теперь останутся вмѣстѣ...

Репетиціи кончились. „Номеръ“ былъ готовъ. Работали совершенно такъ, какъ хотѣлось Фрицу. Назвались „Четыре бѣса“ и отправились въ Берлинъ дѣлать костюмы.

Дебютировали въ Бреславлѣ. Потомъ ѣздили изъ города въ городъ. Вездѣ ихъ сопровождалъ тотъ же успѣхъ.

Люба раздѣлась, улеглась.

Не могла заснуть,—лежала, всматриваясь въ темноту.

Да — какъ ясно видѣла она все это передъ собою, все съ перваго дня!

Всю жизнь провели они вмѣстѣ,—всю жизнь!

И вотъ она пришла, она, эта чужая,—погубить его,—при этой мысли бѣдная акробатка стискивала зубы въ безсильной, отчаянной, чисто тѣлесной ярости.

Чего надо ей отъ него, ей, съ ея кошачьими глазами? Чего надо ей отъ него, ей, съ ея развратными улыбками? Чего надо отъ него ей, что она ему навязывается, какъ дѣвка? Отнять его отъ Любы, разрушить его силу, погубить его?

Люба кусала свое одѣяло, мяла наволочку, не находила покоя своимъ лихорадочно жаркимъ рукамъ.

Ея мысль искала и не находила достаточно бранныхъ словъ, негодующихъ укоровъ и суровыхъ обвиненій, — и Люба опять принималась плакать; и опять чувствовала она всю эту обезсиливашую боль, которая всегда была съ нею, днемъ и ночью, ночью и днемъ.

IV.

Фрицъ лежалъ съ закрытыми глазами, его голова покоилась на груди возлюбленной.

Медленно, и все медленнѣе скользилъ кончикъ ея ногтя по его свѣтлымъ волосамъ.

Фрицъ продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, его голова легко покоилась на ея груди; итакъ, въ самомъ дѣлѣ — вотъ онъ, Фрицъ Шмидтъ, изъ Франкфуртскихъ уличныхъ мальчиковъ, онъ, не помнившій отца, онъ, чья мать, пьяная, бросилась въ рѣку, онъ, кого бабушка продала,—его и брата,—за 20 марокъ.

Итакъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ, Фрицъ Шмидтъ, называемый Чекки изъ „Четырехъ бѣсовъ“, любовникомъ сдѣлался, любовникомъ „дамы изъ ложи“. Это его затылокъ лежалъ на ея колѣняхъ. Это его руки посмѣли обнять ея тѣло. Это на его шеѣ покоятся теперь ея губы.

Онъ, Фрицъ Чекки изъ „Четырехъ бѣсовъ“.

И онъ полуоткрылъ глаза и смотрѣлъ съ тѣмъ же непонимающимъ, кружащимъ голову изумленіемъ на ея тонкія руки, такія мягкія, не обезображенныя никакою работою, на ея розовыя, округленныя ногти, на ея матово-бѣлую кожу, которую онъ такъ охотно, нѣжно и долго цѣловалъ.

Да,—ея рука скользила по его лбу.

И это онъ вдыхалъ сладкій запахъ отъ ея тѣла, которое было такъ близко, отъ ея платья, ткань котораго похожа на облако,—о, какъ пріятно погружать руки въ эту воздушную ткань!

Его она ждала ночью у высокой рѣшетки, и

дрожала, ожидая, какъ отъ холода. Его провела она черезъ свой садъ и за каждымъ кустомъ обнимала его.

Его губы называла она своимъ „цвѣткомъ“, его руки называла она своею „погибелью“.

Да,—такія чудныя слова она говорила, она сказала: его губы пускай будутъ цвѣтокъ мой, его руки—погибель моя.

Фрицъ Чекки улыбнулся и опять закрылъ глаза.

Она увидѣла его улыбку, наклонила къ нему голову и нѣжно прильнула губами къ его лицу.

Фрицъ продолжалъ улыбаться, — все тѣмъ же очарованнымъ удивленіемъ:

— Но это чудесно,—сказалъ онъ тихо, и повторялъ: — Но это чудесно!—и двигался головою туда и сюда.

— Что же?—спросила она.

— Да вотъ это,—отвѣтилъ онъ только и тихо лежалъ подъ ея поцѣлуями, словно боясь прервать свой сонъ.

Продолжалъ улыбаться: въ его памяти все повторялось ея имя, и чаровало его, — одно изъ большихъ именъ, съ европейскою извѣстностью, — и вотъ оно, какъ сказка, упало къ нему.

И медленно опять открылъ онъ глаза, и смотрѣлъ на нее, и схватилъ ее обѣими руками за уши, и, смѣясь какъ мальчишка, щипалъ ее, — крѣпче и крѣпче, и это онъ смѣлъ, — и это!

Приподнялся и прислонилъ голову къ ея плечу. Все съ тою же улыбкою осматривалъ онъ комнату.

Все было къ его услугамъ, все, что ей принадлежало: это множество хрупкихъ бездѣлушекъ, разсѣянныхъ на диковинной, тонконогой мебели: едва рѣшаясь прикоснуться къ этимъ вещамъ, онъ, жонглеръ, сначала дотрагивался до нихъ такъ осторожно, какъ будто они могли сломаться въ его пальцахъ; но вотъ, полный задора,—вѣдь онъ былъ сегодня господинъ, онъ, Фрицъ Шмидтъ, — уже бросалъ онъ, какъ мячикъ, роскошный столъ или балансировалъ цѣлою этажеркою,—а она смѣялась, неумолчно смѣялась.

Картины были ему непонятны, всѣ эти изображенія предковъ въ одеждѣ вѣка Возрожденія, со шпагами, въ перчаткахъ. Была минута, когда онъ внезапно передъ этими картинами расхохотался такъ громко, такъ рѣзко, точно уличный мальчишка,—неудержимо смѣялся тому, что вотъ онъ, Фрицъ Шмидтъ, сегодня у нея сидитъ, у отпрыска этихъ предковъ, и что она принадлежитъ ему.

И онъ смѣялся, смѣялся,—и не понимала она, чему онъ смѣется. Наконецъ спросила:

— Да чему же ты смѣешься?

— Да вотъ,—отвѣчалъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться,—ужь такъ это чудно, такъ чудно.

Онъ испытывалъ странное, на половину радост-

ное, на половину боязливое удивленіе, — что онъ былъ здѣсь.

Что онъ сегодня былъ господиномъ.

Онъ чувствовалъ себя господиномъ: она же принадлежала ему. Онъ обладалъ ею. Въ его нецивилизованномъ мозгу еще сохранялись всѣ идеи о неограниченномъ владычествѣ мужчины, — владычествѣ надъ „бабьемъ“, — онъ, дѣятельный, и въ самыхъ изнуряющихъ наслажденіяхъ превосходилъ женщину и могъ ее раздавить.

Но всѣ эти мужскіе предрасудки у Фрица, — которому они доставляли сладострастное удовольствіе обуздывать ее, покорять, приручать, — исчезали вновь безсильно и беспомощно отъ его нѣмого, все возобновляющагося удивленія передъ нею: ничтожнѣйшія слова ея звучали иначе и другой имѣли ритмъ: малѣйшее движеніе у нея строилось на иной ладъ; ея тѣло, и даже каждая часть его, были прекрасны иною, чуждою красотою, непонятной и нѣжной.

И онъ сдѣлался кроткимъ и робкимъ, и вдругъ открылъ сомкнутые глаза, чтобы посмотрѣть, не сонъ ли это, — и медленно ласкалъ онъ ея тонкіе, длинные пальцы: да, это было на яву.

Ея руки все медленнѣе и медленнѣе двигались по его волосамъ, и учащалось ея дыханіе, пока онъ лежалъ, словно спящій.

Внезапно открылъ онъ глаза:

— Но чего же вы хотите отъ меня?—спросилъ онъ.

— Какой ты глупый,—прошептала она и прижалась устами къ его щекъ.

Она продолжала шептать ему прямо въ ухо,— тонъ ея голоса возбуждалъ его еще болѣе, чѣмъ ея ласки:

— Какой ты глупый, какой ты глупый!

И какъ будто желая убаюкать упоеніемъ прекрасное и равнодушное тѣло, она шептала:

— Какой ты глупый, какой ты глупый!

Но онъ поднялся, и говорилъ со своею неизмѣнною улыбкою, сидя рядомъ съ нею, прижавъ къ своей груди ея голову и глядя на нее съ невыразимою нѣжностью:

— Тебѣ хочется спать?

И качалъ ее на рукахъ, какъ ребенка, пока они не разсмѣялись оба, глядя другъ на друга.

— Какой ты глупый!

Тогда вспыхнули его глаза, и онъ обнялъ ее; не говоря ни слова, понесъ онъ ее черезъ всю комнату на поднятыхъ рукахъ, туда...

И свѣтло-голубая лампада смотрѣла тихо, какъ темное око...

Свѣтало, когда они разстались. Но на каждомъ поворотѣ лѣстницы, и въ саду внутри тихаго

дома,—такого важнаго и чиннаго, съ опущенными шторами, старались они продлить безумные часы свиданія, и она шептала все тѣ же три слова, подобныя рефрену къ словамъ ея любви,—любви, душа которой—инстинктъ:

— Какой ты глупый!

Наконецъ простились, — и рѣшетчатая дверь захлопнулась за нимъ.

Но она осталась стоять, и еще разъ вернулся онъ. Обнялъ ее опять, и вдругъ засмѣялся, стоя рядомъ съ нею передъ ея дворцомъ.

И какъ будто мысли ихъ сошлись, и она засмѣялась, глядя на домъ своихъ отцовъ.

И онъ началъ, — услаждая своимъ любопытствомъ свой необычайный триумфъ,—разспрашивалъ ее отдѣльно о каждомъ каменномъ гербѣ надъ окнами, о каждой надписи портала, и она отвѣчала ему, и смѣялась, смѣялась.

Это были самыя надменные имена страны. Онъ ихъ не зналъ, но она рассказывала кое-что о каждомъ.

Это была исторія высокихъ почестей, исторія битвъ, исторія побѣдъ.

Онъ смѣялся.

Тамъ были щиты, прикрывавшіе троны. Тамъ были эмблемы, напоминающія о папскомъ престолѣ.

Онъ смѣялся.

Казалось, что сама она сознавала свое не достоинство; становились ея ласки все горячѣе, дерзкія, почти кощунственныя въ этомъ полусвѣтѣ восходящаго дня, — и она продолжала разсказывать, точно хотѣла она этими словами сорвать одинъ за другимъ всѣ щиты отчаго дома и разгромить ихъ въ позоръ ея любви.

— А это?—спрашивалъ онъ, и показывалъ на гербъ.

— А это?

И она продолжала разсказывать.

Это была исторія столѣтій. Здѣсь были троны воздвигнутые и королевскіе троны низвергнутые. Тотъ былъ другомъ императора. Тотъ убилъ короля.

И она продолжала говорить—шепча съ дразнящею насмѣшкою, прислонясь къ плечу акробата, отдаваясь впечатлѣніямъ этого позора.

И его охватывало упоеніе.

Это было, — они оба это видѣли своими собственными глазами,—полное крушеніе, и они наслаждались, минута за минутой, паденіемъ этого великаго дома, съ его гербами, порталами, щитами, памятными досками, верхами башенокъ надъ нимъ, — крушеніемъ дома подъ жерновами ихъ страсти.

Наконецъ оторвалась отъ него и побѣжала по дорожкѣ.

Еще разъ остановилась у маленькой двери, и быстро мелькнувшей рукою кинула ему, — какъ послѣднюю шутку, — изъ подъ большого гербоваго щита надъ дверью, — воздушный поцѣлуй, и за-смѣялась.

Фрицъ шель домой. Словно крылья выросли у его ногъ. Еще чувствовалъ всѣ ея ласки.

Вокругъ пробуждался большой городъ.

Повозки тарахтѣли по улицѣ. На нихъ лежали всѣ сокровища цвѣточнаго рынка: фіалки, раннія розы, аврикулы, гвоздика.

Фрицъ пѣлъ. Въ полголоса пѣлъ стихи любовнаго вальса:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours.

А повозки все проносились мимо. Улицы были полны благоуханій.

Продавщицы цвѣтовъ, которыя сидѣли на козлахъ, укутавшись въ большіе платки, оглядывались на него и улыбались.

Онъ опять пѣлъ:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours.

Въ той улицѣ, гдѣ онъ жилъ, между высокими домами было еще темно и тихо. Фрицъ шелъ медленно. Но все напѣвалъ, и оглядывалъ свой домъ сверху до низу.

Вздрогнулъ, — показалось, что наверху за стекломъ увидѣлъ чье-то лицо.

Блѣдная, задыхаясь, притаилась, подслушивая за своею дверью, Люба.

Да, это былъ онъ.

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours.

Дверь внизу закрылась, все стало тихо.

Блѣдная, какъ лунатикъ, прижавъ руки къ груди, подошла Люба къ постели. Неподвижно смотрѣла она на разсвѣтающій день, — новый день.

V.

Было поздно, когда Фрицъ Чекки проснулся; отъ утомленія не сразу возвращаясь къ сознанию, неотчетливо видѣлъ онъ, какъ Адольфъ вытиралъ тѣло мокрымъ полотенцемъ.

— Пора бы уже и проснуться,—насмѣшливо сказалъ Адольфъ.

— Да,—отвѣчалъ Фрицъ и продолжалъ смотрѣть на брата.

— Надо же, наконецъ, встать,—тѣмъ же тономъ говорилъ Адольфъ.

— Да,—сказалъ Фрицъ; но продолжалъ, не двигаясь, разсматривать крѣпкое и непорочное тѣло брата, мускулы котораго играли жизненной силой; онъ испытывалъ безумную ярость, раздражающей и жалкой гнѣвъ израненнаго.

Когда онъ такъ лежалъ, уставившись на брата, вдругъ онъ поднималъ голыя руки и почувствовалъ, какъ безсильны онъ были, и когда онъ потомъ однимъ толчкомъ уперся ногами въ обножье кровати и почувствовалъ вялость и въ мускулахъ ноги,— онъ былъ охваченъ вдругъ блѣднымъ и дикимъ раздраженіемъ на себя самого на свое тѣло, на свой полъ, и на нее: воровка, грабительница... она!

Его ярость была бессмысленна. Онъ зналъ только одно: онъ былъ бы способенъ, какъ сумасшедшій, убить ее наповалъ. На смерть забить сжатыми кулаками. Ударъ за ударомъ. Кричить она, смѣется,—убить ее, убить. Убить, чтобы она и не пикнула больше. Растоптать ее ногами.

Опять поднималъ руки и сжалъ ладони, и, чувствуя опять бездѣйствіе безсильныхъ мускуловъ, стиснулъ зубы.

Адольфъ вышелъ и захлопнулъ дверь.

Тогда Фрицъ вскочилъ и началъ голый испыты-
вать свое тѣло. Попробовалъ нѣкоторыя упражне-
нiя, и неудачно. Дѣлалъ партерную гимнастику,—
не выходило. Усталые члены, непослушные, только
дрожали.

Опять пытался. Билъ самъ себя. Опять пытался.
Щипалъ себя ногтями. Все напрасно.

Ничего не могъ.

Ударился лбомъ объ стѣну, и опять пытался.
Не удавалось.

Онъ устало сѣлъ передъ большимъ зеркаломъ
и разсматривалъ мускуль за мускуломъ на своемъ
лѣнивомъ, изнемогшемъ тѣлѣ.

Да, это была правда: она похитила разомъ все:
здоровье, силу, крѣпость мышцъ. Да, это была
правда: все было разомъ разрушено: работа, по-
ложенiе, имя.

Да, такъ это было.

И съ нимъ будетъ, что съ „the Stars“,—двѣ
дѣвки шатались изъ города въ городъ, и ихъ коло-
тили, пока, наконецъ, не засадили въ сумасшедшій
домъ

Съ нимъ будетъ то же, что съ жонглеромъ
Шарлемъ, который имѣлъ связь съ пѣвицей Аде-
линой,—его члены стали вялыми, какъ у пьяницы.
Потомъ онъ повѣсился.

Или еще Губертъ, который ушелъ съ женой

конюха и теперь наѣздничаетъ на ярмаркахъ; или еще жонглеръ Поль, который втюрился въ „Аниту съ ножами“ и теперь служить зазывальщикомъ въ балаганѣ.

Да, они измочалили свои тѣла.

Опять поднялся.

Онъ не хотѣлъ пасть.

И онъ принялся опять работать, трудить свои мускулы, напрягать свою силу, возбуждать каждое мышечное волоконецъ.

Наладилось.

Быстро одѣлся. Кое-какъ натянулъ одежду на тѣло, кое-какъ застегнулся и вышелъ.

Репетировать—въ циркѣ—на трапеціи.

Адольфъ, Люба и Луиза были уже за работою и висѣли на трапеціяхъ въ своихъ сѣрыхъ блузахъ.

Фрицъ нахмурился и началъ работать на полу. Онъ ходилъ на рукахъ, балансируя на правой и на лѣвой рукѣ, такъ что все его тѣло трепетало.

Остальные молча смотрѣли со своихъ качелей.

Потомъ прыгнулъ онъ въ сѣтку, быстро и бодро, и взлѣзъ на качели противъ Любы. Спрыгнулъ, схватившись руками, такъ что стройное тѣло вытянулось, и началъ.

Люба продолжала сидѣть. Усталымъ отъ без-

сонной ночи, тяжелымъ взоромъ она пристально смотрѣла на этого человѣка, котораго она любила, на этого мужчину, котораго она любила и котораго только что обнимала другая.

Годъ за годомъ, тѣло съ тѣломъ вмѣстѣ жили.

И глаза ея мѣрили его,—его плечи, которыя носили ее, его руки, которыя держали ее, его поясицу, которую она обхватывала руками...

Навыки ремесла, традиціи работы,—все увеличивало ея муку.

Безмолвная, сломленная этимъ робкимъ страданіемъ, которое ощущалось ею, какъ тѣлесная боль, она смотрѣла на Фрица, какъ онъ работаль близъ нея.

Но Фриць разбудиль ее:

— Что жъ ты не начинаешь?—сурово крикнуль онъ.

— Сейчасъ.

Она вздрогнула и машинально выпрямилась на качеляхъ. Только на мигъ встрѣтились ихъ глаза. Но внезапно увидѣль Фриць ея блѣдное лицо, ея широко-раскрытые глаза, ея словно одереvenѣлое, коснѣющее тѣло,—и поняль все.

И въ то же мгновеніе почувствовалъ непреодолимое, непобѣдимое отвращеніе отъ этого тѣла женщины, омерзѣніе, гадливость передъ самыми ея прикосновеніями,—другой женщины, чѣмъ та, которую онъ любиль.

Неодолимое, пронизывающее его отвращеніе, подобное ненависти.

— Начинай!—крикнулъ Адольфъ.

— Начинай же!—кричала Луиза.

Но она еще медлила.

Потомъ понеслись они одинъ къ другому и встрѣтились. Блѣдные мѣрили они глазами одинъ другого и опять понеслись. Онъ схватилъ ее, но она упала. Начали опять,—онъ свалился.

Начали заново, одинъ на одинъ; съ каждымъ мгновеніемъ, казалось, она блѣднѣла, — и оба упали, сперва Фрицъ.

Луиза и Адольфъ громко смѣялись на своихъ качеляхъ. Адольфъ кричалъ:

— Ну, и удачный у тебя выдался денекъ!

Луиза крикнула:

— Его сглазили.

И опять они смѣялись, тамъ, наверху, на качеляхъ.

Они продолжали, но недолго: Люба уронила Фрица, онъ громко ругался внизу на растянутой сѣткѣ.

И вдругъ всѣ, взволнованные и раздраженные, закричали одинъ на другого громкими, пронзительными голосами,—только Люба молча смотрѣла широко раскрытыми глазами, блѣдная, несмотря на все напряженіе работы.

Опять Фрицъ взобрался вверхъ, и начали снова. Оба кричали, оба носились по воздуху.

Носились одинъ навстрѣчу другому, и равно въ обоихъ возрастало то же неистовство. Съ крикомъ схватывали они другъ друга, яростно обнимали одинъ другого.

Уже это была не работа. Это было сраженіе. Уже они не сходились, не схватывались, не обнимались. Они только нападали и боролись, какъ звѣри.

Въ отчаянной борьбѣ пытая свои силы, мелькали въ воздухѣ оба тѣла.

Не переставали. Уже и командныхъ словъ не было. Безсмысленно, съ дикою, непреодолимою ненавистью носились они по воздуху, и сами словно испуганные, въ ужасномъ кулачномъ бою.

Вдругъ Люба съ крикомъ свалилась,—и лежала одно мгновеніе въ сѣткѣ, какъ не живая.

Фрицъ взобрался на свою качель и смотрѣлъ на побѣжденную, стиснувъ зубы, блѣдный, какъ маска.

Онъ всталъ на трапецію и сказалъ:

— Она не можетъ больше работать. Переименуемся,—она беретъ верхнюю качель, а Луиза работаетъ здѣсь.

Онъ говорилъ рѣзко, какъ имѣющій власть повелѣвать. Никто не отвѣчалъ, но Луиза медленно стала спускаться изъ-подъ свода къ Любиной качели.

Люба не сказала ни слова. Только приподнялась въ сѣткѣ, какъ сраженный звѣрь.

Медленно взлѣзла по верхнему канату подъ куполь.

И они работали опять по новому.

Но уже силы у Фрица упали. Самый его гнѣвъ истощалъ его. Руки больше не держали: упалъ, и Луиза свалилась.

— Да что съ тобою?—спросилъ Адольфъ,—никакъ ты боленъ. Возьми себѣ куполь,—съ этимъ ты справишься,—а то вѣдь не идетъ.

Фрицъ не отвѣчалъ и сидѣлъ, понуря голову, какъ сраженный ударомъ.

Потомъ сказалъ,—пробормоталъ сквозь зубы.

— Да, мы, конечно, можемъ помѣняться,—на сегодня.

Онъ выбрался изъ сѣтки, и вышелъ. Его сжатые руки были блѣдны. Ему казалось, что конюхи шепчутъ его имя, и онъ, полный стыда, прокрался мимо нихъ, какъ собака.

Въ уборной бросился на матрасъ. Уже не чувствовалъ своего тѣла. Но его глаза пылали.

Не могъ успокоиться. Опять началъ упражняться. Подобно человѣку, который трогаетъ болящій зубъ, чтобы успокоить его зудѣніе, и нажатіемъ пальца причиняетъ себѣ боль,—Фрицъ продолжалъ подвергать испытаніямъ свои ослабѣвшіе члены.

Пыталъ лихорадочно, сможетъ ли это сдѣлать, сможетъ ли то сдѣлать.

Ничего не могъ. Легъ опять,—и снова пытался упражняться. И самая эта старательность въ попыткахъ утомляла его,—напрасно,—и опять.

Такъ прошелъ день. Фрицъ не выходилъ изъ цирка. Бродилъ вокругъ манежа, какъ злая совѣсть около злодѣя.

Вечеромъ работаль онъ съ Луизой наверху въ куполѣ.

Онъ боролся, какъ бѣшенный, съ своими непослушными членами. Напрягалъ отчаянно свои дрожащіе мускулы.

Удалось,—разъ, еще разъ, еще разъ.

Переносился назадъ, впередъ, отдыхаль.

Ничего не видѣлъ—ни купола, ни ложъ, ни Адольфа. Только трапецію, ту, которой ему надо было достигнуть, и Луизу, которая качалась передъ нимъ.

Потомъ бросился внизъ, съ крикомъ, — казалось, что шумъ крови въ тоскующемъ мозгу обновилъ его ткань,—схватился за Луизину ногу и упаль въ заколебавшуюся сѣть.

Во всемъ громадномъ помѣщеніи было тихо, тихо, какъ будто всѣ считали его мертвымъ.

Тогда Фрицъ слегка приподнялся. Не понималь, гдѣ онъ. Едва опомнился, и съ ужаснымъ напряженіемъ увидѣлъ манежъ, сѣтку, и черное окруженіе людей, ложи и ее.

Пораженный отчаяніемъ, страдая не столько отъ ушибовъ при паденіи, сколько отъ униженія, онъ поднялъ сжатые кулаки и опять повалился на спину.

Остальные трое прервали представленіе и въ смущеніи окликали другъ друга. Съ быстротою молніи Адольфъ спустился внизъ по канату.

Онъ и два конюха вынули Фрица изъ сѣтки и поддерживали его, такъ что казалось, какъ будто онъ самъ идетъ.

Только тогда Люба медленно спустилась по канату. Шла, какъ слѣпая—ничего не видѣла.

Два артиста стояли у входа.

— Онъ долженъ сказать спасибо этой сѣткѣ,— сказалъ одинъ.

— Да,—отвѣчала другой,—сломалъ бы шею... Люба вздрогнула вдругъ, — услышала эти слова. И какъ будто увидѣвъ это все въ первый разъ, смѣрила она однимъ долгимъ взглядомъ сѣть, и канатъ, и качели,—высокія, страшновысокія качели.

Одинъ изъ артистовъ взглянулъ по направленію ея взора.

— Дьявольски высоко!—сказалъ онъ.

Люба только медленно наклонила голову.

Стало опять тихо, и представленіе продолжалось. Фрицъ въ уборной всталъ съ матраса и сѣлъ къ своему зеркалу. Ему ничего не сдѣлалось, только былъ ошеломленъ паденіемъ.

Адольфъ одѣвался. Долго они молчали.

Потомъ Адольфъ сказалъ:

— Развѣ ты не понимаешь, что такъ дальше нельзя?

Фрицъ не отвѣчалъ. Блѣдный, продолжалъ онъ сидѣть, но отвелъ взоръ отъ своего страннаго лица, отраженнаго зеркаломъ.

Адольфъ былъ готовъ, и они услышали, какъ Луиза постучалась въ дверь уборной.

— Когда же ты, наконецъ, будешь готовъ?— спросилъ Адольфъ.—Они ждутъ.

Фрицъ снялъ съ подзеркальнаго столика тикающіе часы и вышелъ въ корридоръ, гдѣ молча ждали обѣ сестры. Они тихо пошли домой,— Фрицъ рядомъ съ Луизой.

Въ его душѣ горѣлъ стыдъ униженія,—словно рана въ груди.

VI.

Фрицъ и Адольфъ уже давно были въ постеляхъ, и Адольфъ спалъ неподвижно, съ открытымъ ртомъ, какъ спятъ, обыкновенно, акробаты, распластавшись въ глубокомъ снѣ.

Но Фрицъ не могъ заснуть; онъ лежалъ вытянувшись подъ одеяломъ, томясь безумнымъ отчаяніемъ.

Значить, это совершилось. Теперь уже это совершилось. Онъ не можетъ больше работать.

Все возвращался къ той же мысли; значить, онъ больше не можетъ работать. Медленно и вяло вспоминалъ, какъ это случилось, — день за днемъ и ночь за ночью. Спокойно и вяло видѣлъ онъ это все передъ собою: голубую комнату и высокую постель, и себя, и ее; желтую залу съ кушеткой за ширмой, и себя, и ее; лѣстницу съ погашенными лампами, и себя, и ее; и садъ, гдѣ они опять останавливались.

И теперь все прошло. Пожинай теперь плоды.

Онъ это знаетъ.

И дальше брели его мысли, все такія же тяжелыя.

И какъ его повергли въ прахъ, такъ же и онъ ее повергнетъ. Да, онъ это можетъ.

Онъ придетъ ночью, и дверь отомкнетъ. И когда онъ тамъ будетъ, у нея, съ нею, — опять стали его мысли отчетливы, и онъ увидѣлъ голубой покой, и себя, и ее, — тогда онъ, о, тогда онъ зазвонитъ, весь домъ подниметъ звономъ, и ея мужа, и слугъ, и горничныхъ, всѣхъ скличетъ, и они увидятъ ее.

Да, это онъ можетъ сдѣлать.

Да, онъ это сдѣлаетъ.

И вдругъ сказалъ, словно опять увидѣлъ все это передъ собою:

— Да, я это сдѣлаю, теперь.

И уже не было ему покоя. Почему же не сдѣлать ему этого? И теперь же, пока его замысль свѣжъ, его гнѣвъ еще не утихъ и его мысли такъ ясны. Да, надо сдѣлать это сразу. И проворно, не зажигая свѣчи, сталъ онъ искать свое платье и одѣваться, безшумно, чтобы не разбудить Адольфа,—и постоянно видѣлъ передъ собою себя самого и ее въ голубомъ покоѣ, среди голубого покоя себя и ее. Тамъ это случится.

Второпяхъ онъ стукнулъ стуломъ, и вдругъ замеръ, сидя на кровати, полный страха, что Адольфъ проснется. Не надо, чтобы онъ проснулся.

Потомъ, задерживая дыханіе, продолжалъ тихонько одѣваться.

Надо было итти,—нельзя было не итти.

Стукнулъ каблукомъ,—и опять пришлось остановиться.

Адольфъ заворочался въ постели и заворчалъ:

— Какого черта носить!

И потомъ сказалъ:

— Куда ты?

Фрицъ не отвѣчалъ. Полуодѣтый бросился онъ подъ одѣяло, чтобы укрыться, и задрожалъ, какъ пойманный воръ.

Потомъ, услышавъ спокойное дыханіе Адольфа, онъ опять сталъ одѣваться, лежа въ постели:

дрожалъ отъ страха, точно кралъ свою собственную одежду,—потому что онъ зналъ, на что идетъ.

Опять всталъ. Улыбаясь надъ каждымъ избѣгнутымъ препятствіемъ, пробирался вдоль стѣнки хитрый, какъ пьяница, подкрадывающійся къ своей бутылкѣ.

Ему удалось открыть дверь и опять закрыть, спуститься, и выйти, все крадучись...

И онъ чувствовалъ себя безстыднымъ, какъ собака. И онъ говорилъ: „вотъ и завтра я не могу работать“. И онъ думалъ: „ну, погибать такъ погибать“.

И онъ бѣжалъ, бѣжалъ все быстрее, вдоль домовъ, въ ихъ тѣни.

Въ домѣ никто его не замѣтилъ,—кромѣ Любы.

Она за нимъ, — скользнула съ лѣстницы, — вышла изъ дому, перешла на ту сторону...

Какъ двѣ тѣни, преслѣдующія одна другую, неслись они по тихимъ улицамъ.

Такъ добѣжалъ Фрицъ до палаццо, и шаги его замерли у рѣшетки... Люба притаилась въ подъѣздѣ противъ оконъ палаццо.

Она увидѣла свѣтъ, который двигался въ домѣ вдоль оконъ перваго этажа. Она увидѣла двѣ тѣни, скользнувшія за рѣшетчатыя ворота.

То были они.

Свѣтъ двигался обратно, скользили двѣ тѣни,—потомъ стало темно... Только голубоватое мерцаніе тихо свѣтилось за послѣднимъ окномъ.

Тамъ были они,—за этими стеклами, это были они.

Съ прерывающимся дыханіемъ, въ мукахъ ревности не сводила Люба глазъ все съ того же окна; всѣ, всѣ эти картины проходили и мучили ее.

Всѣ картины, въ которыхъ послѣдняя мука отвергнутой, и которая передъ нею, дѣвушкой-акробаткой, всплывали,—всплывали, словно чья-то живая рука рисовала ихъ на этомъ стеклѣ, за которымъ онъ былъ, за которымъ были они.

И ея всю жизнь, которая сплошь была жертвою, — все ея существо, которое было кроткою преданностью, — все, что она думала, каждую ея нѣжную мысль, каждое общее намѣреніе, — все разомъ захлестнули и утопили эти картины, — эти картины двухъ тѣлъ.

Вся ея жизнь, вся цѣликомъ, до послѣдняго воспоминанія, до послѣдней мысли, разбита, спутана, уничтожена, исчезла въ одной страстной жадѣ, страстной жадѣ отвергнутой...

Ничего не осталось: ни ея преданности, ни ея нѣжности, ни ея готовности къ жертвамъ, — ничего... Все осквернено ея несчастіемъ, все погибло въ ея отверженности, все упало къ своему первоисточнику.

Страсть, всемогущая, всесокрушающая страсть...

Часы проходили.

И уже казалось, что большаго нѣтъ страданія.

Какъ во снѣ, тускло смотрѣла она на то же свѣтло-голубое мерцаніе.

Потомъ открылась рѣшетчатая дверь, и опять захлопнулась на замокъ.

Это былъ онъ.

И Люба увидѣла, какъ онъ медленно прошелъ мимо, измученный, блѣдный въ блѣдномъ свѣтѣ дня.

VII.

— Люба, — спросила Луиза такимъ голосомъ, точно хотѣла разбудить, — ты спишь?

Люба молча подняла руку, — странно медленно — и стала завязывать свой длинные волосы.

— Этого надо было ждать, — сказала Луиза.

А Люба сидѣла неподвижно передъ зеркаломъ, въ которомъ отражался ея странный ликъ, — точно двѣ спящія съ открытыми глазами смотрѣли не мигая одна на другую.

Медленно надѣла свою блузу, и встала, съ тѣмъ же страннымъ лицомъ, и, точно слѣдуя за невидимымъ призракомъ, вышла походкою автомата, — словно въ ея бездыханномъ тѣлѣ душа погрузилась въ легкой сонъ.

Луиза пошла за нею, и онѣ обѣ вышли въ темное помѣщеніе, гдѣ уже Фрицъ ждалъ на трапедіи.

Казалось, что Люба никогда не работала увѣреннѣе, чѣмъ сегодня: въ механическомъ темпѣ хваталась за трапецію, выпускала ее и перелетала на другую.

Работали опять съ Фрицемъ, и ея спокойствіе отражалось на немъ: какъ мертвыя колеса въ машинѣ, встрѣчались они, расходились и встрѣчались опять. И опять отдыхали на повѣшенныхъ рядомъ качеляхъ.

И казалось, что въ цѣломъ громадномъ помѣщеніи Люба видѣла только одно, постоянно только одно:—его тѣло.

Это играющее тѣло, колеблющаяся грудь, дышащія уста, эти жилы, которыя горячо бились,— это все можетъ сдѣлаться тихимъ и холоднымъ.

Тихимъ и совсѣмъ холоднымъ.

Эти стремительные мускулы, руки, которыя обнимали ее, затылокъ, за которымъ таилась жизнь,—все это станетъ тихимъ и холоднымъ.

Руки неподвижныя, и мускулы какъ камень, и лобъ холодный, и горло мертвое, и грудь высокая и тихая.

И рука тяжело упадетъ, если ее приподнимутъ.

Руки, и ноги, и плечи—мертвыя...

Они опять работали. Неслись и встрѣчались.

Каждое прикосновеніе подстрекало ее: вотъ онъ такой жаркій, — а будетъ такой холодный, вотъ все въ немъ такъ трепещетъ, — а будетъ такъ тихо.

Уже не думала,—за что. Уже не думала о себѣ. Она видѣла только картину смерти, только это видѣла, только это.

Его—холоднаго и тихаго.

И какъ помѣшанная, настойчиво преслѣдующая предметъ своей маніи, она стала хитрою и лживою. Какъ морфинистка, которая хочетъ удовлетворить свою страсть, стала она въ высшей степени изобрѣтательна.

Съ упрямствомъ маниака преслѣдовала она только одну мысль.

Стала искать Фрица, котораго долго застѣнчиво избѣгала.

Такъ какъ репетиція кончилась, то она стала работать одна. Она перенесла всѣ упражненія нижнихъ качелей подъ куполь. Она окликнула Фрица и задержала его въ манежѣ, спрашивая его, требуя его совѣтовъ, льстя ему, какъ ученица учителю.

Она рисковала на все тамъ, наверху, подъ куполомъ. Играла со смертью. Дерзко дразнила ее.

Слѣдила за невѣрной зыбкостью своихъ движеній, словно хотѣла измѣрить ее. Искала помощи въ своемъ безсиліи, которое старалась скрыть. Кричала:

— Мы еще посмотримъ, что мы можемъ. Мы не дадимъ себя обойти.

Подстрекала его. Онъ давалъ ей совѣты. Полѣзъ по зыбкому канату къ ней на трапецію.

Она перелетала передъ нимъ по-прежнему между качающимися качелями. Перебрасывалась съ трапеціи на трапецію надъ зіяющей глубиной.

И словно побуждаемый непреодолимою силою, принялся онъ ей подражать, и она разжигала его своими окликами. Лихорадочная сила была въ ея стремительно-напряженномъ тѣлѣ. Она истощала свои послѣднія силы, какъ въ послѣдней жизненной борьбѣ.

Она кричала:

— Çа va, çа va!

Онъ летѣлъ за нею и подхватывалъ:

— Çа va, çа va!

Артисты, которые входили и выходили, теперь остались въ манежѣ, стояли и смотрѣли.

Онъ становился все усерднѣе. Онъ дерзалъ на все, на что она рѣшалась. Отъ качели къ качели летѣла она, дикая, съ развѣвающимися волосами, словно показывая ему дорогу.

Они встрѣчались и схватывались. Ея тѣло было холодное, точно двѣ мраморныя руки обхватывали ея жаркое и трепещущее тѣло.

Потомъ она остановилась, но онъ продолжалъ упражненія. Она сидѣла, ерзая на своихъ качеляхъ и подстрекая его еле-слышными, словно ворчащими призывами, сидѣла въ темнотѣ и глядѣла на него.

Фрицъ застоналъ и, ринувшись внизъ, ухватилъ

качающийся канатъ; казалось, что онъ падаетъ внизъ, въ великую тьму.

Люба сидѣла на своихъ качеляхъ; слышала тупой звукъ отъ его паденія въ сѣтку. Потомъ слышались его шаги по мягкой землѣ манежа, скоро звуки его походки заглохли.

Было совсѣмъ темно. Только изъ-подъ купола лился слабый свѣтъ. Тишина легла на все громадное пространство манежа.

Но Люба все сидѣла, сжавшись на трапещи между сѣткой и канатомъ. Потомъ поднялась. Скобки качелей и шнуры легонько брякали.

Приподнимала ихъ и изслѣдовала.

Какъ тѣнь, возилась надъ чѣмъ-то въ темнотѣ Люба,—прилежно, какъ въ мастерской.

Латунныя кнопки качелей мерцали, словно кошачьи глаза.

А вокругъ было совсѣмъ темно.

Канаты качелей колотились слегка одинъ о другой.

А вокругъ было совсѣмъ тихо.

Долго возилась Люба надъ чѣмъ-то въ куполѣ. Потомъ слышался громкій голосъ внизу изъ темноты манежа.

Это былъ Фриць. Онъ звалъ:

— Люба! Люба!

— Ладно, иду!—прозвучалъ отвѣтъ.

Люба воспользовалась правымъ канатомъ. Медленно скользила она внизъ,—и одно мгновеніе казалось молча парящею надъ нимъ,—и онъ ждалъ.

— Иду,—сказала она опять, и сошла къ нему.

VIII.

„Четыре бѣса“ получили бенефисъ.

Былъ вечеръ наканунѣ этого дня. Публика расходилась изъ цирка по домамъ.

Адольфъ постучался въ дверь къ Любѣ и Луизѣ, и всѣ четверо пошли по корридолу.

Ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова, и тихо усѣлись они за тотъ столъ въ ресторанѣ, гдѣ всегда садились. Кружки были принесены, и они пили молча. Были такъ медленны и осторожны малѣйшія движенія Любы, такъ нерѣшительно за стаканъ бралась, словно она взвѣшивала каждую мелочь.

Въ ресторанѣ было шумно. Бибъ и Бобъ праздновали день своего рожденія, и кружокъ артистовъ собрался около ихъ стола.

Кто-то фокусы показывалъ, а клоунъ Трипъ изображалъ паяца.

Одни только „бѣсы“ оставались у себя въ углу.

Тихо исчезли танцовщицы, которыя въ ожиданіи сидѣли у стѣны, за ними прислали какіе-то нетерпѣливые господа. На одномъ столѣ въ углу приказчики играли въ карты.

Клоуны продолжали шумѣть. Одинъ изъ нихъ игралъ на окаринѣ, и полдюжины кри-кри ему отвѣчали. Клоунъ Томъ поднесъ Бобу, какъ подарокъ отъ товарищей, качанъ, набитый табакомъ, и всѣ принялись нюхать и чихать, хоромъ нюхать и чихать подъ крикъ кри-кри. Вскочивъ на столъ, клоунъ Трипъ все еще изображалъ паяца, вертясь и извиваясь.

А „бѣсы“ сидѣли тихо.

Вошелъ разносчикъ афишь съ сумкой и съ клейстеромъ и наклеилъ на двухъ доскахъ программу на завтра. Слова „*les quatre diables*“ повторялись тамъ три раза.

Адольфъ всталъ, подошелъ къ программѣ и разсматривалъ ее. Попросилъ приказчика перевести, и тотъ всталъ изъ-за картъ и перевелъ медленно съ чужого языка,—а Адольфъ слушалъ:

„Увѣряя, что въ этомъ нашемъ представленіи мы приложимъ всѣ старанія, чтобы угодить почтеннѣйшей публикѣ и всѣмъ, дарившимъ насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, остаемся съ совершеннымъ почтеніемъ

Les quatre diables“.

Адольфъ кивалъ головой, слѣдя отъ слова къ

слову за чужимъ текстомъ. Потомъ вернулся къ столу, уставилъ на афишу съ ея замысловатыми буквами радостные глаза, и говорилъ:

— Красивыя буквы.

И Луиза и Фрицъ тоже встали, пошли къ афишѣ одинъ за другимъ и разсматривали ее.

Кри-кри пронзительно пищали, такъ что ушамъ было больно. Клоунъ Томъ насвистывалъ что-то, запихавъ себѣ въ носъ маленькую свистульку.

Встала и Люба. Тихо стала позади Фрица и Луизы, и въ это время приказчикъ опять переводилъ тѣ же слова:

„остаемся съ совершеннымъ почтеніемъ

Les quatre diables“.

Луиза смѣялась чуждому звуку словъ, такихъ трудныхъ,—языкъ сломаешь; ихъ веселили и буквы, и звуки, которые подсказывалъ приказчикъ, эти удивительные звуки, и особенно смѣшила ихъ обоихъ фраза: „остаемся съ совершеннымъ почтеніемъ“.

Это звучало такъ комично, что и другіе подошли; и всѣ они,—клоуны, и гимнасты, и дамы,—смѣялись, и кричали, и повторяли громко, насмѣшливо-веселымъ хоромъ, на своемъ языкѣ каждый, заливаясь хохотомъ, одни и тѣ же слова:

„остаемся съ совершеннымъ почтеніемъ

Les quatre diables“.

Визжали кри-кри. Высоко со стола на столъ перескакивалъ, паясничая, Трипъ.

Разсмѣялась и Люба, громко и продолжительно, послѣ всѣхъ, уже когда шумъ началъ утихать.

„Бѣсы“ вернулись на свое мѣсто.

Адольфъ вынулъ деньги и положилъ ихъ рядомъ съ кружкой. Потомъ встали трое, а Фрицъ остался. Ему еще не хотѣлось итти домой.

— Покойной ночи,—сказали Адольфъ и Луиза.

— Покойной ночи, — отвѣтилъ Фрицъ, и не двинулся съ мѣста.

Люба остановилась, пристально посмотрѣла на него, точно опять мучительна стала ей мысль объ этой послѣдней ночи.

— *A demain, Aimée*,—сказалъ онъ.

Медленно отвела отъ него свой взоръ.

— Покойной ночи.

Вышла въ большой корридоръ. Тамъ было темно. Фонарь разносчика афишъ стоялъ на полу, и въ его мерцающихъ лучахъ свѣтилась желтая бумага афишъ. Остальные двое ждали уже ее у дверей. Она пошла за ними одна.

Между высокими домами было мертво и тихо.

Люба смотрѣла на высокія каменные громады словно чуждыми глазами.

Небо было высоко и ясно. Люба подняла голову и смотрѣла на звѣзды, о которыхъ говорятъ, что это—цѣлые міры, другіе міры.

И потомъ смотрѣла опять на здѣшнее, — на дома, и двери, и окна, и фонари, и камни мо-

стовой, какъ-будто каждая здѣсь вещь была дивнымъ чудомъ, какъ-будто все это она видѣла въ первый и единственный разъ.

— Люба,—окликнула Луиза.

— Да, я иду.

Опять смотрѣла на длинный рядъ домовъ, которые тянулись желтые, замкнутые, все каменные,—рядъ домовъ, между которыми замирали ея шаги...

За ними пронзительно визжали кри-кри, и слышался смѣхъ клоуновъ.

— Люба!—опять окликнула Луиза.

— Я здѣсь.

Люба догоняла ихъ. Оба стояли рядомъ у фонаря и ждали ее.

Луиза откинула голову назадъ и тихо вздохнула.

— Боже мой!—сказала она,—что ты все отстаешь?

И, озаренная свѣтомъ фонаря, прижавшись къ рукѣ Адольфа, смотрѣла она въ мертвую, незнакомую улицу, изъ которой они только-что вышли, и которая тонула въ полутьмѣ.

— Мнѣ нравится эта улица,—сказала она.

И она засмѣялась, повторяя эти смѣшныя слова: „остаемся съ совершеннымъ почтеніемъ“, и потомъ сказала, бросивъ послѣдній взглядъ въ даль успокоенной улицы:

— А какъ она называется?

— Ахъ,—сказалъ Адольфъ,—мало ли улицъ и переулковъ, всѣхъ не запомнишь.

И они шли дальше между каменныхъ громадъ.

Фрицъ оставался въ ресторанѣ. Его звали за столъ, гдѣ сидѣли клоуны. Но онъ только покачалъ головой, и одинъ изъ клоуновъ сказалъ:

— А, его ждетъ что-то получше,—счастливой ночи!

И всѣ смѣялись.

Подняли бокалы и продолжали смѣяться: Бибъ и Бобъ раздобыли себѣ удочки и выудили съ вѣшалки всѣ шляпы артистовъ.

Фрицъ всталъ, вышелъ черезъ открытую на улицу дверь изъ ресторана и сѣлъ на площадкѣ за столикъ подъ лавровыми деревьями.

Безконечная скука, безпредметное отвращеніе охватили его.

Смотрѣлъ на перешептывающіяся парочки, которыя приходили и уходили обнявшись. Въ темнотѣ цѣловались, миловались, смѣялись. Женщины сладострастно извивались, и мужчины шеголяли и чванились другъ передъ другомъ, какъ полевые звѣри, которые собираются спариваться...

Вдругъ Фрицъ разсмѣялся, коротко и рѣзко.

Онъ вспомнилъ клоуна Тома, который назы-

валь себя господиномъ съ собаками,—да, Томъ былъ правъ.

И Фриць представилъ себѣ этого Тома съ его тихимъ, неподвижнымъ, печальнымъ лицомъ, которое было похоже на лицо статуи, съ тонкимъ, краснымъ, округленнымъ и унылымъ ртомъ,—ртомъ женщины.

Фриць видѣлъ его дома, въ большой горницѣ, въ которой онъ для своихъ собакъ построилъ цѣлый домъ,—двухъ-этажный домъ, въ которомъ жили всѣ собаки...

Тамъ лежали звѣри, каждый въ своемъ помѣщеніи, тихіе съ высунутыми въ окошки головами, и неподвижно глядѣли передъ собою глазами, такими же печальными, какъ глаза Тома. И Томъ сидѣлъ среди нихъ. Какая была это тихая компанія!

Всѣ эти собаки были кастрированы,—и Томъ говорилъ, что звѣри человѣчнѣе людей.

Да, Томъ былъ правъ: люди были какъ звѣри. И мгновенія жизни, въ которыя мы живемъ, были звѣрскими.

Звѣри—они звѣри, которые хотятъ веселиться! Безумцы они; безумцы мы всѣ.

Мы бережемся и заботимся о себѣ, мы работаемъ,—неисчислимыя несемъ труды. Мы отдаемъ дни, годы, нашу юность, нашу силу, свѣжесть нашего мозга, и настанетъ день, и воспрянетъ въ

насъ звѣрь, звѣрь, какимъ каждый изъ насъ станетъ въ свой чередъ.

Фрицъ смѣялся. И невольно ощупывалъ онъ это свое тѣло, о которомъ онъ заботился всю жизнь, и которое въ нѣсколько дней такъ опустилось.

Изъ ресторана вышелъ артистъ. Подождать немного, потомъ и его жена вышла, и они пошли по тротуару, переваливаясь съ ноги на ногу.

Фрицъ смотрѣлъ за ними и продолжалъ смѣяться.

И потомъ тѣ, которые женятся. Развѣ это не портить ихъ тѣль? Сочетаться на всю жизнь, ѣсть свой насущный хлѣбъ, и служить для продолженія рода!

Какъ толстые трутни, раздуваются они и врастаютъ брюхомъ въ свою размѣренно правильную жизнь. И дѣтей влекутъ продолжать эту жизнь!

Безумцы, безумцы!

Фрицъ стоялъ и смотрѣлъ на блуждающія здѣсь и тамъ пары. Они дѣлались все нѣжнѣе. Искали тѣни, и стоваривались намеками.

А тамъ шумѣли клоуны. Кри-кри визжали. Все это звучало надъ многообразною и многоликою толпою и надъ всѣми этими парами, какъ побѣдная пѣснь глупости.

Фрицъ всталъ. Бросилъ монету на столъ. Потомъ пошелъ.

Шумъ въ ресторанѣ увеличивался. Мычали,

кричали, смѣялись. Фрицъ запѣлъ. И подхватили всѣ; свистя, крича, кудактая, съ клоунскими гримасами, съ манежными выходками, съ перекошенными ртами пѣли:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours!

На площадкѣ передъ рестораномъ останавливались. Парочки заглядывали въ окна, прижимались другъ къ другу, и смѣялись.

Потомъ и они стали напѣвать, пара за парой, мелодію клоуновъ. И слышалось далеко въ темнотѣ улицъ:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours!

Фрицъ вышелъ на площадку. Тамъ въ залѣ видѣлъ онъ ошалѣлыхъ клоуновъ, здѣсь на улицѣ любовныя парочки покачивали въ тактъ головами.

И вдругъ началъ акробатъ смѣяться; прижавшись къ фонарю, смѣялся, смѣялся онъ, дикій, безумный, и не могъ овладѣть собою.

Тогда подошелъ къ нему представитель порядка и внимательно оглядѣлъ этого господина въ ци-

линдрѣ, который нарушаетъ общественное спокой-
ствіе.

Но господинъ продолжалъ смѣяться такъ сильно,
что его качало, а самъ пытался пѣть:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours!

И вдругъ, совершенно неожиданно, принялся
хохотать и блюститель порядка, самъ не зная, о
чемъ смѣется.

А въ ресторанѣ продолжали:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours!

Фрицъ повернулся. Пошелъ—туда.

IX.

Еще разъ грянули рукоплесканія, и Луиза
опять показалась.

Потомъ конюхи стали снимать большую сѣтку.
Музыка замолкла, и слышенъ былъ шелестъ
сѣти, похожій на шумъ паруса, когда его подби-
раютъ.

„Господинъ Фрицъ и m-lle Aimée исполнять большой прыжокъ безъ сѣтки“.

Нѣсколько конюховъ очень усердно заравнивали арену пескомъ. И вотъ все было готово. Какъ почетная стража, стали берейторы, и опять раздался „вальсъ любви“.

Фрицъ и Люба вышли рука объ руку. Они кланялись, и ихъ осыпали цвѣтами.

Потомъ, раскачиваясь, стали подниматься по длинному канату.

Множество глазъ слѣдило за ними.

Взобравшись на верхъ, одну секунду отдыхали рядомъ другъ съ другомъ.

Дрожь пробѣжала по толпѣ, когда Фрицъ отпустилъ канатъ и полетѣлъ,—дрожь потрясла всѣхъ зрителей, какъ будто всѣ они составляли одно тѣло.

Но еще никогда не работали они такъ увѣренно, какъ теперь. Въ бездыханной тишинѣ ихъ руки цѣпко хватали зыбкія качели.

Фрицъ леталъ взадъ и впередъ.

Любины глаза слѣдили за нимъ, большіе и тускло-блестящіе, какъ два потухающіе свѣточа.

Звуки вальса росли, и все стремительнѣе становились размахи качелей.

Какъ изъ стѣсненной груди исходили боязливыя рукоплесканія.

Теперь Люба распустила волосы, словно желая закутаться въ ихъ черную мантию. Выпрямив-

шись ва качеляхъ, ждала она Фрица. Большой прыжокъ начинался.

Они летали, шумя въ воздухѣ. Какъ птичій крикъ звучали ихъ командныя слова надъ звуками музыки, и смѣлость ихъ казалась безуміемъ.

— *Aimée, du courage!*

Онъ опять летѣлъ.

— *Enfin du courage!*

Опять схватился.

Люба смотрѣла на его тѣло,—какъ будто это былъ свѣтъ ея глазъ. Опять раздались громopodobныя рукоплесканія.

Звуки вальса нарастали, торжественные, ликующіе.

Фрицъ ждалъ ее.

Помнила только одно,—вдругъ подняла руку и, далеко откачнувшись отъ шаткой качели, выдержала скобу, на которой она держалась.

И Фрицъ полетѣлъ туда.

Не видѣла ничего больше, не слышала ни одного крика.

Только шорохъ, точно бы мѣшокъ съ пескомъ упалъ на полъ манежа,—такъ упало его тѣло.

Только одинъ мигъ помедлила Люба на своей качели: она поняла теперь впервые, что въ смерти—сладострастіе,—и она опустила руки, вскрикнула и упала

Какъ сорвавшіеся съ цѣпи, стремились сотни людей, охваченные страхомъ. Мужчины перепрыгивали черезъ барьеры и убѣгали, женщины въ проходахъ старались поскорѣе выбраться.

Никто не остался, всѣ хлынули прочь. Женщины кричали, точно ихъ ножами рѣзали.

Три врача вбѣжали на арену и склонились у труповъ.

Потомъ стало тихо. Словно прячась, пробрались артисты въ свои уборныя, не раздѣваясь. Вздрагивали отъ каждаго звука.

Тихо шепча, подошелъ конюхъ къ врачамъ, которые его ждали, и они подняли тѣла и положили ихъ на одну парусину.

Молча вынесли ихъ, черезъ проходъ и черезъ конюшни, гдѣ лошади въ своихъ стойлахъ забеспокоились. Сзади шли артисты,—странное погребальное шествіе!—въ пестрыхъ нарядахъ изъ пантомимы.

Была приготовлена большая багажная фура.

Адольфъ поднялся на нее и положилъ ихъ туда во мракъ, обоихъ,—сперва Любу, и потомъ брата, рядомъ. Ихъ руки глухо упали на полъ фуры.

Потомъ закрылась дверь.

Опять раздался крикъ,—женщина бросилась и уцѣпилась за фуру.

Это была Луиза; ее тихо отнесли.

Кельнеръ ресторана бѣжалъ по длинному, пустому коридору, перепуганный, словно среди бѣлаго дня увидѣлъ привидѣніе.

Звалъ врача.

Въ ресторанѣ лежала дама въ судорогахъ.

Одинъ изъ трехъ врачей поспѣшилъ туда, и позвали карету.

Она подѣхала, — съ великолѣпными гербами на дверцахъ, — и дама, опираясь на врача, была выведена.

Ея экипажъ пришлось задержать на минуту. Багажная фура загоразивала улицу.

Потомъ экипажъ поѣхалъ дальше.

На улицѣ было много свѣта и шума.

Два молодыхъ человѣка остановились у фонтаня. Веселыми любопытными глазами смотрѣли они на площадь.

Двое другихъ подошли и рассказывали о приключеніи.

Увѣряли въ чемъ-то, и объясняли со многими жестами. Потомъ двое любопытныхъ пошли дальше.

Остальные два господина стояли.

Одинъ изъ нихъ стукнулъ палкой по мостовой.

— Ну, — сказалъ онъ, — *mon dieu — pauvres diables!*

И всматриваясь въ кишашую толпу, начали они напѣвать:

Amour, amour,
Oh, bel oiseau,
Chante, chante,
Chante toujours!

Палка съ серебряннымъ набалдашникомъ блестяла. Молодые люди въ длинныхъ плащахъ потихоньку пошли дальше.

Перевелъ *Теодоръ Солоубъ*.

Ея Высочество.

Новелла.

I.

Принцесса отошла, еще разъ милостиво улыбнулась, и уткнулась носомъ въ букетъ камелій. Члены поздравлявшей съ днемъ рожденія депутаціи раскланялись и, пятась и присѣдая, вышли за дверь.

— Уфъ,—въ жаръ бросило!—сказала госпожа гофъ-аптекаарша.

Отъ смущенія и отъ узкаго корсета она была красна, какъ мѣдная кастрюля.

Тайная совѣтница склонилась въ послѣдній разъ, какъ склоняется пламя свѣчи передъ отверстіемъ двери.

— Mon amie,—сказала статская совѣтница тайной совѣтницѣ (онѣ надѣвали въ передней калоши),—эта госпожа...

— Ея высочество такъ хочетъ,—сказала тайная совѣтница, и бросила взглядъ на гофъ-аптекааршу, которая повернулась къ нимъ спиною и, стоя въ углу, разстегнула нѣсколько пуговицъ на своей тальѣ.

Тайная совѣтница сдѣлала такую гримасу, точно понюхала что-то противное.

Онѣ спустились по лѣстницѣ замка. Гофъ-аптекарьша сунула талеръ въ руку швейцара. Гайдуку дала монету въ десять марокъ. Члены депутаціи вышли и припустились, въ калошахъ, съ поднятыми юбками, по аллеѣ, направляясь домой. Гофъ-аптекарьша тяжело пыхтѣла.

— Да,—сказала она,—это стоило таки денегъ.

Она одна заплатила за букетъ.

Юбки разсерженной тайной совѣтницы взлетали такъ высоко, что ея жидковатыя ноги были видны вплоть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ анатомія назначила быть икрамъ.

Ея высочество постояла немного. Потомъ такъ утомленно уронила букетъ. Когда она повернулась, ея взглядъ упалъ на статсъ-даму, и ея высочество улыбнулась опять,—видъ нѣкоторыхъ предметовъ вызывалъ постоянно у ея высочества милостивую улыбку, никогда, впрочемъ, не восходящую къ ея глазамъ, которые всегда оставались томными и печальными,—и простилась съ нею легкимъ движеніемъ руки.

Принцесса Марія-Каролина пошла одна черезъ покои. Это былъ длинный рядъ комнатъ. Всѣ двери стояли настежь, бѣлые занавѣсы у оконъ

были задернуты, свѣта было мало, и воздухъ былъ такой тяжелый, какъ въ музей.

Принцесса Марія-Каролина остановилась здѣсь, въ парадныхъ комнатахъ. Парадная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ чинно стояла у стѣнъ. Кругомъ на консоляхъ и столахъ красовались большія, плохо обчищенные отъ пыли великолѣпныя вазы и старые столовые часы, которые уже давно не шли. Тихо и безжизненно стояли они тамъ. Наверху на плафонъ улыбались между голубыми облаками дородныя въ стилѣ Рососо дамы въ красныхъ одѣянiяхъ.

Погруженное въ полумракъ, было все это великолѣпiе удивительно замкнуто и скупо. Позолоченные бордюры на стѣнахъ потускнѣли и кое-гдѣ отстали. Всѣ въ пятнахъ и въ царапинахъ висѣли большія зеркала въ рамахъ.

Принцесса Марія-Каролина подошла къ одному изъ этихъ зеркалъ: раньше она никогда не замѣчала, что его поверхность составлена изъ трехъ кусковъ стекла. Она долго смотрѣла въ него. Герцогскiе гербы помѣщены были во всѣхъ его углахъ; это зеркало было свадебнымъ подаркомъ отъ чиновниковъ резиденцiи одному изъ ея предковъ. Она внимательно смотрѣла черезъ зеркало на представившуюся ей картину.

Въ открытую дверь видны были всѣ залы. Три люстры висѣли въ бѣлыхъ оболочкахъ, какъ

обвислые полуопорожненные баллоны въ чехлахъ. На консоляхъ стояли севрскія вазы. Онѣ были склеены цементомъ на той сторонѣ, которая была обращена къ зеркалу. Въ сосѣдней залѣ висѣли портреты полудюжины владѣтельныхъ герцоговъ, августѣйшихъ предковъ принцессы Маріи-Каролины.

Иногда по воскресеньямъ комендантъ дворца испрашивалъ у его высочества спеціальное разрѣшеніе показать картины нѣкоторымъ посѣтителямъ. Это были по большей части крестьяне или школьники подъ руководствомъ своихъ учителей. Они прокрадывались тихонько черезъ залы и не осмѣливались говорить во весь голосъ; они шептались потихоньку, тарачили на все глаза и держались прижавшись одинъ къ другому. Полные почтительнаго страха, глазѣли они на портреты, и называли имена особеннымъ голосомъ, какъ имена святыхъ во время молитвы.

Принцесса Марія-Каролина вошла въ этотъ залъ, и разсматривала портреты своихъ предковъ. Они были изображены въ парадныхъ одѣянiяхъ, величественные, съ рукою на осыпанномъ драгоценными камнями эфесѣ шпаги. Нѣкоторые написаны были стоящими у стола, на которомъ лежала корона на красной бархатной подушкѣ. Одинъ держалъ въ протянутой рукѣ свитокъ бумаги, напоминавшій командный жезль.

Принцесса Марія-Каролина отдернула занавѣсъ, и долго разсматривала картины. Онѣ были недавно подновлены, и яркія краски еще блестяли на нихъ.

Она разсматривала лица. Они имѣли всѣ одно и то же выраженіе. Съ торжественными минами на пустыхъ лицахъ стояли эти фигуры, одѣтыя въ бархатъ, натянутыя и безжизненные.

Ея высочество вздохнула. Они, писавшіе ея предковъ, не были художниками.

Когда ея высочество вошла въ ея собственные покои, она быстро распахнула окно, словно ей недоставало воздуха. Весенній воздухъ пахнулъ на нее солнечною теплотою. Она сѣла и смотрѣла на волю, опустивъ голову на руки.

Съ обильными ливнями внезапно пришла весна. Свѣжая расширялась по дерну тонкая зелень, и почки на деревьяхъ полураскрылись. Чувствовался первый нѣжный аромать каштановъ и свѣжій, крѣпкій запахъ земли.

Ея высочество, казалось, никогда еще не видѣла всего этого такъ молодо и такъ свѣтло. Было все небо такое ясное, такое безпредѣльно высокое. Казалось Маріи-Каролинѣ, что блистаетъ все: кусты, свѣжо-зеленѣющій дернъ, и деревья, и горизонтъ...

Воробьи копошились между вязами. И съ каждымъ вздохомъ впивался въ грудь пряный аромать смородины.

Принцесса Марія-Каролина закрыла свои пораженные ослѣпительнымъ сіяніемъ весны глаза и невольно разразилась нервнымъ плачемъ. Слезы хлынули ручьями по ея щекамъ.

Этотъ сіяющій свѣтъ и эта расцвѣтающая жизнь причиняли ей непріятное ощущеніе, почти такое же сильное, какъ тѣлесная боль. Какъ будто бы весна, проходящая тамъ, снаружи, подавляла ее. Сквозь слезы смотрѣла она на мерцающій воздухъ, и голова ея кружилась, и голубыя линіи отдаленныхъ высотъ рѣяли передъ ея глазами.

Принцесса поднялась и закрыла окно. Опустила длинныя шторы, и сѣла въ полутемномъ покоѣ. Продолжала плакать,—и сама не понимала, о чемъ ея слезы. Прежде плакала ея высочество только по воскресеньямъ въ церкви.

Неотступно передъ ея глазами одна и та же была картина,—принцесса не знала, почему и откуда это пришло.

Уже давно ни разу не вспомнила она о своемъ дядѣ, принцѣ Оттонѣ-Георгѣ,—такъ уже давно. И теперь видѣла она его и себя, какъ будто это было только вчера, когда она ребенкомъ такъ часто съ любопытствомъ подкрадывалась на цыпочкахъ и за стуломъ дяди Оттона-Георга смотрѣла на его огни.

Дядя Оттонъ-Георгъ складывалъ дрова въ

печь, потомъ осторожно высѣкалъ огонь своимъ маленькимъ огнивомъ и подсовывалъ растопки подъ большой костеръ. Огни лизали и буравили полѣно за полѣномъ. Дядя Оттонъ-Георгъ, охвативъ подбородокъ рукою, смотрѣлъ потухшими, мертвыми глазами.

Марія-Каролина не рѣшалась заговаривать съ дядей. Она становилась на колѣни у его стула и смотрѣла на огни въ печкѣ.

Иногда тихій принцъ замѣчалъ, что съ нимъ ребенокъ; и Марія-Каролина чувствовала, какъ мягкая рука дяди Оттона-Георга тихонько скользитъ по ея волосамъ. Это были такія нѣжныя и осторожныя прикосновенія,—такъ долго. Иногда задремлетъ Марія-Каролина, прислонивъ голову къ спинкѣ дядина стула; иногда примется плакать.

Дядя Оттонъ-Георгъ бралъ ея голову въ свои руки и говорилъ своимъ странно-утомленнымъ, всегда однозвучнымъ голосомъ:

— Oui—mon enfant... mon pauvre enfant..

Онъ удерживалъ ея голову въ своихъ рукахъ, и смотрѣлъ на нее своими мертвыми глазами и шепталъ опять тѣмъ же голосомъ.

— Oui—mon enfant... mon pauvre enfant..

Потомъ дядя Оттонъ-Георгъ беззвучно подымался, покачивалъ своею красивою головою, съ мягкою, свѣтлою бородою, и тихо уходилъ въ сосѣдную комнату. И тамъ зажигалъ, осто-

рожный, какъ воръ, своимъ маленькимъ огнивомъ
огни въ печкѣ и созерцалъ пламя своими пустыми
глазами.

Лѣтомъ дядя Оттонъ-Георгъ проводилъ цѣлые
дни внизу, въ саду, у своихъ цвѣтовъ. Какъ лю-
билъ онъ свои розы! Онъ поддерживалъ ихъ чаши
сложенными горстью руками и цѣлыми часами
смотрѣлъ на нихъ и улыбался.

Марія-Каролина проходила мимо него со своею
гувернанткою. Дядя Оттонъ-Георгъ не замѣчалъ
этого. Онъ стоялъ, согнувшись надъ своими ро-
зами, покачивалъ головой и улыбался. Гувер-
нантка держалась съ неизмѣнною вѣрностью уста-
новленныхъ правилъ, — она трижды присѣдала за
спиною принца Оттона-Георга, и дѣлала малень-
кій крюкъ по дорогѣ.

Mlle Leterrier всегда пугалась передъ прин-
цемъ Оттономъ-Георгомъ, — и Марія-Каролина
тихо пробиралась мимо... Онѣ приходили на тер-
расу. Mlle Leterrier часто давала на террасѣ
уроки Маріи-Каролинѣ.

Оттуда видна была внизу вся резиденція съ ея
дымовыми трубами, красныя кровли, башни цер-
квей, маленькая рѣка съ обоими мостами, и крас-
ная казарма, которая была самымъ большимъ
зданіемъ во всемъ городѣ.

Панорама содѣйствовала методу mlle Leterrier.
Тамъ она вокругъ себя находила вокабулы.

Деревья, дома, красныя кровли и дымъ изъ ихъ трубъ, который восходилъ къ голубому небу, и липы, и цвѣты между стволами и пнями, покрытыми зеленымъ мхомъ, и птицы, которыя пѣли въ рощицахъ, и комары, которые пищали,—все это были только вокабулы для m-lle Leterrier.

Воробей шлепнется съ вѣтки на землю и примется купаться въ пыли около террасы. M-lle Leterrier останавливалась и разсматривала воробья, словно бы онъ былъ однимъ изъ семи чудесъ:

— Ah! le petit oiseau... Comme il est beau,— le petit oiseau!

M-lle Leterrier было очень любопытно узнать, какая бы это могла быть „petit oiseau“. Марія стояла согнувшись; она тупо смотрѣла на пишущее чудо m-lle Leterrier.

— Ахъ, это — овсянка, — ваше высочество хорошо это знаете,—(ея высочество все знала)— овсянка.

— Ваше высочество,—говаривала m-lle Leterrier, когда Марія-Каролина пробарабанить басню Лафонтена передъ ея высочествомъ герцогинею, и ея высочество герцогиня на нескладномъ французскомъ діалектѣ выразить свое удовольствіе,—ваше высочество, искусство учить есть искусство заинтересовывать.

Для торжественныхъ случаевъ у m-lle Leterrier

были „боевые слова“, какъ она называла цитаты изъ Жанъ-Жака Руссо.

M-lle Leterrier и Марія-Каролина шли дальше по террасѣ. M-lle Leterrier переходила къ ботаникѣ. Она говорила о строеніи листьевъ.

— Вашему высочеству извѣстно, что клѣточки...

M-lle Leterrier углублялась во все, что было извѣстно ея высочеству о клѣточкахъ.

Марія-Каролина тихо шла рядомъ съ гувернанткой. Она рѣдко говорила что-нибудь, кромѣ „да“ и „нѣтъ“. Да и это говорила она не очень-то охотно. Ея высочество не обнаруживала, какъ много она знала о клѣточкѣ.

Между тѣмъ они подходили къ концу террасы. Къ нимъ доносились рѣзкіе звуки колокола. Это былъ звонокъ къ отдыху въ герцогскомъ сиротскомъ домѣ. Когда Марія-Каролина нагибалась слегка за изгородь, то она могла видѣть площадку для игръ въ сиротскомъ домѣ.

Малыши суетились тамъ внизу въ своихъ холстинковыхъ балахончикахъ; они смѣялись, и визжали, и играли въ „кошку и мышку“. Большое тамъ было веселье. Марія-Каролина долго стояла, опершись на перила, и смотрѣла на ихъ игры.

M-lle Leterrier находила новый исходный пунктъ для бесѣды.

Устало отходила Марія-Каролина отъ периль и шла за гувернанткой.

Внизу пѣли. Марія-Каролина знала пѣсню. Это была хоровая игра съ пѣніемъ,—одна дѣвочка становилась въ серединѣ круга, растягивала свой передникъ и низко присѣдала, потомъ то же дѣлала другая, и послѣ этого танцовали онѣ обѣ въ серединѣ круга, а остальные, схватившись за руки, кружились около нихъ.

„По лужайкѣ шель монахъ“,—

пѣли хоромъ всѣ дѣтскіе голоса.

— Ваше высочество желаете спросить?—сказала m-lle Leterrier. Она все еще не могла разстаться съ ботаникой.

M-lle Leterrier часто говорила:

— Ваше высочество желаете спросить?

Это былъ только *façon de parler*. Марія-Каролина не спрашивала. Она была такъ утомлена всѣми этими поводами къ разговору. M-lle Leterrier спрашивала за нее. Марію-Каролину это интересовало такъ мало. Послушно шла она, съ своимъ страннымъ сѣрымъ, не по лѣтамъ умнымъ лицомъ, съ томными глазами, рядомъ съ гувернанткой и повторяла свои „да“ и „нѣтъ“. M-lle Leterrier подмѣчала фальшь ея „да“ и „нѣтъ“. Она начинала сердиться.

— Ваше высочество не имѣете никакого пониманія природы,—говорила она.

Пѣли тамъ внизу,—какъ они пѣли!

Да, это и есть то пѣніе, подъ которое они танцевали.

„Эхъ, какъ весело мы пляшемъ, я и ты!
Истоптали мы съ тобой чулки и башмаки,
Истоптали мы съ тобой чулки и башмаки“.

M-lle Leterrier открыла муравейникъ.

Въ одно мгновеніе мысли m-lle Leterrier были въ Sanssouci. Это было старинное обыкновеніе m-lle Leterrier—вспоминать Sanssouci. Ея первыя ученицы были изъ дома Гогенцоллерновъ. M-lle Leterrier повела бесѣду о Фридрихѣ Великомъ. Теперь она нашла свой вѣрный фарватеръ и со всѣми своими исходными пунктами причалила къ Sanssouci. Старая привычка!

Но, впрочемъ, m-lle Leterrier вспоминала скоро, что герцогиня была изъ дома Габсбурговъ. Ловкимъ оборотомъ переходила она къ Шенбруну и кончала Марією Терезією. Когда m-lle Leterrier доходила до Маріи Терезіи, она дѣлала паузу. Молча шли гувернантка и ученица рядомъ одна съ другою.

И потомъ отрывочныя вокабулы нарушали тишину.

Марія - Каролина повторяла вокабулы своимъ вялымъ голосомъ.

— La pelouse,—votre Altesse le sait...

— Oui, mademoiselle, la pelouse.

Часъ отдыха тамъ внизу проходилъ. Звонилъ колоколь, и дѣтскій шумъ, затихая, переходилъ въ суетливое жужжаніе. M-lle Leterrier и Марія-Каролина достигали конца террасы. Сиротскій домъ лежалъ внизу прямо противъ нихъ. Марія-Каролина видѣла двухъ маленькихъ тряпичниковъ, которые боязливо убѣгали черезъ дворъ въ ворота. Въ открытыя окна слышались голоса учительницы и дѣтей, которыя хоромъ твердили склады.

Марія-Каролина стояла согнувшись, прислушиваясь.

— Ваше высочество должны держаться прямо.

Марія-Каролина вздрагивала и выпрямлялась.

— Ваше высочество держитесь ужасно,—ваше высочество должны опять носить бандажъ.

Марія-Каролина каждые полгода по нѣсколько мѣсяцевъ бывала, изъ-за ея осанки, затянута въ стальной корсетъ.

M-lle Leterrier утомлялась. Онѣ сѣли на скамейку между деревьями.

Самыя маленькія дѣвочки изъ сиротскаго дома проходили мимо нихъ. Длинною вереницею шли онѣ съ своею воспитательницею; весело щебеча, какъ стая пичужекъ, въ своихъ желтыхъ балахончикахъ, въ бѣлыхъ капюшонахъ, плотно обле-

гавшихъ красныя, круглыя личики, бѣгали онѣ за нею.

Марія-Каролина смотрѣла, какъ онѣ идутъ попарно, скрестивши руки; какъ онѣ бѣгаютъ туда и сюда, болтая и визжа. Когда онѣ проходили мимо скамейки, онѣ затихали, и кланялись маленькими степенными реверансами, и оправляли платица по обѣ стороны, и таращили на Марію-Каролину большіе, круглые глаза. Нѣкоторыя изъ самыхъ маленькихъ падали, присѣдая, плакали, лежа на землѣ, и поспѣшно карабкались опять на ноги и присѣдали опять, а слезы такъ и бѣжали по ихъ щекамъ. Марія-Каролина, съ покраснѣвшимъ и сконфуженнымъ лицомъ, сидѣла на скамейкѣ и кивала имъ головою.

Малютки проходили. Долго потомъ еще слышались въ аллеяхъ ихъ голоса; они звучали, какъ пѣніе.

Mlle Leterrier смотрѣла на часы. Была пора: теперь у ея высочества долженъ былъ начинаться урокъ танцевъ и граціи.

Марія-Каролина поднималась и уходила съ гувернанткой. Въ розовомъ саду принцъ Оттонъ-Георгъ возился на солнцѣ со своими розами. Марія-Каролина и mademoiselle проходили мимо него.

Ея высочество брала урокъ танцевъ въ маломъ бальномъ залѣ. Ея высочество герцогиня сама

приходила на урокъ танцевъ и граціи принцессы Маріи-Каролины. Старый учитель былъ отставная балетная косточка со множествомъ иноземныхъ балетныхъ приемовъ и родныхъ вывертовъ. Принцесса Марія - Каролина танцевала кадрили съ тремя стульями. Прыгунъ-танцмейстеръ старательно пиликалъ на своей жидкой скрипкѣ *quadrille à la cour*. Ея высочество была въ отчаяніи: принцесса Марія-Каролина казалась совершенно лишенною граціи.

— *En arrière — en avant — un, deux, trois, compliment.*—Смотрите же на своего кавалера. Кавалеръ *à gauche*.

Принцесса Марія-Каролина выбивалась изъ силъ около своихъ трехъ стульевъ.

Балетный танцоръ игралъ и всѣмъ своимъ тѣломъ отбивалъ тактъ.

— Тамъ, тамъ,—*trois*, ваше высочество... кавалеръ *à droite*—красный бантъ, кавалеръ *à droite* (красный и голубой бантъ на стульяхъ помогали понятливости Маріи-Каролины)... *deux, trois, compliment.*

Балетный антикъ прыгалъ, какъ арлекинъ въ пантомимѣ, пиликаая на скрипкѣ.

— Хорошо,—хорошо,—*un, deux, trois*, кавалеръ *à droite*.

Марія-Каролина кланялась опять передъ краснымъ бантомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—un, deux, trois, кавалеръ à droite.

— Локти! — вскрикивала ея высочество, — господинъ Песталоцци — какое угловатое движеніе! О, что это за поклонъ, — этотъ поклонъ!

Ея высочество герцогиня вскакивала.

— Еще разъ...

Принцесса Марія-Каролина кланялась, округляя спину.

— Эта осанка!... Спина!... Еще разъ.

Ея высочество подпѣвала.

Принцесса Марія-Каролина съ неподвижными глазами кланялась передъ тремя стульями.

— Отвратительный поклонъ, — отвратительный!

Ея высочество была внѣ себя:

Принцесса горбится, какъ водоноска.

Господинъ Песталоцци вытиралъ лицо носовымъ платкомъ, который былъ не чище старой тряпки; съ господина Песталоцци словно ручьи текли. Ея высочество принцесса Марія-Каролина двигалась, какъ машина.

— Если мнѣ позволено будетъ сказать, — начинала m-lle Leterrier вводнымъ предложеніемъ, — m-lle Leterrier постоянно прицѣпляла къ своей рѣчи вводныя предложенія во всей ихъ дѣвственной небрежности, — принцесса Эрнестина бывала по ночамъ въ постели крѣпко спеленатою, такъ что не могла двигаться. Ея высочество принцесса

лежала, вытянувшись совершенно прямо. Это удивительно помогало ея высочеству. И руки были крѣпко связаны.

Ея высочество герцогиня находила это нѣсколько сильнымъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина могла бы попробовать проходить нѣсколько часовъ съ линейкой. Ея высочество герцогиня сама въ дѣтствѣ по четыре часа въ день ходила съ линейкой.

Балетный антикъ опять начиналъ играть. Принцесса Марія-Каролина танцевала вальсъ съ краснымъ табуретомъ.

Ея высочество поднималась, чтобы уходить. Этотъ часъ она отдаетъ живописи. Ея высочество герцогиня писала красками. Это было всегда нѣчто бѣлое среди обилія голубого. Ея высочество дарила это бѣлое и голубое для праздничнаго базара. Въ описи этотъ подарокъ обозначался слѣдующимъ образомъ: Ея Высочество Герцогиня, картина: „Утки, плавающія по водѣ“. Всѣ гостиныя въ резиденціи имѣли „утокъ на водѣ“.

Кромѣ того, ея высочество герцогиня была голодна. Ея высочество герцогиня кушала что-нибудь правильно каждые два часа.

Принцесса Марія-Каролина дѣлала своей шатап реверансъ.

Дни проходили, одинъ какъ другой. Ея высочеству давали уроки, — и у ея высочества были свободные часы, и она шла гулять съ *mademoiselle*. Ея высочество была ужасно неловкая, и у нея были большія, красныя руки.

Въ часы разговора ходила ея высочество съ линейкой.

Послѣ стола ея высочество герцогиня выѣзжала. Принцесса Марія-Каролина сидѣла на заднемъ мѣстѣ и кивала прохожимъ. Онѣ ѣхали всегда однимъ и тѣмъ же путемъ, по большой улицѣ резиденціи къ „итальянскому замку“.

Статсъ-дама занимала ея высочество герцогиню; статсъ-дама знала какую-нибудь исторію о каждомъ человѣкѣ, котораго онѣ встрѣчали.

Въ „итальянскомъ замкѣ“ герцогиня пила шоколадъ. Потомъ онѣ возвращались домой.

Принцесса Марія-Каролина была очень утомлена, когда вечеромъ ложилась въ постель, и *m-lle Leterrier* натягивала крѣпко длинныя перчатки на ея руки съ красными пястями.

M-lle Leterrier не долюбливала лѣтняго зноя. Она всегда начинала клевать носомъ, когда добиралась—*via Sanssouci—go cette illustre impératrice*.

Марія-Каролина подвигалась на скамейкѣ, со-

всѣмъ тихо, изъ страха разбудить ее. Это было лучшее время Маріи-Каролины, когда m-lle Leterrier дремала.

Было такъ тихо, — ни звука не слышно было въ саду.

Тихо стояли подъ солнцемъ зеленыя деревья, замокъ и городъ.

Пчела пролетитъ жужжа въ тѣни террасы и опять закружится въ солнечной ясности.

Было такъ радостно Маріи-Каролинѣ сидѣть здѣсь въ покоѣ, почти такъ, какъ будто бы она сидѣла одна. При каждомъ шорохѣ бросала она украдкой боязливый взглядъ на m-lle Leterrier.

Дѣти изъ сиротскаго дома шли мимо и присѣдали; дальше шли по террасѣ, — ея высочество въ день своихъ именинъ всемилостивѣйше пожаловала имъ здѣсь на верху площадку для игръ съ качелями и шестами, — шли мимо, смѣялись и шумѣли.

M-lle Leterrier продолжала спать. Марія-Каролина тихонько вставала со скамейки и прокрадывалась за террасу. Когда дѣти громко вскрикивали, она вздрагивала и оглядывалась.

Притаясь за деревомъ, смотрѣла Марія-Каролина, какъ они играли. Они стояли попарно длиннымъ рядомъ, повернувшись къ ней спиною. Да, они играли во „вдову“.

Марія-Каролина знала всѣ ихъ игры: „монахъ“,

и „колдунъ“, и „кошка и мышка“, и „принцесса въ клѣткѣ“.

Какъ они визжали, бѣгая около качелей!

— Лови, лови ее! лови, лови ее!

Ахъ, толстая Марта была вдовою!

Вокругъ кричали маленькія. Они играли въ прятки, — становились лицомъ къ дереву и кричали, когда ихъ найдутъ, и проворно убѣгали. Нѣкоторыя изъ нихъ кувыркались на землю и барахтались, такъ что видны были изъ-подъ юбокъ ихъ круглыя розовыя ножки.

Старшія уставали. Они сажались длиннымъ рядомъ на скамейки, и обнимались, и покачивались. Нѣкоторыя начинали пѣть.

Другія подпѣвали, покачиваясь всѣмъ тѣломъ на обѣ стороны.

Маленькія пѣли своими ясными пискливыми голосками первые стихи. Вотъ маленькая, кудрявая крошка упала, и сидѣла плача на землѣ. Она продолжала пѣть за другими и размазывала землю по лицу, орошенному слезами.

Марія-Каролина опять возвращалась тихонько къ своей гувернанткѣ.

Однажды маленькія дѣвочки были однѣ. Онѣ играли во всѣ игры старшихъ, и никакъ не могли въ нихъ хорошенько сообразиться; ругаясь, вцѣпились, какъ маленькіе пѣтухи, другъ другу въ волоса, перессорились и надулись.

Марія-Каролина прокралась туда изъ-за своего дерева.

Она наклонилась надъ одною крошкою, которая хныкала и терла себѣ глаза.

— Помочь тебѣ? — спросила она.

Малютка встала и уставилась на нее. Потомъ отскочила и побѣжала прочь. Другія смотрѣли теперь на Марію-Каролину, присѣдали, хватались за свои передники и тѣснились, толкаясь, за деревья. Марія-Королина стояла одна среди площадки.

— Хотите играть?—спросила она опять и сдѣлала къ нимъ одинъ шагъ.

Дѣти не отвѣчали. Они жались другъ къ другу, засовывая пальцы въ ротъ. Нѣкоторыя продолжали дѣлать реверансы.

— Не хотите ли играть со мною?—опять спросила Марія-Каролина, но тише.

Она не получила никакого отвѣта, слышала только тихое сопѣніе.

— Будемъ играть въ „монахи“,—сказала Марія-Каролина, и пошла прямо къ нимъ.—Пойдемъ.

Она взяла одну маленькую дѣвочку за руку.

— Ты будешь со мною,—сказала она.

Малютка растерялась и принялась плакать. Она тискалась въ толпу другихъ дѣтей, которыя косились на Марію-Каролину и боязливо стояли,—и казалось, что всѣ они собираются разревѣться.

— Что же, сыграемъ же въ „монаха“ — сказала Марія-Каролина.

Она взяла за руку другую дѣвочку; малютка вскрикнула, точно ей ножъ въ горло всадили. Марія-Каролина отпустила ее. Она посмотрѣла еще немного на другихъ маленькихъ, которыя робко стояли вокругъ, и отошла.

M-me Letegrier проснулась. Онѣ вернулись въ замокъ.

Синьоръ Песталоцци не понималъ, почему ея высочество такъ мало успѣваетъ на урокахъ танцевъ и граціи; ея высочество внезапно заливалась слезами среди кадрили между трехъ стульевъ, и лились безудержно ея слезы. Марія-Каролина плотно сжимала губы и дѣлала свои па подъ скрипку синьора Песталоцци, а слезы струились по щекамъ.

По вечерамъ, когда m-me Letegrier навязывала ей перчатки выше локтей и выходила, и дверь за нею затворялась, и ея походка затихала въ коридорѣ, Марія-Каролина вставала, опускалась на полъ, на колѣни съ вытянутыми кверху руками, и плакала, плакала, плакала.

Она молилась возлюбленному Богу, прижавшись головой къ ковру, молилась, сама не зная о чемъ,—но она чувствовала себя такъ безпредѣльно, такъ ужасно несчастною. Тогда было Маріи-Каролинѣ около четырнадцати лѣтъ.

Ея высочество выбрала для Маріи-Каролины двухъ подругъ.

Это были двѣ дочери тайнаго совѣтника, дѣвицы съ свѣтло-рыжими волосами и веснушками, покрывающими все лицо вплоть до шеи. Онѣ сажались всегда на краешекъ стула; руки у нихъ были холодныя и влажныя; онѣ говорили только „да“ и „нѣтъ“, и за обѣдомъ ѣли, какъ вороны.

По вечерамъ читали вслухъ подъ наблюденіемъ m-lle Leterrier. Это были книги „pour les jeunes filles“. Читали по-очереди. Двѣ веснушчатки не понимали ни слова. Когда очередь доходила до нихъ, онѣ безъ передышки отзванивали фразы такъ, что ихъ щеки рдѣли.

Никто не понималъ ни слова.

Mademoiselle вставляла свои замѣчанія, и говорила каждый разъ, когда чтица останавливалась перевести духъ: „очень красиво!“ Когда онѣ играли въ карты, подруги постоянно оставляли ея высочество въ выигрышѣ, и зато послѣ игры бывали одаряемы лакомствами.

Марія-Каролина относилась къ нимъ съ небрежной ласковостью. Больше всего занимало ее то, какъ много обѣ онѣ могутъ запрятать въ свои карманы. Ей казалось, что въ ихъ карманахъ для всего найдется мѣсто.

Такъ проходило время.

На каникулы возвращался домой изъ кадетскаго корпуса наслѣдный принцъ.

Его высочество наслѣдный принцъ Эрнестъ-Георгъ былъ рослый парень; онъ за столомъ такъ щипалъ руки Маріи-Королинѣ, что онѣ покрывались желтыми и зелеными пятнами. По воскресеньямъ въ церкви онъ садился сзади нея и во время проповѣди колотилъ ее кулакомъ по затылку.

Марія-Каролина за него готова была итти въ огонь. Она любила его слѣпо. Но она была съ нимъ всегда упряма, какъ палка, и говорила съ нимъ, словно обиженная.

Наслѣдный принцъ Эрнестъ-Георгъ часто дразнилъ ее,—возьметъ и расцѣлуетъ ее. Она густо покраснѣется. Потомъ сядетъ въ уголъ и восхищается имъ.

— Не раззѣвай рта!—кричалъ Эрнестъ-Георгъ.

Марія-Каролина имѣла привычку сидѣть съ открытымъ ртомъ, когда любовалась чѣмъ-нибудь.

Марія-Каролина была очень неловкая, и никогда не знала, куда ей дѣться съ ея руками, такими длинными, съ такими красными сгибами. Она качала ими, когда онѣ были ничѣмъ не заняты.

— Руки, ваше высочество, руки! — восклицала *mademoiselle Leterrier*.

Ея высочество вздрагивала, и изо всѣхъ силъ старалась держать руки спокойно; локти были остры, какъ два шила.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина была плачевно неграціозна.

Ея высочеству принцессѣ Маріи-Каролинѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Она получила свой собственный придворный штатъ. Онъ состоялъ изъ одной статсъ-дамы, графини Теодоры-Анны-Амаліи фонъ-Гартенштейнъ. Это отлично наполняло герцогскій придворный календарь. Она была упомянута трижды: Дворъ ея высочества герцогини: графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ, первая статсъ-дама. Дворъ ея высочества принцессы Маріи-Каролины: статсъ-дама графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ, гофмейстерина. Придворный штатъ въ распоряженіи чужеземныхъ принцессъ: статсъ-дама графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ, гофмейстерина ея высочества принцессы Маріи-Каролины.

Графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ была горбатая и одѣвалась преимущественно въ платья цвѣта сѣме. Даже когда надѣвала она новый туалеть, онъ казался перелицованнымъ.

Она не отходила отъ принцессы Маріи-Каролины ни на минуту, и постоянно говорила:

— Ея высочество думаетъ...

Графиня Теодора - Анна - Амалія фонъ-Гартенштейнъ знала все, что думаетъ ея высочество.

Принцесса Марія-Каролина была лишена всякой привлекательности. Она одѣвалась вѣчно въ свѣтло-розовое. Совершенно равнодушными оставляла она всѣхъ, кто проходилъ мимо нея.

Ея высочество герцогиня хотѣла развлечь ее: принцесса Марія-Каролина начала брать уроки акварели.

— Ея высочество въ высокой степени мало-кровна, — сказалъ лейбъ-медикъ, — ея высочеству надо дѣлать больше движеній.

Часы ея верховой ѣзды были удвоены. Марія Каролина нашла друга. Это былъ конь.

Когда она во время верховой прогулки въ лѣсу сходила съ лошади, чтобы пройтись пѣшкомъ, случалось ей подолгу стоять около Аякса, обвивъ руками его шею. Она не говорила съ животнымъ, не давала ему никакихъ нѣжныхъ именъ и не ласкала его. Она только стояла и прижимала тихо и неподвижно свою голову къ шеѣ животнаго. И когда она возвращалась въ замокъ, и рейткнехтъ вводилъ Аякса, она стояла, пока лошадь не скроется въ воротахъ, и смотрѣла на нее.

Дядю Оттона-Георга видѣла она теперь гораздо рѣже. Въ послѣдніе годы онъ былъ боленъ. По

большей части онъ сидѣлъ тихо и покачивалъ головой. Онъ никогда не говорилъ и только испускалъ иногда какіе-то странные, нечленораздѣльные звуки, напоминашіе жуткій крикъ совы.

Лѣтомъ только одинъ разъ онъ спустился къ своимъ розамъ. Марія-Каролина шла съ нимъ и поддерживала его. Шатаясь, шелъ онъ между кустами и смѣялся, смѣялся, какъ ребенокъ.

Онъ становился все слабѣе и слабѣе, и былъ тонокъ какъ хворостинка. Марія-Каролина очень плакала, когда онъ умеръ.

Годы проходили,—скончалась и ея высочество герцогиня. Марія-Каролина должна была исполнить большой церемоніаль и не имѣла много времени печалиться. Да и такъ мало знала она свою мать.

II.

Принцесса Марія-Каролина уже много лѣтъ несла представительство при дворѣ.

Каждый годъ были тѣ же самыя торжества: новогодній балъ, который его высочество герцогъ открывалъ полонезомъ съ ея высочествомъ принцессою Марією-Каролиною.

Ея высочеству принцессѣ угодно было приглашать на кадрили тѣхъ же офицеровъ.

Три зимнихъ обѣда, и маленькое интимное

придворное торжество въ день рожденія ея высочества съ фейерверкомъ и ея инициалами М. К. изъ цвѣтовъ страны—зеленаго и желтаго. И шесть маленькихъ субботнихъ вечеровъ въ собственныхъ покояхъ ея высочества, гдѣ дюжина офицеровъ гарнизона съ молодыми дамами изъ придворнаго круга танцовали, а синьоръ Песталоцци училъ ихъ кадрили, которую надо было танцовать въ костюмахъ въ день рожденія его высочества герцога.

Ежегодный базаръ въ общественномъ собраніи, гдѣ ея высочество встрѣчали съ букетомъ у подножія лѣстницы въ ратушѣ, первый членъ комитета велъ ея высочество по залѣ (ея высочество никогда не умѣла соразмѣрить свою походку съ походкою членовъ комитета общественаго собранія), ея высочество занимала мѣсто на украшенной цвѣтами страны трибунѣ, и тогда придворный актеръ господинъ фонъ-Пельницъ, принимавшій благосклонное участіе въ торжествѣ, декламировалъ „Колоколь“.

Господинъ фонъ-Пельницъ былъ единственный въ залѣ, кто былъ не совсѣмъ твердъ въ „Колоколь“. Онъ вкладывалъ въ свое чтеніе много пафоса, и на концѣ cadaго стиха приподнимался на цыпочки. Господинъ фонъ-Пельницъ восполнялъ пробѣлы своей памяти тѣмъ, что выпускалъ какой-то долгій, сплошной звукъ, напоминавшій отдаленный громъ; при этомъ вращалъ въ воз-

духъ своими руками, какъ крыльями вѣтряной мельницы.

Когда господинъ фонъ-Пельницъ кончалъ,—съ каждымъ годомъ дольше приходилось ждать, пока господинъ фонъ-Пельницъ кончитъ съ „Колоколомъ“,—ея высочество говорила:

— Миѣ очень пріятно.

Ея высочество очень охотно сказала бы больше, но она не кончала и, стѣсненная своими руками (ея высочество постоянно, когда начинала говорить, имѣла такой видъ, точно ей хотѣлось спрятать свои руки), она повторяла:

— Миѣ очень пріятно. Какъ всегда, я очень рада.

Фонъ-Пельницъ кланялся и пыхтѣлъ, какъ китъ. Съ каждымъ годомъ фонъ-Пельницу все тяжелѣе становилось декламировать „Колоколь“, и раскаты грома въ его чтеніи слышались все чаще.

Послѣ каждаго базара фонъ-Пельницъ надѣялся сдѣлаться кавалеромъ ордена герцогскаго дома. Фонъ-Пельницъ уже обладалъ медалью за искусство: ея высочество герцогиня милостиво изволила пожаловать медаль господину фонъ-Пельницу въ день двадцатипятилѣтняго юбилея. Фонъ-Пельницъ въ день своего двадцатипятилѣтняго юбилея исполнялъ роль Ромео.

Ея высочество проходила по заламъ и покупала что-нибудь у каждаго столика.

У супруги оберъ-бургомистра она покупала пфе-

феркухень,—супруга оберъ-бургомистра сама ихъ пекла.

— Я съ особеннымъ удовольствіемъ ѣмъ ваши пфеферкухены,—говорила ея высочество.

Каждый годъ ея высочество ѣла пфеферкухены супруги оберъ-бургомистра съ особеннымъ удовольствіемъ. Всѣ хозяйки резиденціи выпросили себѣ рецептъ „пфеферкухень ея высочества“.

Обойдя всѣ столы, ея высочество осматривала выставку. Тамъ былъ звѣринецъ. Молодой преподаватель гимназіи выставилъ ученую свинью. Она говорила хрю-хрю, когда ее щекотали.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина смѣялась такъ, что графиня фонъ-Гартенштейнъ начинала кашлять.

Графиня Теодора-Анна-Амалия фонъ-Гартенштейнъ вообще не понимала, почему ея высочество иногда,—и по самымъ неумѣстнымъ поводамъ, моя милая“, говорила она *mademoiselle Letergier*, которая жила въ дворцовомъ флигелѣ въ качествѣ завѣдующей бѣльемъ, — позволяетъ себѣ такъ хохотать, — „взрывы хохота, моя милая“,—помирать со смѣху.

— Ахъ, вы, конечно, знаете, — говорила графиня фонъ-Гартенштейнъ,—горе въ томъ, что она никогда не обладала граціею. И когда она такъ смѣется...

Графиня фонъ-Гартенштейнъ не умѣла выразить

своего сожалѣнiя. Статсъ-дама, графиня фонъ-Гартенштейнъ, смѣялась всегда скромно, закрывшись своимъ платкомъ.

— Не всякiй имѣеть *l'air du trône*,—говорила *mademoiselle Leterrier*.

Она была, мягко выражаясь, не обрадована тѣмъ, что принуждена была довольствоваться положенiемъ простой экономки.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ бросала въ пространство взглядъ, полный отчаянiя.

— Дорогая моя, о высокихъ особахъ лучше молчать.

Ея высочество осматривала весь базаръ. У выходныхъ дверей оберъ-бургомистръ держалъ рѣчь. Все время, пока онъ говорилъ, верхняя часть его тѣла двигалась такъ, словно онъ собирался рубить дрова. Когда рѣчь кончалась, ея высочество нѣсколько времени стояла и припоминала подходящiя слова. Потомъ она говорила:

— Благодарю васъ. Я очень тронута...

И уходила, когда остальные еще стояли и ждали, что она скажетъ еще что-нибудь.

Не легко было ея высочеству сказать что-нибудь.

Такъ же бывало и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея высочество прибывала къ древку знамя стрѣлковаго общества, или закладывала первый камень.

Проходили дни, одинъ какъ другой. Не было

никакого измѣненія. Все постоянно оставалось по-старому.

Иногда, когда ея высочество, прогуливаясь по террасѣ, вдругъ взглянетъ на безстильный, печальный, зеленый дворець со многими маленькими окнами съ мелкими переплетами, на старыя пушки, поломанныя и заржавленные, разставленные передъ высокою лѣстницею, и на часового,—единственное мужское существо, которое постоянно ходить здѣсь взадъ и впередъ,—ощущала она такую тоску, словно весь этотъ зеленый замокъ на одно мгновеніе легъ на ея грудь. Она видѣла рядомъ съ собою графиню фонъ-Гартенштейнъ, которая шла припрыгивая, манерно, какъ танцовщица. И ея высочество ускоряла походку, раздраженная этимъ вѣчнымъ сопровожденіемъ.

Но графиня фонъ-Гартенштейнъ поспѣшала за ея высочествомъ.

Съ прогулки возвращалась ея высочество къ своимъ водянымъ краскамъ или къ своимъ вышиваніямъ.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ читала вслухъ изъ *Revue des deux mondes*.

По вечерамъ сидѣла ея высочество въ придворномъ театрѣ въ своей ложѣ. Молодые начинающіе артисты или заслуженные благородные отцы отзванивали на сценѣ стихи Шиллера.

Ея высочество слушала ихъ полусонно, какъ

въ телефонъ. Ея высочество обмахивалась вѣтромъ. Трепещущія ноздри выдавали зѣвокъ, который ея высочество пыталась скрыть.

Такъ шло время, и такъ текли дни, день за днемъ. И случилось, что ея высочество съ внезапнымъ удивленіемъ замѣчала, что поля и лужайки вдоль домовъ начинаютъ зеленѣть, и что на кустахъ при дорогѣ набухаютъ почки.

— Въ самомъ дѣлѣ, уже весна? — спрашивала она.

— Черезъ двѣ недѣли будетъ день рожденія его высочества герцога, — говорила графиня фонъ-Гартенштейнъ.

— Да, конечно, — говорила ея высочество, и смотрѣла внизъ на зеленѣющія поля.

III.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина выросла.

Въ различные годы пріѣзжали въ замокъ послы отъ чужихъ дворовъ. Три, четыре принца были сами.

Чужеземный августѣйшій гость велъ Марію-Каролину къ столу. Они сидѣли, оба слегка смущаясь, между скромными превосходительствами того и другого двора, и съ принужденно-любезными лицами говорили о мало-интересныхъ новостяхъ.

Но среди разговора они внезапно останавливались, и только улыбались, и склонялись другъ къ другу, какъ люди, которые охотно рассказали бы кое-что одинъ другому, да нечего было рассказать.

Придворные дамы и кавалеры при наставшемъ молчаніи прерывали свои шепчущіе рассказы, сидѣли, какъ ихъ высочества, улыбаясь, и склоняли другъ къ другу любезно-внимательныя лица, и ничего не говорили, только играли ножами и смотрѣли другъ на друга.

Ея высочество герцогиня удалялась каждый разъ очень порывисто. Юные ихъ высочества еще оставались на тѣхъ же мѣстахъ; они улыбались другъ другу, какъ куклы въ кабинетѣ восковыхъ фигуръ.

— Ротъ, ротъ хоть бы только она открыла.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ такъ нервничала, словно это ей самой надо было готовиться къ вѣнцу.

Послѣ стола пили кофе въ желтой залѣ. Герцогъ шелъ играть въ тарокъ, а придворныя дамы и кавалеры собирались по угламъ.

Графиня Гартенштейнъ вышивала по канвѣ и соображала что-то.

Марія-Каролина становилась очень оживленною. Она говорила непрерывно, и не отходила отъ ихъ превосходительствъ Курта и Квенда.

Это были вопросы о лѣсоводствѣ, которымъ ея высочество интересовалась... Ея высочество не могла понять...

Оба превосходительства стояли подпрыгивая подъ люстрой. Ея высочество не понимала ни слова изъ того, что они говорили, но она продолжала спрашивать, и говорила все громче и махала вѣеромъ. Чужеземный принцъ крутилъ свои усы и разглядывалъ свои сапоги.

— Какъ я уже говорила, уважаемый генераль...

Уважаемый генераль стоялъ какъ на угольяхъ. Онъ былъ послѣдній, — его превосходительство фонъ-Куртъ пользовался случайною паузою и ускользалъ съ тремя поклонами. Его превосходительство фонъ-Квенда рѣшался наконецъ: онъ умолкалъ на полусловъ и пятясь отходилъ.

— Да, совершенно вѣрно, — говорилъ онъ, — ваше высочество совершенно правы.

Вокругъ ея высочества образовывалось большое пустое пространство.

Она садилась къ столу и рассматривала какія-то фотографіи.

Въ слѣдующее утро устраивалась прогулка. Августѣйшія особы завтракали въ замкѣ и затѣмъ шли гулять въ лѣсъ.

Свита отставала. Оба юные высочества оставались вдвоемъ.

Марія - Каролина судорожно теребила ручку

своего зонтика и говорила прерывистымъ голосомъ какія-то слова; чужестранный принцъ выписывалъ концомъ своей палки завитыя линіи на мягкой землѣ. Наконецъ они замолкали оба и шли, нѣсколько отдалившись другъ отъ друга. Чужеземный принцъ посматривалъ съ боку на принцессу Марію-Каролину. Въ профиль ея лицо невыигрывало.

Внезапно замѣчали они у поворота аллеи графиню Гартенштейнъ. Его высочество поспѣшно наклонялся надъ пнемъ и копалъ вокругъ него своею палкою.

— Представьте, это муравьи, муравьи на пнѣ.

— Да.

Ея высочество тоже думала, что въ этомъ пнѣ находится муравейникъ.

— Какъ удивительно у животныхъ...

Они оба останавливались и смотрѣли на пень. Ея высочество начинала смѣяться. Ей невольно вспомнились анекдоты m-lle Leterrier о муравейникѣ въ Sanssouci.

Она рассказывала эти анекдоты. Чужеземный принцъ смѣялся и начиналъ рассказывать про своего гувернера. Теперь онъ былъ профессоромъ древне-персидскаго языка.

Они оба смѣялись надъ словомъ „древне-персидскій“.

— И у него былъ кривой ротъ, — говорилъ его высочество.

Юные высочества продолжали смѣяться, подходя къ графинѣ фонъ-Гартенштейнъ.

— Какъ двое дѣтей, моя милая, — говорила графиня фонъ-Гартенштейнъ *m-lle Leterrier*. — Они были счастливы, какъ дѣти, когда я ихъ застала.

На слѣдующій день чужеземный принцъ уѣзжалъ.

Если ея высочество бывала разочарована, то она никогда и никому не докучала своимъ разочарованіемъ. Опять его высочество герцогъ велъ ее подъ руку къ ежедневному столу въ маленькомъ залѣ; и послѣ обѣда она вышивала, — подъ чтеніе графини фонъ-Гартенштейнъ, — бисеромъ экранъ для базара въ общественномъ собраніи.

Ея высочество сидѣла нагнувшись и нанизывала серебряный бисеръ на тонкую иглу. Свѣтъ падалъ на красные сгибы ея рукъ и на ея лицо; скулы ея высочества рѣзко выдавались, освѣщенные лампою. Ея высочество начинала худѣть.

Однажды вечеромъ, когда наслѣдный принцъ пріѣхалъ на время домой, онъ, долго глядя со своего мѣста на нее, такую тощую и лишенную прелести, сказалъ:

— Марія-Каролина, что же ты думаешь такъ все здѣсь сидѣть и нанизывать бисеръ.

Онъ сказалъ это совершенно внезапно. Его слова поразили Марію-Каролину.

— Придется намъ отправить тебя прямо въ Эйзенштейнъ, — сказалъ наслѣдный принцъ, и повернулся на каблукъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина склонилась еще ниже надъ столомъ. Скоро послѣ этого она тихо собрала свой бисеръ и медленно завернула вышиванье въ бумагу.

Ея высочество рано ушла; у нея немного болѣла голова, она казалась блѣдною.

Она подошла со своимъ пакетомъ въ рукъ къ герцогскому столу для тарока. Герцогъ игралъ съ наслѣднымъ принцемъ.

Между двумя взятками герцогъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Покойной ночи, сестрица, — сказалъ наслѣдный принцъ.

— Покойной ночи.

Наслѣдный принцъ взглянулъ на свою сестру. Она казалась блѣдною.

— Тебѣ нехорошо, Мися? — спросилъ онъ, — это было ласкательное имя изъ дѣтскихъ дней, — и онъ нѣжно погладилъ ее по щекъ. — Поправляйся, дѣточка.

Ея высочество была очень взволнована. Падали слезы на пакетъ съ вышиваньемъ для общественнаго собранія, когда она поспѣшно проходила по заламъ.

На слѣдующее утро у ея высочества были

красные глаза, когда она со своимъ братомъ, наслѣднымъ принцемъ, выѣхала кататься верхомъ. Они были, по старому, добрыми друзьями. Онъ дразнилъ ее, и она была застѣнчива и подчасъ рѣзка. Но иногда, когда онъ за столомъ цѣловалъ ее въ щеку со словами „на доброе здоровье, Мися!“—ея высочество внезапно прижималась труппа къ плечу своего брата, и наслѣдный принцъ смотрѣлъ за нею, когда она проходила черезъ комнату, тихо наливала кофе въ чашку и несла его высочеству герцогу.

— Ну, — наслѣдный принцъ вытянулъ передъ собою красивыя ноги, обтянутыя гусарскими рейтузами, — видитъ Богъ, это прямо таки неинтересно.

Онъ продолжалъ смотрѣть на сестру, которая, стоя рядомъ съ графинею фонъ-Гартенштейнъ, разливала кофе.

— Ну-у, видитъ Богъ, это нельзя, откровенно говоря, назвать интереснымъ.

Его высочество никогда не оставался дольше трехъ дней подрядъ въ резиденціи. Его полкъ стоялъ въ Потсдамѣ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина опять одна дѣлала свои прогулки верхомъ. Она пускала своего новаго Аякса медленно итти по лѣсной дорогѣ. Старый Аяксъ уже отслужилъ; ноги у него ослабѣли, и онъ начиналъ слѣпнуть. По-

этому наследный принцъ его застрѣлилъ, и Марія-Каролина велѣла зарыть старое животное на краю лѣсной прогалины подъ дубомъ. Это было ея любимое мѣсто въ лѣсу. Впрочемъ, она знала каждый уголокъ и каждую дорогу въ этомъ лѣсу. Здѣсь провела она счастливѣйшіе часы своей жизни.

Дѣти лѣсничаго играли у забора. Ея высочество останавливала Аякса и прислушивалась къ ихъ играмъ.

Ея высочество очень любила дѣтей. Она сходила съ лошади и садилась на краю рва среди малышей, и они обступали ее, и радовались, и смѣялись, и надѣвали ея высокую шляпу, которая лѣзла имъ на уши. Марія-Каролинѣ было пріятно говорить съ дѣтьми. Она и со всѣми такъ охотно говорила бы,—но она никогда не знала, о чемъ же надо говорить со всѣми этими чужими людьми.

Они говорили скорѣе всего о вещахъ, которыхъ она не знала и не могла знать.

Она никогда не понимала ихъ совершенно, и стояла передъ ними такая чуждая, и только улыбалась, робкая, смущенная.

Но съ дѣтьми было нѣчто иное. Съ ними болтала она и смѣялась. Цѣлые полчаса сидѣла она у забора въ толпѣ малышей,—они лѣзли на ея грудь, садились на ея колѣни, лѣпили репейникъ на ея амазонку, и самую маленькую она

поднимала на плечо и так несла её до лѣсной дороги. Рейткнехтъ почтительно и неподвижно, какъ часовой, держалъ лошадь ея высочества, стоя между деревьями.

Когда Марія - Каролина возвращалась домой, останавливалась она у лѣсной мельницы, и мельникова дочь, Анна - Лиза, выносила ей стаканъ молока.

Старая мельничиха съ круглымъ, краснымъ лицомъ выходила изъ дверей и дѣлала реверансъ, и ея высочество пила молоко.

— Ну, что?—спрашивала ея высочество.

— Ахъ,—и мельничиха снова присѣдала,—приходится подождать.

— Вы знаете, о приданомъ я позабочусь,—говорила ея высочество,—очень благодарю за молоко.

Анна-Лиза получала стаканъ обратно и присѣдала.

— На доброе здоровье, ваше высочество.

— Да благословить васъ Богъ,—говорила старуха, и опять присѣдала.

— Благодарю. Adieu.

Ея высочество уѣзжала. Въ лѣсу слышно было, какъ хлопаетъ по воздуху мельничное колесо. Вдали на деревьяхъ пѣли птицы. Ея высочество останавливала Аякса и прислушивалась: дятель прилежно долбилъ дерево гдѣ-то недалеко.

Въ концѣ дороги виднѣлись ворота дворцоваго замка съ ихъ двумя поломанными вазами.

Ея высочество ѣхала шагомъ.

Наслѣдный принцъ долженъ былъ совершить путешествіе на Востокъ. Его высочество герцогъ продалъ своихъ лошадей, чтобы не тратить лишняго. Марія-Каролина ходила въ перешитыхъ платьяхъ. Это были парадныя платья ея тетки изъ Вѣны.

IV.

Въ первый разъ осенью дворъ выѣзжалъ въ городъ, чтобы посѣтить театръ.

Ея высочество разсматривала въ лорнетъ знакомыя лица. Ей было удобно на ея старомъ мѣстѣ въ ложѣ; такъ спокойно сидѣла она, на половину закрытая бархатной занавѣской. Всѣ абоненты сидѣли на своихъ старыхъ мѣстахъ въ балконѣ; теперь уже можно было смотрѣть спектакль при свѣтѣ новой люстры, которую повѣсили лѣтомъ.

Ея высочество не слышала ни слова изъ Донъ-Карлоса. Когда она одинъ разъ бросила бѣглый взглядъ на подмостки, увидѣла она тамъ фонъ-Пельница, стоящаго на цыпочкахъ, съ рукою,

прижатою къ груди... Фонъ-Пельницъ былъ маркизь Поза... За время каникулъ фонъ-Пельницъ еще нѣсколько отяжелѣлъ...

Наверху въ ложѣ придворныхъ дамъ дремала дѣвица фонъ-Гартенштейнъ, сидя на своемъ стулѣ неподвижно, какъ оловянный солдатикъ...

Ея высочество, держа лорнетъ передъ глазами, смотрѣла на подмости, или полураскрывала вѣеръ на своихъ колѣняхъ,—и не видѣла и не слышала ничего. Она не знала, о чемъ она думала; она чувствовала только, что уютно ей сидѣть здѣсь въ ея уголкѣ въ то время, когда другіе тамъ внизу играютъ. Когда аплодировали, она протягивала руки надъ барьеромъ ложи и машинально нѣсколько разъ слабо хлопала своими затянутыми въ перчатки ладонями. Едва сознавала, что она это дѣлаетъ.

Былъ выходъ фонъ-Пельница. Онъ потѣлъ какъ носильщикъ. Фонъ-Пельницъ потѣлъ всегда, когда игралъ героическія роли.

Въ фойэ фонъ-Пельницъ смотрѣлся въ зеркало. Фонъ-Пельницъ охотно смотрѣлся въ зеркало, когда онъ былъ въ трико. Онъ сталъ въ позицію такъ, чтобы видны были изогнутыя линіи обѣихъ его ногъ, и съ тонкою придворною улыбкою смотрѣлъ въ зеркало.

Съ такою улыбкою смотрѣлъ на леди Мальбору Болингброкъ въ истолкованіи фонъ-Пельница.

Фонъ-Пельницъ былъ погруженъ въ созерцаніе своихъ ногъ.

Принцесса Эболи приближалась къ зеркалу. Фонъ-Пельницъ вздрогнулъ.

— Милый другъ!—можно было подумать каждый разъ, когда фонъ-Пельницъ произноситъ это обращеніе, что онъ по меньшей мѣрѣ звѣзды перечелъ и собирается подѣлиться результатомъ,— вы видѣли, что ея высочество принимала участіе въ аплодисментахъ?

Режиссеръ позвалъ маркиза Позу.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина неподвижно сидѣла въ своемъ углу. Его высочество герцогъ занималъ мѣсто за нею. Онъ непрерывно проводилъ пятью растопыренными пальцами по длинной бородѣ до тѣхъ поръ, пока не задремлетъ сладко. При звукѣ падающаго занавѣса онъ каждый разъ проснется. Тогда сядетъ онъ на свѣтъ передъ барьеромъ ложи и склонится къ принцессѣ. Когда онъ сидѣлъ въ ложѣ впереди, у него была привычка шевелить губами, словно онъ разговаривалъ съ кѣмъ-то. Но онъ никогда не произносилъ ни одного слова.

Ея высочество заглянула въ ложу придворныхъ дамъ. Дѣвица фонъ-Гартенштейнъ проснулась среди акта. Она сидѣла съ широко раскрытыми глазами, уставясь на сцену. Графиня фонъ-Гартенштейнъ имѣла видъ испуганной курицы.

Въ тотъ же мигъ принцесса была поражена страннымъ звукомъ одного голоса,—онъ звучаль грубо, почти звѣрскимъ звукомъ доносился онъ къ ней. Ея высочество невольно вздрогнула. Это былъ донъ-Карлосъ, который говорилъ съ королевою.

Онъ былъ безобразенъ и худъ, съ невыразительнымъ лицомъ,—и только большіе, пылающіе глаза. Какъ всплеснулъ онъ руками!

Sie waren mein—im Angesicht der Welt
Mir zugesprochen von zwei grossen Thronen,
Mir zugekannt von Himmel und Natur,
Und Philipp, Philipp hat mir sie geraubt.

Ея высочество нагнулась къ афишѣ и прочла: Донъ-Карлосъ—Іосифъ Каймъ. И, противъ своей воли, она, слегка опираясь на барьеръ ложи, стала, безъ бинокля, слѣдить за каждымъ измѣненіемъ его лица. Она едва слышала слова,—она прислушивалась только къ звуку его голоса. Съ любопытствомъ и почти съ испугомъ, какъ будто нагнувшись надъ какой-то дивною тварью, которая переползаетъ ея дорогу, смотрѣла она внизъ, какъ прикованная.

Онъ говорилъ и раздвигаль губы такъ, что видны были всѣ его зубы, и нагибался съ сжатыми кулаками, словно разрывая съ бѣшенствомъ невидимыя, оковавшія его, цѣпи.

— Кретинъ,—сказаль его высочество герцогъ.
Онъ также проснулся.

Во время антракта въ герцогскую ложу былъ приглашенъ его превосходительсто фонъ-Куртъ.

Марія-Каролина поклонилась и протянула ему руку.

— Особа съ темпераментомъ, нашъ новый актеръ,—сказаль фонъ-Куртъ и поклонился.

Онъ хотѣлъ угодить этими словами ея высочеству.

— Да,—сказала она и посмотрѣла опять на сцену,—какъ онъ тамъ стояль передъ королевою!.. Да.

— Нашъ придворный театръ—не звѣринецъ,—сказаль его высочество.

Его превосходительство фонъ-Куртъ стояль смущенный.

— Да,—сказаль онъ,—ваше высочество правы, молодой человекъ нѣсколько горячъ.

Занавѣсъ опустили и опять подняли. Пьеса была кончена.

— Пойдемъ же домой,—сказаль его высочество.

— Да.

Марія-Каролина положила свою руку на его руку. Они спускались по лѣстницѣ.

Его превосходительство фонъ-Куртъ и директоръ театра стояли въ вестибюлѣ. Директоръ съ

жалостной миною вздергивалъ правое плечо вверхъ, точно боялся получить ударъ по лицу.

— Да, да,—сказалъ его высочество,—какъ сказалъ фонъ-Куртъ, особа съ темпераментомъ.

Ея высочество неопредѣленно улыбалась. Они сошли съ лѣстницы и стояли передъ театромъ. Только что прошелъ дождь, и еще падали отдѣльныя большія капли на камни.

Свѣжая прохлада вѣяла навстрѣчу имъ отъ деревьевъ парка.

— Ахъ, былъ дождь,—сказала Марія-Каролина.

Ей было пріятно быть подъ открытымъ небомъ.

— Откройте ландо,—сказала она,—дождя нѣтъ больше.

Герцогъ уѣхалъ со своими кавалерами. Марія-Каролина стояла на лѣстницѣ, пока раскрывали ландо. Она протянула руку—подхватить дождевую каплю.

— Конечно, еще дождь идетъ,—сказала графиня фонъ-Гартенштейнъ. —Насъ опять вымочитьъ.

На дѣвицѣ фонъ-Гартенштейнъ была шляпа съ настоящими перьями.

— Ахъ, каплетъ только съ деревьевъ...

Онѣ сѣли и покатили быстрою рысью черезъ аллею на земскую дорогу черезъ долину. Непогода проходила. Темныя облака проносились надъ

холмами, какъ черныя тряпки. Небо было темно-синее, усѣянное звѣздами.

Дорога вилась вдоль рѣки. Легкій туманъ подымался надъ ея теченіемъ.

Онѣ смотрѣли на темную воду между качающимися ивами.

— Поѣзжайте тише,—сказала Марія-Каролина.

Онѣ поѣхали совсѣмъ тихо. Лошади погромыхивали своею сбруею, въ нетерпѣливомъ желаніи скорѣе добраться до дому. Потомъ пошли онѣ совершенно спокойно шагомъ.

Травы и деревья благоухали какъ по веснѣ. Было такъ тихо, что слышно было паденіе въ рѣку капель, соскальзывающихъ съ листьевъ ивы.

— Какъ прекрасна ночь!

Ея высочество глубоко вздохнула. Она сидѣла, прислонивъ голову къ спинкѣ своего сидѣнья, и смотрѣла въ ночную тьму.

Одинъ стихъ всталъ въ ея памяти, и еще одинъ, и еще одинъ. Она не знала, откуда это ей, но она знала ихъ внезапно наизусть,—всѣ эти возвышенныя слова.

— Какъ прекрасна ночь!—сказала она опять.

Онѣ оставили рѣку за собою и вѣхали на хоямы. Здѣсь и тамъ на горизонтѣ виднѣлись далекіе свѣты. Ели и березы благоухали на склонахъ. Въ лѣсу около сторожки вскочила собака, и лаяла громко.

Ея высочество сидѣла передъ своимъ туалетнымъ зеркаломъ. Камеръ-юнгфера заплетала ея волосы.

Окна за длинными шторами были открыты. Какія-то насѣкомыя летѣли на свѣчку.

Они летали туда и сюда, попадали въ огонь и сжигали свои крылья; туда, сюда,—ея высочество отмахивала ихъ.

— Ахъ, эти созданыица,—говорила она.

Ей пришло въ голову—на кого бы могъ быть похожъ этотъ человѣкъ.

— Да!

На картинѣ въ комнатѣ герцога, на которой изображена была Марія-Антуанетта, отправляемая въ тюрьму, стоялъ молодой человѣкъ со сжатыми кулаками, съ наклоненною слегка головою... совсѣмъ впереди, направо...

Вотъ на этого юношу онъ былъ похожъ.

Насѣкомыя толкались вокругъ свѣчки и падали мертвыми.

— Ахъ, закройте же окно,—сказала Марія-Каролина,—такъ много летитъ сюда этихъ мошекъ.

Дворъ жилъ въ резиденциі уже цѣлый мѣсяць. Дни шли по обычной колѣѣ. Ея высочество писала акварелью; въ извѣстные дни дѣлала приемы;

въ обычные часы прогуливалась на террасѣ съ дѣвицей фонъ-Гартенштейнъ.

Ея высочество встрѣчала иногда придворнаго актера Кайма, — нельзя было отрицать, онъ былъ безобразенъ. Незначительное лицо лимонно желтаго оттѣнка. И онъ такъ неловко кланялся, снимая свою высокую шляпу.

Это было въ серединѣ ноября, утромъ, когда полный свѣтъ падалъ на пестрорасцвѣченные листья въ паркѣ; деревья были уже голы, и опавшіе листья лежали какъ коверъ на дорогѣ и на дернѣ. Ея высочество съ нѣсколькими дамами пила кофе наверху въ садовомъ домѣ. Онѣ собирались уходить, когда Юсифъ Каймъ взошелъ на веранду.

Ея высочество съ нѣсколькими дамами спускалась по лѣстницѣ. Каймъ поклонился.

Ея высочество остановилась на нижней ступенькѣ.

— Господинъ Каймъ, — сказала она, — здѣсь вверху на площадкѣ очень хорошій видъ. Не хотите ли взглянуть? Сегодня здѣсь на верху открыто.

Каймъ стоялъ, какъ вкопанный, держа шляпу въ рукѣ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, ваше высочество.

— Штейндль, — ея высочество обернулась къ

лакею,—проведите господина придворнаго актера Кайма на площадку. Видъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ.

— Да, мнѣ говорили объ этомъ, ваше высочество.

Ея высочество поклонилась и пошла съ дамами дальше.

Тайная совѣтница продолжала говорить о королевѣ румынской.

— Государыня, которая пишетъ стихи, — говорила она.

— И печатаетъ любовныя исторіи...

— Horrible, — сказала m-lle Leterrier.

— Да, — это было сказано тѣмъ звукомъ, короткимъ и рѣзкимъ, какъ говорятъ люди, которые постоянно чувствуютъ себя больными.

Ея высочество остановилась. Она глядѣла одно мгновеніе на освѣщенный солнцемъ садъ.

— Да, — сказала она, — королева Елисавета пишетъ прекрасныя стихи.

Всѣ дамы разомъ замолкли, словно воды въ ротъ набрали.

M-lle Leterrier быстро нашлась:

— Mais oui, — сказала она, — votre Altesse, des vers étonnants...

И тѣмъ же тономъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ, когда она привязывала свой урокъ къ тому или другому исходному пункту, она сказала ея высочеству:

— Oui, voilà une madame de Staël sur le trône.

Остальныя дамы молчали, не мѣшая госпожѣ Сталь сидѣть на ея тронѣ. Онѣ возвращались въ замокъ.

Послѣ завтрака ея высочество отправлялась съ графиней Гартенштейнъ въ итальянскій замокъ. Послѣ обѣда, наливъ его высочеству герцогу кофе, — его высочество герцогъ сталъ въ эту зиму очень жаловаться на ревматизмъ; столъ для игры его высочества ставился совсѣмъ близко къ огню, — отправлялась она въ театръ или сидѣла дома въ своемъ углу въ желтой залѣ.

Ея высочество въ эту зиму не желала, чтобы ей читали вслухъ. Она читала сочиненія Шиллера про себя.

Она сидѣла согнувшись, съ книгою на колѣняхъ. Кончитъ, — и сидитъ, опершись головою на руку, глядя прямо передъ собою.

Въ залѣ слышались только звуки падающихъ картъ, когда ихъ сдавали, да кашель гофмаршала, который онъ старался скрыть принужденнымъ смѣхомъ.

Ея высочество опускала руки и смотрѣла въ залъ. Она видѣла согнутую спину герцога и профиль гофмаршала, онъ покачивалъ головой.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ сидѣла въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ нея. Черный парикъ

рѣзко выдѣлялся отъ лба, на которомъ морщины были засыпаны *poudre de riz*.

И ея высочество опять склонялась надъ книгой и принималась читать.

— Марія-Каролина, — звалъ его высочество.

Марія-Каролина поднималась и захлопывала книгу.

— Мы кончили, — говорилъ его высочество.

Марія-Каролина тихо подходила и садилась за столъ.

Передъ отходомъ въ свои покои августѣйшія особы играли одну партію въ пикетъ.

Комитетъ общественнаго собранія вознамѣрился просить господина придворнаго актера Кайма, чтобы онъ оказалъ любезное содѣйствіе устроителямъ праздника своею декламаціею. Оберъ-бургомистръ сообщилъ эту идею въ собраніи комитета однажды вечеромъ, послѣ того, какъ онъ былъ у стола августѣйшихъ особъ. Въ собраніи дамскаго комитета въ замкѣ просили разрѣшенія у ея высочества, августѣйшей покровительницы, обратиться къ господину Кайму съ просьбою оказать содѣйствіе успѣху базара, — „это внесло бы, можетъ быть, нѣкоторое разнообразіе“.

Ея высочество находила, что, конечно, господинъ Каймъ соберетъ много публики.

Придворный актер Каймъ очень любезно принялъ это приглашеніе.

Придворный актер фонъ-Пельницъ долженъ былъ сознаться, что онъ не понимаетъ комитета.

Фонъ-Пельницъ въ этотъ день долго пробылъ на улицѣ. Стоило только показать носъ на улицу, чтобы непременно увидѣть фонъ-Пельница.

— Милый другъ, — говорилъ онъ, — можете ли вы это понять? Уже двадцать лѣтъ, — милый другъ! — уже двадцать лѣтъ оказывалъ я имъ эту любезность.

— Да, любезный господинъ фонъ-Пельницъ... но мнѣ, къ сожалѣнію, надо итти въ ту сторону.

— Уже двадцать лѣтъ, — господинъ фонъ-Пельницъ хватался за лобъ и стоялъ одинъ мигъ съ растопыренными пальцами и неподвижно устремленными впередъ глазами, — милый другъ... ну, вы туда хотите итти? Пойдемте вмѣстѣ.

Фонъ-Пельницъ слонялся по улицамъ туда и сюда.

— Должно же быть для этого какое-нибудь основаніе, — говорилъ онъ. — Они должны со мною объясниться, — они должны сказать мнѣ, на какомъ это основаніи.

Вечеромъ, когда закрывали ресторанъ „Герцогъ“, фонъ-Пельницъ схватилъ подъ руку какого-то господина. Не скоро отпустилъ его.

— Милый другъ! — фонъ-Пельницъ стоялъ и

смотрѣлъ ему въ лицо, — дѣло въ томъ, что объ этомъ нельзя молчать, — на все существуютъ извѣстныя правила, — надо же это знать.

Фонъ-Пельницъ пришелъ домой въ два, не то въ три часа ночи.

Вернувшись домой, фонъ-Пельницъ тихо сидѣлъ на своемъ стулѣ, положивъ руки на бедра. Иногда медленно поднималъ онъ руку и клалъ ладонь на свой *tourpet*.

— Такъ-то, Марианна, — говорилъ фонъ-Пельницъ, — понимай это, какъ хочешь.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина никогда еще не имѣла такого хорошаго вида. Ея высочество была въ нарядномъ, блестяще-сѣромъ платьѣ; оно сидѣло на ней превосходно; ея высочество можно было назвать почти красивою, когда она вошла на базаръ подъ руку съ оберъ-бургомистромъ.

Ея высочество поднялась по лѣстницѣ на трибуну и сѣла. Пѣвцы начали пѣть.

Г. фонъ-Пельницъ вызвался стоять у лоттереитомболы.

— Милый Пельницъ, — говорила ему госпожа фонъ-Пельницъ, — если ты хочешь послѣдовать моему совѣту...

Фонъ-Пельницъ постоянно слѣдовалъ совѣтамъ

своей жены; фонъ-Пельницъ съ улыбкой bon vivant'a стоялъ у томболы.

— Какъ это приятно—послушать разокъ когонибудь другого, — говорилъ всѣмъ фонъ-Пельницъ.

Въ шумномъ безпокойствѣ онъ метался и подпрыгивалъ.

— Милый другъ, — говорилъ онъ, — бываешь иногда свободень...

Фонъ-Пельницъ былъ счастливъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина обощлась не очень милостиво съ букетомъ отъ общественнаго собранія; во время пѣнія падалъ листокъ за листкомъ около ея стула.

Фонъ-Пельницъ стоялъ у своей томболы, скрестивъ руки. Придворный актеръ Юсифъ Каймъ, во фракъ и бѣломъ галстукѣ, вышелъ къ рампѣ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина поклонилась, нагнувшись надъ букетомъ отъ общественнаго собранія.

Г. Юсифъ Каймъ декламировалъ „Проклятіе пѣвца“. Съ иглочки новенькій фракъ висѣлъ на его плечахъ. Отъ его усилій крахмальная сорочка лѣзла вверхъ и нѣсколько вышла изъ жилета. Г. Каймъ обдергивалъ ее послѣ каждого стиха. Г. Каймъ декламировалъ не лучше и не хуже всякаго другого.

Госпожа фонъ-Пельницъ усѣлась въ укромное

мѣстечко. У нея на носу было пенсне, и она неотступно смотрѣла на принцессу. Ея высочество сидѣла, склонивъ голову. Она смотрѣла на ноги г. Кайма,—непомѣрно большія ноги въ лаковыхъ ботинкахъ съ высокими каблуками. Такія большія ноги!

Ея высочество была очень взволнована; бѣдный букетъ отъ общественнаго собранія!

Госпожа фонъ-Пельницъ была увѣрена, что скоро вся лента будетъ измята.

Онъ стоялъ совершенно такъ же, какъ и г. фонъ-Пельницъ. Правая рука прижата къ груди—толстая, затиснутая въ бѣлую перчатку рука, — и шею вытянулъ впередъ, — и какой онъ былъ весь горячій!

Ея высочество не могла отвести глазъ отъ его большихъ ногъ. Онъ кончилъ и поклонился. Въ залѣ оживленно апплодировали, и фонъ-Пельницъ поднялъ руки почти вровень съ головою и горячо хлопалъ.

Ея высочество, августѣйшая покровительница, быстро поднялась. Пѣвцы только что затанули было свой заключительный нумеръ, но вдругъ оборвали, и голоса затихли на взвизгнувшихъ ноткахъ. Дирижеръ, который стоялъ обернувшись спиною къ залѣ, остался стоять съ протянутою рукою.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина уже спустилась съ трибуны.

Дамы полетѣли къ своимъ лавочкамъ и свернули платки, которые были ими растянуты надъ вещами... Дѣвица фонъ-Гартенштейнъ едва могла догнать ея высочество.

Ея высочество, улыбаясь, поспѣшно шла вдоль ряда лавочекъ. Въ лавочкѣ № 2 стояла сіяя супруга оберъ-бургомистра у вороха своихъ „пфеферкухеновъ принцессы“.

Ея высочество едва улыбнулась ей и прошла мимо. Супруга оберъ-бургомистра сдѣлала книксенъ за пфеферкухенами и застыла въ своемъ поклонѣ; ея высочество дѣлала покупки въ баракѣ супруги придворнаго зубного врача.

Ея высочество никогда еще не бывала такою оживленною. Она останавливалась подолгу у каждой лавочки и обошла весь залъ.

Когда ея высочество уходила, г. фонъ-Пельницъ возгласилъ раньше оберъ-бургомистра „hoch“ въ честь ея высочества.

Г. фонъ-Пельницъ былъ въ экстазѣ.

— Милый другъ, — г. фонъ-Пельницъ обнялъ г. Кайма, — одинъ органъ, одна и рѣчь. Я долженъ включить въ мой репертуаръ „Проклятiе пѣвца“.

Вечеромъ супруга оберъ-бургомистра продала подъ рукой пфеферкухены въ буфетъ.

Господинъ и госпожа фонъ-Пельницъ шли домой. Г. фонъ-Пельницъ откашливался; госпожа фонъ-Пельницъ не обращала на это вниманія. Наконецъ г. фонъ-Пельницъ сказалъ, почесывая себѣ подбородокъ,—г. фонъ-Пельницъ въ дружескихъ разговорахъ почесывалъ себѣ подбородокъ и испускалъ при этомъ хрюкающей звукъ:

— Гм... мама Пельницъ, — „мама Пельницъ“ было именемъ ласкательнымъ, — ну, что ты скажешь на это?

— На что, Давидъ?

— На что?—переспросилъ г. фонъ-Пельницъ.— Какъ будто есть о чемъ еще спрашивать: на что!

— Ты думаешь о молодомъ человѣкѣ? Конечно, онъ былъ очень милъ.

— Милая Мари... — г. фонъ-Пельницъ не продолжалъ.

— Если принять во вниманіе, что молодой человѣкъ не имѣлъ еще совсѣмъ никакой опытности,—сказала благосклонно госпожа фонъ-Пельницъ.

Г. фонъ-Пельницъ не отвѣчалъ ничего. Было очень жарко.

— Пельницъ, тебѣ слѣдовало бы поближе сойтись съ господиномъ Каймомъ.

— Сойтись? Дитя мое!

Г. фонъ-Пельницъ остановился.

— Да, онъ дѣйствительно производитъ пріят-

ное впечатлѣніе, такъ учтивъ и еще немного стѣсняется.

Они пришли домой.

Г. фонъ-Пельницъ долго сидѣлъ на своемъ стулѣ, положивъ руки на бедра.

Потомъ, въ постели, онъ долго не могъ заснуть. Онъ вздыхалъ, и кашлялъ, и косился на свою жену. Та притворялась спящею.

Г. фонъ-Пельницъ вертѣлся, поворачивался, билъ себя по головѣ такъ, что его ночной колпакъ леталъ справа налѣво,—г. фонъ-Пельницъ всегда спалъ въ ночномъ колпакѣ.

На утро г. фонъ-Пельницъ принималъ англійскую соль. Его желудокъ не переносилъ никакихъ сильныхъ душевныхъ движеній.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина, прибывъ домой, переодѣлась и сошла въ желтый залъ.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ читала вслухъ изъ „Revue des deux mondes“. Это была статья объ европейскомъ вліяніи на Китай.

Когда ея высочество изволила удалиться почивать, и камеръ-юнгфера начала убирать ея волосы, ея высочество безпрестанно принималась бранить ее за то, что она дергаетъ ея волосы.

— Господи Боже мой! — ея высочество была очень чувствительна, — вы дѣлаете мнѣ больно.

— Но, ваше высочество...

— Вотъ опять!

— Ваше высочество...

— Ахъ, оставьте, я лучше сама это сдѣлаю.

Ея высочество причесала себѣ волосы и начала ихъ заплетать. И черезъ двѣ минуты бросила. Камеръ-юнгфера не могла понять ея высочества. Тихо плела она волосы и свернула ихъ осторожно наверху.

Ревматизмъ его высочества очень ухудшился. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ея высочество принцесса Марія-Каролина не посѣщала театра.

Г. фонъ-Пельницъ былъ очень дѣятеленъ; онъ стоялъ за товарищеское общеніе сочленовъ придворнаго театра.

— Милый другъ, — говорилъ г. фонъ-Пельницъ, — мы такъ рѣдко видимся.

— Любезнѣйшій другъ, мы же товарищи и, однако, такъ чуждаемся другъ друга.

— Милый другъ, мы должны бывать другъ у друга.

Въ ближайшую субботу былъ товарищескій обѣдъ у г. фонъ-Пельница. Придворный актеръ г. Каймъ велъ къ столу г-жу Пельницъ.

Пришла весна съ томящимъ зноемъ, и солнце вызывало жизнь изъ глубинъ въ высоту. Ея высочество была нервна. Весеннее томленіе охватило ея высочество.

— У ея высочества причуды,—говорила фонъ-Гартенштейнъ,—неисчислимыя, моя милая.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ свои послѣобѣденныя часы проводила по большей части у *mademoiselle Leterrier*. Ея высочество въ послѣднее время часто удалялась послѣ обѣда къ себѣ. Она желала отдохнуть.

Ея высочество замыкала дверь, такъ что камеръ-юнгферъ приходилось стучаться, когда приходило время опять одѣваться къ столу.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ уходила посидѣть къ *mademoiselle Leterrier*.

— Милая моя,—говорила она,—это нервы. Но каково это терпѣть, моя милая! Конечно, объ этомъ не говоришь, но у ея высочества такія причуды! Вчера домой изъ театра мы пѣшкомъ пришли!

— Пришли?

— Да, милая моя, мы пришли; ея высочество отослала экипажъ. Ну, иногда все удовольствіе прочь отъ этой прыти.

Да, графиня фонъ-Гартенштейнъ не говорила

о томъ, что она терпитъ. Но у нея былъ вѣрный способъ молчать о своихъ мученіяхъ.

— Милая моя, мнѣ, конечно, приходится подчиняться,—говорила она съ такимъ видомъ, какъ будто, по меньшей мѣрѣ, иногда бывала побита.

Mademoiselle Leterrier сочувственно качала головой.

— Mais oui,—говорила она,—c'est l'âge orageux.

— Да,—говорила графиня фонъ-Гартенштейнъ.

Она не понимала, что mademoiselle хочетъ этимъ сказать; графиня фонъ-Гартенштейнъ никогда не была научена умѣнью узнавать признаки этого „l'âge orageux“.

— Mais oui,—c'est ça,—повторяла mademoiselle.

Она знала это. Mademoiselle Leterrier имѣла одного „neveu“, долговязаго, напوماженнаго юношу, который посѣщалъ ее дважды въ годъ и очень исправно грабилъ ея сберегательную книжку.

— C'est ça,—говорила m-lle Leterrier.

Звонили. Это была госпожа фонъ-Пельницъ. Госпожа фонъ-Пельницъ зимою брала уроки французскаго языка у mademoiselle Leterrier. Всѣ трое разговаривали о погодѣ; она такая непостоянная и такъ плохо отзывается на ревматизмъ его высочества герцога.

Ревматизмъ очень мучилъ его высочество герцога. Въ послѣдніе два мѣсяца онъ ни разу не чувствовалъ себя настолько хорошо, чтобы могъ отправиться въ театръ.

Ея высочество принцесса Марія Каролина садилась въ темнотѣ на свое мѣсто. Свѣтъ отъ рампы раздражалъ ее. Ея высочество предпочитала сидѣть нѣсколько спрятавшись; ея высочество дѣйствительно была теперь очень застѣнчива въ театрѣ.

— Неужели онъ все будетъ изображать мятежниковъ?—спрашивалъ его превосходительство фонъ-Куртъ. — Это сумасшествіе, которое дѣйствуетъ заразительно.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ находила, что великій Девриенъ долженъ перевернуться въ своемъ гробу.

Ея высочество сидѣла застѣнчиво притаясь.

Иосифъ Каймъ на сценѣ увлекалъ молодежь.

Это было не только великое мастерство,—пылкая юность воспламеняла творенія искусства всѣми страстями. Ненависть становилась звѣрствомъ, и любовь—неистовствомъ. Жизнь претворялась въ горящую необузданность.

Добрые буржуа резиденціи были такъ ошеломлены, словно ихъ повели на штурмъ черезъ площадь ратуши.

Марія-Каролина прижималась въ уголь своей

ложи. Она испытывала робкое удивленіе, тоскливое отвращеніе, и не знала, на что ихъ направить. И она сидѣла, какъ глухая, которая изо всѣхъ силъ старается услышать, и глядѣла на всѣхъ этихъ людей, тамъ, на сценѣ.

Голосъ Іосифа Кайма господствовалъ надъ всѣми другими.

Иногда звучалъ онъ переливчато мягкій и прельстительно сладкій, какъ музыка,—вотъ какъ теперь, когда Донъ-Карлосъ говорилъ съ королевою.

И съ любопытствомъ смотрѣла ея высочество на Донъ-Карлоса, который преклонялъ колѣни передъ своею возлюбленною,—на его ликъ, который, сіяя, обращался къ ней, на уста, съ которыхъ слетали такія слова, на голову, которая такъ низко склонялась, когда онъ цѣловалъ ея руку. И долго, съ удивительною радостью, закрывъ глаза, удерживала передъ собою ея высочество его образъ.

Но дѣйствіе продолжалось. И яростно боролась Эболи за Карлоса, и Карлъ проклиналъ своего отца и клялся быть его врагомъ, и Роза шла на смерть, добродѣтельная Роза.

Ея высочество едва понимала слова. Но она слышала мятежные голоса словно въ большомъ хорѣ и чувствовала томительный страхъ, какъ будто бы ея дыханіе прерывалось, и біеніе сердца въ ея груди останавливалось.

Когда занавѣсъ упалъ и пьеса окончилась, ея высочество осталась на своемъ мѣстѣ и смотрѣла, какъ безумная, на занавѣсъ, который вдругъ потемнѣлъ, и на желѣзную преграду, которая медленно, подобная черной стѣнѣ, опускалась и тяжело упала на полъ. Ея высочество поднялась и, склоняясь надъ барьеромъ ложи, смотрѣла въ полумракъ на пустое пространство съ поднимающимися вверхъ мѣстами.

Госпожа фонъ-Пельницъ имѣла зимою мѣсто въ первомъ ярусѣ, противъ герцогской ложи. Она одѣвалась, стоя въ открытыхъ дверяхъ ложи. Госпожа фонъ-Пельницъ оставила пенсне подъ вуалью на носу.

Лакей отдернулъ портьеру аванложи. Принцесса повернулась и прошла мимо него. Она отправилась домой.

Его высочество герцогъ ждалъ ея высочество, чтобы сыграть партію въ пикетъ. Онъ сидѣлъ, барабаня пальцами по ломберному столу, и каждая полминуты смотрѣлъ на часы.

— Одиннадцать часовъ—сказалъ его высочество.

Онъ уже держалъ карты въ рукѣ.

— Да, ваше высочество.

Марія-Каролина сѣла, и его высочество сдалъ карты. Они играли, не говоря ни слова: сдавали карты, ходили и крыли.

Лакей прокрался съ чайнымъ сервизомъ черезъ комнату. Вязальныя спицы графини фонъ-Гартенштейнъ тихо звякали. Ихъ высочества кончали игру.

Когда игра была кончена, его высочество собралъ карты.

— Уже поздно,—сказалъ онъ.

— Половина двѣнадцатаго,—сказала ея высочество.

Она встала и подошла къ оконной нишѣ. На одну минуту прижалась къ рамѣ своею отяжелѣвшею головою.

— Ваше высочество, чай,—сказала графиня фонъ-Гартенштейнъ.

— Благодарю васъ. Да, я иду.

Августѣйшія особы молча пили свой чай.

Ея высочество пожелала принести изъ собственныхъ покоевъ герцога одну книгу, прежде чѣмъ удалиться къ себѣ. Лакей со свѣчею въ рукѣ шелъ передъ нею.

Ея высочество подошла къ полкѣ и машинально достала книгу изъ библіотеки его высочества герцога. Она положила ее на столъ и, пока лакей ждалъ, стоя съ высокоподнятымъ канделябромъ, она разсматривала „Марію-Антуанету передъ ея отправленіемъ въ темницу“.

Она разсматривала лица и фигуры съ сжатыми руками.

Изъ-за мятежниковъ она видѣла лицо королевы. Какъ гордо и царственно шла она посреди черни! Лицо ея сіяло почти невозмутимымъ спокойствіемъ.

Марія-Каролина отвела глаза отъ картины, и оглядывала собственные покои его высочества герцога.—И казалось ей, что ея мать смотритъ на нее изъ каждаго угла.

Она видѣла ее тамъ, сидящую на высокой софѣ время первой имперіи, прямую, и красивую, и спокойную,—руки съ унизанными кольцами пальцами уронившую на колѣни,—въ то время, какъ она, маленькая дѣвочка, передъ своею матерью герцогинею, стоитъ и лепечетъ Лафонтенову басню,—и *mademoiselle* сзади сидитъ на своемъ стулѣ и шевелитъ губами за словами басни, словно хочетъ суфлировать принцессѣ.

И когда басня бывала кончена, ея высочество герцогиня слегка склоняла голову и говорила:

— Хорошо, очень хорошо.

И Марія-Каролина кланялась, въ то время, какъ герцогиня, ея мать, тихо касалась губами ея лба.

Марія-Каролина уходила. И герцогиня протягивала *m-lle Leterrier* руку для поцѣлуя и повторяла:

— Дѣло идетъ очень хорошо.

Ея высочество слышала ясный, всегда спокойный голос герцогини, ея матери, и видѣла строгую и неуютную мебель съ вазами, и золотыя гирлянды, и картины, висѣвшія симметрично на стѣнахъ.

Марія-Каролина глубоко вздохнула, словно сбросивъ съ себя тяжелое бремя, и повернулась взять со стола книгу. Ея взоры опять упали на Марію-Антуанету. И она почувствовала вдругъ отвращеніе и гнѣвъ къ этому народу съ его галдѣніемъ.

Ея высочество оставила „собственные покои его высочества герцога“ и молча простилась со статсъ-дамой фонъ-Гартенштейнъ, которая ждала ее въ желтой залѣ.

Но пока камеръ-юнгфера заплетала передъ зеркаломъ ея волосы, нашло опять на нее мучительное безпокойство. Она отпустила камеръ-юнгферу и легла въ постель. Но безпокойно металась она и не могла заснуть. Она постоянно слышала эти страстные голоса, какъ будто они зывали къ ней,—и пульсъ ея все бился.

Она брала со столика „Донъ Карлоса“ и начинала читать.

Она читала все то же, что бы она ни открыла.

Это были вѣчно тѣ же самыя слова: Любовь—Человѣчество—Свобода, сказанныя все тѣмъ же голосомъ.

Она кончала чтеніе, и книга падала на столъ.

Ея голова была такъ тяжела отъ безсильныхъ мыслей.

Она не могла разобраться во всѣхъ этихъ чуждыхъ вещахъ. Она ощущала бьющуюся, какъ отъ страха, въ ея жилахъ кровь.

Она опять начала читать, и внезапно остановилась.

Она сѣла на кровать, и книга легла на ея колѣни. Опять перечитывала она слова герцога королевѣ:

Ich bin

Der Meinung, Ihre Majestät, dass es
So Sitte war, den einen Monat hier,
Den andern in dem Pardo auszuhalten,
Den Winter in der Residenz, so lange
Es Könige in Spanien gegeben..

Ея высочество уронила книгу. Она больше не видѣла ни одной буквы; слезы ослѣпили ея глаза.

Она чувствовала глубоко томительную, безсильную печаль,—неутолимую печаль.

Она плакала долго, и высохли наконецъ слезы; устало протянула она руку за другою книгою. Камеръ-юнгфера положила нѣсколько книгъ на столъ у ея постели.

Она раскрыла одну изъ нихъ. Это было родословное дерево Габсбурговъ.

Она читала страницу за страницей и перерывала листъ за листомъ.

Это были все тѣ же самыя имена и тѣ же титулы въ нескончаемомъ рядѣ поколѣній.

Ея высочество глубоко заснула, склонившись надъ родословнымъ деревомъ Габсбурговъ.

Его высочество наслѣдный принцъ получалъ длинныя сентиментальныя письма отъ своей сестры.

Они приходили къ нему утромъ, и онъ перелистывалъ ихъ страницы, наслаждаясь своею первою сигарою.

Его высочество выпускалъ изъ-подъ усовъ кольцами голубые клубы дыма.

— *Pauvre enfant!*

И со вздохомъ вытягивалъ наслѣдный принцъ свои кавалерійскія ноги и вкушалъ послѣдній глотокъ кофе.

— *Pauvre enfant!*

Ея высочество принцесса Марія-Каролина была, въ самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ здорова. Гофъ-медикъ настойчиво совѣтовалъ дѣлать больше движеній.

Ея высочество совершала большія прогулки верхомъ на свѣжемъ весеннемъ воздухѣ.

Ея высочество ѣздила такъ неровно, что ея лакею приходилось быть очень внимательнымъ: то—карьеромъ, а то опять шагомъ...

Она пріѣхала на мельницу. Анна-Лиза вынесла ей стаканъ молока.

Ея высочество выпила молоко и замедлила передъ дверью. Безсознательно взглянула она на покрытое пѣною колесо.

Она тихо вздрогнула и возвратила стаканъ Аннѣ-Лизѣ.

— Какая вы блѣдная,—сказала она.—Вамъ нездоровится?

Ее поразило, какъ поблѣднѣла и похудѣла Анна-Лиза.

Она не слушала отвѣта Анны-Лизы. Она смотрѣла опять на пѣнящуюся на колесѣ воду.

— Это отъ весны,—сказала ея высочество.

Анна-Лиза сдѣлала реверансъ ея высочеству, которая на прощанье кивнула ей головою.

Ея высочество поѣхала черезъ мостъ. У поворота она еще разъ оглянулась. Анна-Лиза стояла на площадкѣ лѣстницы и смотрѣла на принцессу, прикрывъ глаза рукою.

Быль еженедѣльный обѣдъ. Августѣйшія особы и ихъ гости пили кофе въ желтой залѣ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина раз-

говаривала у одного изъ оконъ съ главнымъ лѣсничимъ о деревьяхъ, которыя по своему виду должны были нравиться.

— Да, никто не знаетъ лѣса такъ хорошо, какъ ваше высочество,—говорилъ главный лѣсничій.

— Да, вѣдь, я съ самаго дѣтства постоянно ѣзжу тамъ верхомъ.

Ея высочество смотрѣла въ садъ. Придворный актеръ Каймъ съ двумя дамами поднимался по дорогѣ.

— Какъ пріятенъ воздухъ,—сказала ея высочество.

Она открыла окно.

— Какъ въ юнѣ.

Она высунулась изъ окна. Съ террасы ясно слышны были голоса.

— У лѣсной мельницы еще красивѣе,—сказала она опять, оглядываясь на главнаго лѣсничаго.

— Я знаю, что вашему высочеству тамъ нравится,—сказалъ онъ.

Они помолчали немного. Принцесса Марія-Каролина продолжала смотрѣть въ садъ.

— У нихъ горе, на лѣсной мельницѣ,—сказалъ главный лѣсничій.

Ея высочество не сразу отвѣтила.

— Горе? — спросила она, какъ будто слову надо было совершить длинный путь, чтобы дойти до нея.

— Развѣ ваше высочество не слышали, что Анна-Лиза, эта молодая дѣвушка, которая имѣла честь...

— Анна-Лиза, что съ нею?

— Ее нашли... вчера утромъ, ваше высочество,—да, это очень печально,—въ мельничномъ ручьѣ.

Ея высочество обернулась.

— Въ ручьѣ, говорите вы?

Какъ эти тамъ, внизу, смѣются!

— Да, ваше высочество, вчера.

— Но я еще видѣла ее третьяго дня, во время моей прогулки.

— Это случилось вечеромъ,—третьяго дня вечеромъ.

— Вечеромъ,—сказала ея высочество.

Она вспомнила, какъ стояла передъ ея лошадыю Анна-Лиза, такая блѣдная, съ впалыми глазами.

— Какая причина?—спросила она.

— Когда девятнадцатилѣтняя особа кидается въ воду, то здѣсь обыкновенно въ игрѣ участвуетъ несчастная любовь.

Ея высочество стала совсѣмъ блѣдная. Неотступно видѣла она передъ собою Анну-Лизу, такую блѣдную и опечаленную. И она вдругъ вспомнила, какъ она взглянула на покрытое пѣною мельничное колесо, и бессознательно сказала:

— Это, конечно, весна.

И нервно,—все время слышала она этотъ смѣхъ и голосъ Іосифа Кайма,—она опять повернулась къ окну.

— Какъ они смѣются!—сказала она.—Бѣдная!

И Марія-Каролина словно не видѣла ни деревьевъ, ни террасы, ни неба.

— Бѣдная!—сказала она опять.

Ея высочество простилась съ главнымъ лѣсничимъ, кивнувъ ему головою.

На слѣдующее утро принцесса Марія-Каролина поѣхала верхомъ на лѣсную мельницу. Большое деревянное колесо стояло тихо; двери и ворота были закрыты. Марія-Каролина сошла съ лошади и поднялась по лѣстницѣ.

Она открыла дверь и вошла. Немного прошла впередъ и остановилась. Старикъ и старуха сидѣли на скамьѣ между окнами. Тихо сидѣли они рядомъ другъ съ другомъ.

Старый мельникъ прислонился головою къ стѣнѣ и вздыхалъ.

— Да, Іоганнъ, да,—говорила жена, словно утѣшая ребенка.—Да, да.

И потомъ опять оба молчали, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Мать вытирала слезы рукою.

Марія-Каролина тихо отвернулась и открыла дверь на лѣстницу.

Ея высочество ѣхала отъ тихой мельницы черезъ мостъ.

Берега ручья были зелены. Поверхность спокойной воды блестѣла на солнцѣ. Тамъ умерла Анна-Лиза. Ея высочество мчалась со своимъ лакеемъ по лѣсу.

Это было на слѣдующій день послѣ представленія „Ромео и Юліи“.

Госпожа фонъ-Пельницъ брала урокъ у *mademoiselle Leterrier*. Пришла и графиня фонъ-Гартенштейнъ. Ей надо было „поговорить съ человѣкомъ, моя милая“.

— Я, вѣдь, это видѣла, — сказала г-жа фонъ-Пельницъ. — Ея высочество встала сейчасъ же послѣ сцены у балкона.

— И ушла одна, съ однимъ лакеемъ.

— Домой?—спросила *m-lle Leterrier*.

— Въ замкъ видѣли ея высочество въ одиннадцать часовъ, моя милая.

— Въ одиннадцать часовъ?

M-lle Leterrier такъ растягивала слова, словно хотѣла ими пригвоздить всѣ преступленія, которыя могли быть совершены отъ сцены у балкона до одиннадцати часовъ.

— Какой видъ имѣла ея высочество? — опять спросила *mademoiselle*.

— Я ее не видѣла, — графиня фонъ-Гартенштейнъ была совершенно подавлена, — ея высочество была безъ всякой охраны.

— Это все г. Каймъ,—сказала госпожа фонъ-Пельницъ,—разстраиваетъ нервы ея высочества. Она сняла пенсне.

Ея высочество была очень блѣдна, когда послѣ сцены у балкона вышла изъ ложи.

Лакей, который сидѣлъ въ аванложѣ, проснулся.

— Пойдемте,—сказала ея высочество.

Ея высочество спустилась по лѣстницѣ и вышла черезъ вестибюль. У нея была только вуаль на головѣ и мантиль на плечахъ.

Она прошла черезъ театральнй паркъ на аллею къ дворцовому парку. Она открыла дверь въ розовый садъ дяди Оттона-Георга, — кусты были голы,—безъ листьевъ,—и взошла на террасу.

Она шла торопливо, лакей слѣдовалъ за ея высочествомъ на разстоянн десяти шаговъ; онъ шелъ съ неподвижнымъ станомъ и съ такимъ же точно лицомъ, съ какимъ онъ служилъ за обѣдомъ.

Ея высочество шла и шла. Она должна была идти. И словно на каждомъ шагу она топтала что-то своими каблуками.

Иногда прижимала она руку къ груди, точно ей тяжело было дышать. И она шла все медленнѣе, опустивъ голову, склонивъ къ землѣ взоры, шла совсѣмъ тихо.

Лобъ ея высочества пылалъ. Размышленія были для Маріи-Каролины такъ непривычны; это было для нея, какъ большая печаль. Она поднималась по лѣстницѣ, до верхней террасы.

Она прошла нѣсколько шаговъ и остановилась. Мѣсяцъ былъ на половину скрытъ за облаками. Внизу неясною ложбиною лежалъ садъ, ограниченный громадою замка. На небѣ и облакахъ рѣзко вырисовывалась его длинная, строго очерченная кровля. Ея высочество стояла неподвижно и смотрѣла на герцогскій замокъ.

Лакей стоялъ на разстояніи десяти шаговъ. Онъ стоялъ, какъ часовой подъ ружьемъ.

У ея высочества не было никакихъ мыслей. Слова, — пламенные слова, — словно втѣснялись въ ея сознаніе. Печаль, — она знала, что это была за печаль, — пронзала ее внезапными уколами.

Ея высочество видѣла только длинныя, зеленыя линіи замка, который лежалъ у ея ногъ.

И въ то время, когда она смотрѣла на эту зелень, видѣла она передъ собою образъ дяди Оттона-Георга. Она видѣла его, какъ онъ сидѣлъ въ голубой залѣ передъ огнемъ, оперевъ на руки худое, острое лицо; блѣдный смотрѣлъ онъ на огонь своими широко раскрытыми глазами.

И она чувствовала, какъ рука дяди Оттона Георга ласково скользитъ по ея волосамъ, и она

слышала, какъ онъ, съ улыбкою склоняясь къ ней, тихо, почти шопотомъ говоритъ:

— *Pauvre enfant—pauvre enfant!*

Лакей переминался съ ноги на ногу.

Ея высочество повернулась и пошла обратно по террасѣ. Съ большихъ замковыхъ часовъ раздалось въ ночной тишинѣ много ударовъ.

Она вдругъ почувствовала себя такою усталою, спустившись съ лѣстницы.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ, и дорога въ розовый садъ дяди Оттона-Георга ясно мерцала.

Ея голова пылала, и ноги словно уже не носили ее.

Вдругъ она увидѣла лакея; онъ шелъ мимо нея, чтобы открыть двери, — она совсѣмъ забыла о немъ. Онъ стоялъ въ полосѣ свѣта, повернувшись къ ней бокомъ, со шляпой въ рукѣ, стройный и молодой. Это поразило Марію-Каролину, и она остановилась на одинъ моментъ.

Лакей повернулся и слегка поднялъ на нее взоръ.

— Заприте, — сказала ея высочество принцесса Марія-Каролина и прошла въ дверь мимо него.

Лакей заперъ дверь.

Ея высочество приказала камеръ-юнгферѣ зажечь канделябръ на каминѣ.

Она послала сказать его высочеству герцогу, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ.

— Можете итти, мнѣ васъ не надо.

Лакей прохаживался по коридору.

— Гдѣ вы сейчасъ были? — спросила камеръ-юнгфера.

— На террасѣ, барышня.

— Какъ? Францъ, вы несносны! Что тамъ понадобилось ея высочеству?

— Мы ходили.

— Ходили?

— Да, и стояли, какъ статуи.

— И мечтали, глядя на луну, да?

— Я не видѣлъ никакой луны, барышня.

Лакей въ темномъ коридорѣ похитилъ отъ камеръ-юнгферы поцѣлуй и потомъ еще нѣсколько.

— Идіотъ,—сказала она и убѣжала отъ него.

Камеръ-юнгфера вернулась въ покои ея высочества принцессы Маріи-Каролины. Она была увѣрена, что услышитъ тамъ плачь ея высочества.

Директоръ придворнаго театра былъ приглашенъ къ столу.

Директоръ говорилъ о будущемъ сезонѣ и о перемѣнахъ въ личномъ составѣ.

— Г. Іосифъ Каймъ получилъ приглашеніе въ Дрезденъ,—сказалъ директоръ.

Онъ сидѣлъ *vs-à-vis* ея высочества.

— Онъ хорошо пойдётъ,—сказаль его высочество герцогъ.

— Онъ ставить большія требованія,—сказаль директоръ.

Его высочество герцогъ положиль себѣ карпа.

— Очень большія.

Ея высочество заинтересовалась созерцаніемъ льдинки, которая плавала въ ея бѣломъ винѣ.

— Да, г. Каймъ—будущее свѣтило,—сказаль директоръ.

— Когда придетъ будущее,—его высочество улыбался,—онъ, конечно, наостритъ лыжи,—такъ пусть теперь уходитъ,—по мнѣ его рыканіе слишкомъ громко.

Директоръ молчалъ и посматриваль изъ-за своего прибора на ея высочество.

— Да,—сказала она,—г. Каймъ дѣйствительно большой талантъ.

Ея высочество продолжала разсматривать льдину въ своемъ стаканѣ бѣлаго вина.

— У него, конечно, большая будущность.

— Навѣрное...—теперь пришла очередь директора брать синихъ карповъ.—Я въ этомъ увѣренъ.

— Гм...—сказаль его высочество герцогъ,—по всему видно.

Въ тотъ же вечеръ прошеніе придворнаго актера г. Юсифа Кайма объ отставкѣ отъ службы

въ герцогскомъ придворномъ театрѣ было милостиво принято.

Г. Давидъ фонъ-Пельницъ забылъ надѣть свои галоши, — такъ торопился онъ изъ театра домой.

Сперва г. фонъ-Пельницъ сѣлъ ѣсть. Г. фонъ-Пельницъ имѣлъ всегда отличный аппетитъ, и каждый вечеръ пилъ три кружки чая. Г. фонъ-Пельницъ остерегался пить пиво, чтобы не приобрести несвойственной героическимъ ролямъ фигуры.

— Милый другъ,—говорилъ г. Пельницъ,— пиво—мой любимый напитокъ, но, милый другъ, чего не сдѣлаешь ради искусства.

Г. фонъ-Пельницъ выпилъ вторую кружку. Онъ начиналъ чувствовать себя все лучше.

Онъ положилъ руки на столъ и пристально глядѣлъ на госпожу фонъ-Пельницъ.

— Марианна,—сказалъ онъ,—знаешь ли ты, что случилось?

Кто не зналъ г. фонъ-Пельница, тотъ могъ бы подумать, что рѣчь идетъ о какой-нибудь мировой катастрофѣ.

Госпожа фонъ-Пельницъ сказала сухо:

— Нѣтъ, Давидъ.

— Милая Марианна,—г. фонъ-Пельницъ смотрѣлъ передъ собою широко раскрытыми глазами,—можно ли это было предвидѣть?

Г. фонъ-Пельницъ сдѣлалъ паузу и хлопнулъ ладонью по столу.

— Ничего нельзя было предвидѣть, Марианна, — сказалъ онъ.

Г. фонъ-Пельницъ откинулся на спинку стула.

— Нѣтъ, никто ничего не предвидѣлъ, — повторялъ онъ. — Почему же ты не спросишь, о чемъ я говорю?

— О чемъ ты говоришь?

Жена начала раздражаться.

— Г. Каймъ получилъ отставку.

Г. фонъ-Пельницъ сложилъ руки надъ тарелкой.

— Скотина, — сказала госпожа фонъ-Пельницъ.

— Скоть?

— Я говорю: скотина, — сказала госпожа фонъ-Пельницъ.

Госпожа фонъ-Пельницъ пользовалась въ подобныхъ обстоятельствахъ очень сильными выраженіями.

— Ты кончилъ, Давидъ? — спросила госпожа фонъ-Пельницъ.

— Да.

Г. фонъ-Пельницъ спокойно поднялся и придвинулъ стулъ къ столу.

— Спасибо за обѣдъ, дитя мое.

Г. фонъ-Пельницъ развалился въ своемъ креслѣ.

Онъ молча постучалъ по той части тѣла, гдѣ у большей части людей обитаетъ разумъ.

Было четырнадцатое мая, день наканунѣ закрытія сезона въ придворномъ театрѣ.

Ея высочество отправилась обѣдать въ горы, въ охотничій замокъ. Графиня фонъ-Гартенштейнъ была нездорова. Ея высочество была одна. Она сѣла въ угловомъ залѣ у окна внутренняго балкона.

Это было любимое съ дѣтства мѣсто ея высочества.

Высоты понижались постепенно. Свѣжіе листья липы блестѣли ясно между елями и соснами. Внизу виднѣлась долина съ разбросанными по ней крестьянскими домами и полями, которые были пересѣчены изгородями, какъ темными чертами. Здѣсь и тамъ рѣдкія деревья,—и рѣка въ голубой дали. Облако легкаго тумана восходило по вечерамъ надъ ея теченіемъ.

Противоположныя высоты еще свѣтились на солнцѣ. Казалось, что онѣ лежатъ совсѣмъ близко; вымазанные бѣлою известкою крестьянскіе дворы съ высокими тополями бросали длинныя тѣни на горы, поля и лѣсистые склоны; все было озарено розовымъ свѣтомъ солнца.

Высоты и долина составляли всю герцогскую область.

Большой колоколь въ воротахъ замка зазвонилъ, и ея высочество услышала шаги кастелляна, который шелъ черезъ дворъ замка.

Она слышала, какъ открылись ворота, и до нея доносились чьи-то голоса.

Кастеллянъ шелъ дворомъ обратно.

— Кто тамъ?—спросила Марія-Каролина.

— Это одна компанія, которая очень хотѣла бы осмотрѣть замокъ. Я сказалъ, что спрошу позволенія вашего высочества.

— Конечно, они могутъ осмотрѣть замокъ,—сказала Марія-Каролина.

Она осталась у того же окна, когда кастеллянъ пошелъ назадъ по двору.

Ея высочество отошла на нѣсколько шаговъ, когда увидѣла Юсифа Кайма. Постояла около стола, потомъ поспѣшно пошла къ дверямъ.

Посѣтители были уже на лѣстницѣ. Ея высочество опустилась на нѣсколько ступеней и остановилась.

Было семь - восемь человѣка: люди изъ театра.

Дамы сдѣлали реверансъ, и мужчины остановились кланяясь.

Ея высочество держалась за перила.

— Мнѣ доставить удовольствіе показать вамъ замокъ,—сказала она.

Посѣтители стояли, слегка смущенные. Одна

изъ дамъ нашлась первая и выразила свою благодарность.

— Подымитесь, пожалуйста, по лѣстницѣ, — сказала ея высочество.

Вошли въ столовую. Ея высочество знала по имени каждаго изъ посѣтителей, помнила ихъ по театру.

Актеры отвѣчали ей почтительнымъ шопотомъ. Постепенно они осваивались съ положеніемъ, но они продолжали отвѣшивать чопорные поклоны и выражали нѣсколько преувеличенный интересъ, слишкомъ широко раскрывая глаза.

Дамы испускали передъ каждымъ предметомъ короткое, по разному звучащее „ахъ“. Іосифъ Каймъ оставался позади другихъ. Онъ заставался передъ окнами и наконецъ остановился во внутреннемъ балконѣ.

На нѣсколько вопросовъ, съ которыми къ нему обратилась ея высочество, онъ отвѣчалъ только „да“ и „нѣтъ“.

Ея высочество рассказывала о прострѣленномъ знамени, которое было повѣшено высоко на стѣнѣ. Это былъ трофей тридцатилѣтней войны.

Остальные пошли дальше. Іосифъ Каймъ остановился, засунувъ руки въ карманъ своей куртки, и рассматривалъ знамя.

Въ картинной галлерей ея высочество рассказывала о картинахъ. Всѣ остановились передъ картиною, гдѣ была изображена Марія Стюартъ.

— Какой у нея жалкій видь!—вырвалось у плѣшиваго комика.

— Да, она была не красива,—сказала ея высочество.

Вино было принесено въ столовую, рейнвейнъ въ большомъ холодильнике.

Ея высочество просила ихъ выпить по бокалу за веселое лѣто. Посѣтители почувствовали себя очень польщенными и поспѣшили вернуться въ столовую. Вино было розлито. Ея высочество чокалась со всѣми. Дамы читали шопотомъ надписи на старогерманскихъ бокалахъ, а мужчины осматривались по сторонамъ, отъ удовольствія щелкая языками.

Это было совершенно обыкновенное столовое вино. Начинало смеркаться. Новая бутылка была опущена въ холодильникъ, и дамы и мужчины, болтая, стали вокругъ. Плѣшивый комикъ острилъ вполголоса, въ надеждѣ, что ея высочество его услышитъ, и исполнялъ „свое движеніе“, крученіе протянутой въ воздухъ руки, которое онъ кончалъ громкимъ шлепкомъ по своему толстому брюху. Галлерей покатывалась со смѣху, когда онъ исполнялъ свое движеніе.

Ея высочество никогда не имѣла склонности къ смѣшному. Со стаканомъ въ рукѣ она прошла мимо внутренняго балкона въ башню; дверь изъ столовой стояла открытая.

Ея высочество слегка вздрогнула.

— Вы здѣсь,—сказала она,—г. Каймъ, вы стоите здѣсь одинъ.

— Я смотрѣлъ,—сказалъ г. Каймъ.

Короткія предложенія всегда выходили такъ странно отрывистыми. Онъ почти всегда забывалъ говорить по всякому поводу „ваше высочество“.

— Вы, конечно, никогда не видѣли нашихъ драгоценностей, господинъ Каймъ? — спросила ея высочество, послѣ того, какъ они оба молчали нѣсколько времени, и уже онъ собирался отойти.

— Драгоценностей, ваше высочество?

Ея высочество достала изъ ларца связку ключей и начала открывать маленькій вдѣланный въ стѣну шкафъ.

— Не входить,—сказала она.

Наконецъ, ей удалось открыть дверцу шкапа.

— Да, вотъ нашъ музей.

Каймъ стоялъ, склонивъ голову, въ четырехъ или пяти шагахъ отъ нея.

Ея высочество достала изъ шкапа маленькій письменный приборъ.

— Это принадлежало Наполеону, — сказала она и протянула Кайму приборъ.

Онъ взялъ его и разсматривалъ.

— Да, вотъ...

Онъ неловко стоялъ въ томъ же разстояніи отъ ея высочества и вертѣлъ чернильницу въ рукахъ.

Ея высочество смотрѣла на него сбоку, когда онъ разсматривалъ эту рѣдкость, держа ее своими большими руками.

— Да, вотъ,—сказалъ онъ опять, и поставилъ приборъ на столъ.

Марія-Каролина невольно улыбалась, ставя Наполеонову чернильницу обратно въ шкафъ. И улыбаясь чувствовала она глубочайшую печаль всей своей жизни.

— Да, — сказала она, — она служила ему во время русской войны.

Не знала она, что скажетъ, раньше, чѣмъ услышала звукъ словъ, донесшійся къ ней словно изъ широкой дали.

Ея высочество вынула изъ шкапа маленькій золотой жезлъ.

Іосифъ Каймъ ощупалъ камни, которые нанизаны были вѣнцомъ вокругъ жезла.

— Это скипетръ,—сказала Марія-Каролина. — Онъ принадлежалъ Маріи Стюартъ.

Это поразило Іосифа Кайма.

— Маріи Стюартъ,—сказалъ онъ.

Со скипетромъ въ рукѣ онъ подошелъ къ окошку.

Было почти темно, такъ что они едва могли

видѣть лица одинъ у другого, хотя стояли очень близко рядомъ.

Иосифъ Каймъ нѣсколько отдалилъ отъ себя скипетръ и продолжалъ его разсматривать.

Тамъ въ столовой комикъ опять „что-то сказалъ“. Остальные громко смѣялись.

— Вы оставляете насъ, господинъ Каймъ,— сказала ея высочество тихо, какъ говорятъ въ темнотѣ.

— Да,—сказалъ онъ,— я перехожу въ Дрезденъ.

Онъ стоялъ все еще со скипетромъ въ рукѣ.

— Да,—сказалъ онъ еще разъ.

Что ей въ этомъ? Онъ говорилъ глубокимъ, своеобразно звучащимъ голосомъ.

Ея высочество вздрогнула.

— Нѣтъ,—сказала она тихо.

Иосифъ Каймъ протянулъ скипетръ ея высочеству.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ, — гмъ... они...—есть нѣчто особенное въ такихъ старыхъ вещахъ.

Ея высочество задрожала, прикоснувшись къ холодному золоту скипетра. Въ темнотѣ ея лицо было такъ блѣдно.

Они оба молчали. Тамъ навѣрное опять повторялъ комикъ свое движеніе.

— Желаю вамъ всего возможнаго счастья,

господинъ Каймъ,—сказала ея высочество и сдѣлала одинъ шагъ къ нему.

Иосифъ Каймъ взглянулъ на нее. Никогда раньше онъ не думалъ, что голосъ ея высочества можетъ быть такимъ благозвучнымъ.

— Я обязана вамъ, — голосъ ея звучалъ все нѣжнѣе, — такую большую благодарностью за эту зиму, такую большую...

Ея высочество протянула руку. Но Каймъ не видѣлъ этого въ темнотѣ. Онъ только поклонился, когда Марія-Каролина наклонила голову.

Марія - Каролина на минуту прижалась къ стѣнѣ, раньше чѣмъ итти въ столовую выпить послѣдній бокалъ со своими гостями.

Посѣтители простились.

Снизу съ юрнаго склона слышался ихъ смѣхъ, ихъ пѣніе звучало.

— Она очень дурна, — сказалъ Иосифъ Каймъ. — Но прекрасный голосъ у нея, — удивительно мягкой органъ — такъ полно звучить.

Марія-Каролина стояла въ балконѣ. Она распахнула окно.

Надъ высотами и надъ долиной темнѣло. Казалось, что вся природа, лѣсъ и земля, излучали свѣжесть и благоуханіе.

Марія-Каролина высунулась далеко изъ окна.

Кастелянъ замѣшкался передъ воротами; теперь онъ ихъ затворилъ и возвращался черезъ дворъ. Марія-Каролина слушала пѣнiе тамъ внизу.

Оно постепенно затихало.

Стало совсѣмъ тихо и темно.

Ея высочество въ испугѣ обернулась. Показалось, что прошелъ кто-то сзади нея по комнатѣ.

Это было только знамя изъ тридцатилѣтней войны, которое при ея проходѣ развѣвалось и колотилось объ стѣну.

Ея высочество отправилась лѣсомъ домой.

Г. фонъ-Пельницъ за своей чайной кружкой возвѣстилъ новое событiе.

— Подумай только, Марианна,—ея высочество сама обводила ихъ всюду.

— Почему же ты не былъ съ ними? — спросила госпожа фонъ-Пельницъ.

— Милый другъ, кто же могъ это знать!

— Ты никогда ничего не знаешь, Давидъ,— сказала госпожа фонъ-Пельницъ нѣсколько рѣзко.— Дай мнѣ твою чашку.

Г. фонъ-Пельницъ получилъ третью чашку.

— Марианна,—это было сказано какъ торжественный призывъ, съ протянутой черезъ столъ

рукою, и г. фонъ-Пельницъ сдѣлалъ потомъ свою большую паузу.—Маріанна, — сказалъ онъ, — случается иногда...

— Что?—спросила госпожа фонъ-Пельницъ.

— Да, — сказалъ г. фонъ-Пельницъ и опять сдѣлалъ паузу, — когда напередъ знаютъ.

Госпожа фонъ-Пельницъ смотрѣла сверху внизъ на своего мужа. Его „toutret“ скривился на бокъ.

Пятнадцатаго мая было закрытіе сезона въ придворномъ театрѣ. Шли „Волны моря и любви“. Іосифъ Каймъ игралъ Леандера.

Замѣтка объ этомъ спектаклѣ въ „Вѣстникѣ Резиденціи“ заканчивалась такъ: „ея высочество принцесса Марія-Каролина оставалась до самаго конца представленія. Послѣ третьяго акта покидающему насъ молодому артисту, господину Іосифу Кайму, былъ поданъ отъ ея высочества великолѣпный лавровый вѣнокъ“.

На слѣдующій день герцогскій дворъ переѣхалъ на лѣтнее пребываніе въ итальянскій замокъ...

Лѣто прошло...

VI.

Въ эту осень справляли одно торжество за другимъ.

Его высочество наслѣдный принцъ Эрнестъ Георгъ былъ помолвленъ со своею кузиною, эрцгерцогинею Елисаветою, и вѣнчался въ октябрѣ. Бракосочетаніе происходило въ Вѣнѣ.

Его высочество герцогъ и ея высочество принцесса выѣхали за день до свадьбы въ Вѣну.

Эрцгерцогиня Елисавета была свѣтловолосая и тонкая, какъ тычинка. На ней было розовое платье. Его высочество герцогъ поцѣловаль ея два раза въ губы, и принцесса Марія-Каролина поцѣловала обѣ ея щеки.

Она постоянно улыбалась, говорила свои французскія фразы такъ, словно заучила ихъ наизусть по учебнику, и постоянно вытягивала верхнюю губу, чтобы закрыть слишкомъ большіе зубы.

Послѣ фамильнаго стола у ихъ императорскихъ высочествъ, августѣйшихъ родителей, сидѣли во внутреннихъ покояхъ.

Его высочество наслѣдный принцъ Эрнестъ Георгъ занималь свою невѣсту, которая сидѣла за столомъ, нагнувшись надъ вышивкой.

Принцесса Марія - Каролина разсматривала акварельные рисунки.

Она страдала отъ разговора помолвленныхъ, который звучаль такъ любезно и безсодержательно и часто прерывался паузами.

Марія-Каролина видѣла акварели словно сквозь вуаль.

Ея сердце было такъ полно и такъ сжималось.

За кофе эрцгерцогиня Елисавета на одну минуту остановилась въ оконной нишѣ. Марія-Каролина подошла къ ней.

Эрцгерцогиня Елисавета улыбалась, и онѣ стояли обѣ нѣсколько времени рядомъ и ощипывали листья большого растенія.

Наконецъ Марія-Каролина взяла руку эрцгерцогини обѣими руками, и сказала:

— Вѣрите ли вы,—она говорила задыхаясь и перейдя на нѣмецкій языкъ,—что вы будете счастливы?

Эрцгерцогиня вздрогнула, очень испуганная, и высвободила свою руку изъ рукъ Маріи-Каролины.

— *Mais oui, cousine, je suis heureuse,*—сказала она.

Принцесса Марія-Каролина отодвинулась на одинъ шагъ въ сторону, и нѣкоторое время онѣ молча стояли рядомъ и смотрѣли въ дворцовый садъ.

Въ десять часовъ августѣйшія особы возвратились въ свои покои.

Наверху, въ апартаментѣ его высочества герцога наслѣдный принцъ сказалъ герцогу:

— Покойной ночи.

И повернулся къ принцессѣ Маріи-Каролинѣ.

— Покойной ночи, Мися, — сказалъ онъ.

— Покойной ночи.

Принцесса Марія-Каролина положила свою руку на его локоть.

— Эрнестъ-Георгъ, — сказала она.

Такъ боязливо прозвучали эти слова.

Наслѣдный принцъ взялъ руку своей сестры; они тихо смотрѣли другъ на друга.

— Покойной ночи, Марія-Каролина, — сказалъ онъ.

Принцесса Марія-Каролина отвернулась. Она слышала громыханье его сабли по ковру, когда онъ уходилъ.

Его высочество герцогъ бросилъ карты на столъ.

Его высочество ждалъ своей партіи пикета передъ отходомъ ко сну.

— Марія-Каролина, — позвалъ его высочество.

Принцесса Марія-Каролина съѣла, и его высочество стасовалъ карты.

На слѣдующій день состоялось вѣнчаніе въ капеллѣ Гофбурга.

Ея императорское высочество эрцгерцогиня Елисавета во все время церемоніи сохраняла счастливую улыбку.

Послѣ свадебнаго завтрака молодая чета про-

щалась. Августѣйшая новобрачная надѣла дорожный костюмъ свѣтлаго нѣжно-зеленаго цвѣта и шляпу съ широкими полями и розовыми бантами.

Всѣ августѣйшія особы цѣловали ее въ щеку.

Ея высочество принцесса Марія - Каролина стояла у окна и смотрѣла на дворцовый дворъ, когда они уѣзжали.

Наслѣдный принцъ вель свою супругу къ каретѣ. Эрцгерцогиня, улыбаясь, кланялась лакеямъ, которые стояли у выхода.

Потомъ промчались черезъ дворъ нѣсколько борзыхъ собакъ и принялись прыгать на новобрачную.

Она высвободила руку изъ руки наслѣднаго принца и обняла собакъ. Онѣ лаяли и клали переднія лапы на ея грудь. Эрцгерцогиня прижалась головой къ собачьей шеѣ и стояла на дворѣ съ этими большими животными.

Когда августѣйшая новобрачная сѣла въ экипажъ, она заплакала, закрывая лицо тонкимъ кружевнымъ платкомъ. Лошади застучали копытами, и ворота дворца открылись и опять закрылись. Августѣйшая чета уѣхала.

Черезъ мѣсяцъ его высочество герцогъ милостиво соизволилъ назначить ея высочество принцессу Марію-Каролину аббатиссою благороднаго монастыря въ Эйзенштейнѣ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина совершила свой въѣздъ въ монастырь по древнему обычаю.

На станціи молодыя дѣвушки посинѣлыми отъ холода руками осыпали цвѣтами ея путь. Пожарные трубили въ свои рога и образовали почетную стражу.

Послѣ въѣзда въ монастырской капеллѣ было богослуженіе. На церковныхъ стульяхъ сидѣли старыя дамы, прямыя, какъ палки, въ своихъ орденскихъ одѣяніяхъ. Дѣвица фонъ-Зальценъ была введена маленькою игуменьей; состояніе здоровья благородной дѣвицы фонъ-Зальценъ все ухудшалось; теперь ея вѣки были парализованы, такъ что оба глаза были почти совсѣмъ закрыты. Пасторъ говорилъ на библейскій текстъ: „Возвѣщу радость мою о Господѣ“.

Среди проповѣди раздавались восклицанія престарѣлой дѣвицы фонъ-Зальценъ:

— Ахъ, да,—ахъ, да!

Послѣ богослуженія былъ приѣмъ въ орденскомъ залѣ.

Кресло аббатиссы стояло подѣ балдахиномъ съ герцогскими гербами.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина допустила дамъ къ цѣлованію ея руки.

Старыя дамы шагали одна за другою черезъ залъ, кланялись и наклоняли головы надъ рукою

ея высочества. Она слегка вздрагивала, когда старья, холодныя губы прикасались къ ней.

Ея высочество продолжала улыбаться и смотрѣла на старыхъ дѣвицъ, которыя пробирались обратно съ трясущимися головами.

Она слышала непрерывные возгласы „ахъ, да, ахъ, да“ старой дѣвицы фонъ-Зальценъ, и снова и снова наклоняла голову и чувствовала ихъ губы на своей рукѣ.

Игуменья, имперская графиня фонъ-Вальдекъ, прошла черезъ залъ къ балдахину. Она несла на красной подушкѣ ключъ отъ монастыря.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина испытывала такое ощущеніе, точно полъ подъ нею зашатался, когда она наклонилась и коснулась золотого ключа.

Съ низкимъ поклономъ приняла игуменья ключъ обратно. Ея длинный вуаль колыхался надъ подушкою и ключемъ.

— Ахъ, да, ахъ, да, — звучала въ залѣ тихая, къ себѣ самой обращенная рѣчь, старой фонъ-Зальценъ. На дворѣ заигралъ хоръ пожарной команды. Они играли свадебный маршъ изъ „Сна въ лѣтнюю ночь“, арранжированный для семи трубъ...

VII.

Ея высочество сидѣла въ своемъ углу, прислонясь къ спинкѣ кресла и подперевши голову ру-

кою. Книга соскользнула съ колѣнъ ея высочества на полъ. Она не слышала, какъ вошла камеръ-юнгфера.

Ея высочество опустила руку и вздрогнула. Было совсѣмъ темно.

— Здѣсь есть кто-нибудь? — спросила она.

— Это я, ваше высочество, — сказала камеръ-юнгфера.

— Ахъ, да, — ея высочество встала, — уже поздно.

Нельзя терять ни минуты.

— Зажгите, пожалуйста, свѣчи, — здѣсь, на каминѣ. Я иду сейчасъ.

Ея высочество смотрѣла на руки камеръ-юнгферы, пока она зажигала свѣчи.

— Сколько часовъ? — спросила она.

— Семь, ваше высочество.

— Уже семь! Хорошо, я сейчасъ иду.

Камеръ-юнгфера зажгла свѣчи и вышла.

Ея высочество смотрѣла въ зеркало, стараясь узнать, замѣтно ли, что она плакала. Передъ каминнымъ зеркаломъ она подперла голову рукою на одно мгновеніе, потомъ повернулась и отошла.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина велѣла одѣвать ее. Она надѣла темно-красное платье съ кружевами.

Въ половинѣ девятаго августѣйшія особы отбыли изъ итальянскаго замка на придворный праздникъ.

Господинъ и госпожа фонъ-Пельницъ были въ первый разъ приглашены ко двору. Г. фонъ-Пельницъ смотрѣлъ на это, какъ на вѣрнѣйшій знакъ того, что къ первому сентября онъ будетъ назначенъ директоромъ.

Г. фонъ-Пельницъ никогда еще не былъ такъ возбужденъ. Въ теченіе цѣлой недѣли раскланивался онъ съ любезными улыбками передъ всѣми зеркалами. Онъ уже въ шесть часовъ началъ свой туалетъ. Его желудокъ беспокоилъ его. Онъ не переносилъ подобныхъ волненій.

Г. фонъ-Пельницъ стоялъ въ помочахъ и разсматривалъ въ зеркало свои ноги.

— Большая ошибка, что при дворѣ не носятъ короткихъ панталонъ,—говорилъ г. фонъ-Пельницъ.—Но къ этому идетъ,—къ этому идетъ.

Г. фонъ-Пельницъ продолжалъ любоваться въ зеркалѣ обѣими своими ногами.

— Къ тому идетъ, — должны же, — г. фонъ-Пельницъ еще разъ углубился въ созерцаніе округлостей обѣихъ своихъ ногъ, — позволить намъ имѣть фантазію.

Г. фонъ - Пельницъ не пояснялъ, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ. Онъ скорчился отъ боли.

— Ты готовъ, Пельницъ?—спросила жена.

Господинъ и госпожа фонъ-Пельницъ сѣли въ карету.

— Да, но, Марианна, о чемъ разговариваютъ съ августѣйшими особами,—это..

— Если бы ты могъ, Давидъ, ограничиться только самымъ крайне-необходимымъ.

Г. фонъ-Пельницъ одну минуту сидѣлъ тихо.

Марианна, — сказалъ онъ, — черезъ два сезона мнѣ должны пожаловать крестъ.

Приглашенные ждали августѣйшихъ особъ въ „Залъ наслѣднаго принца“.

Первые по рангу стояли въ рядъ отъ двери къ двери. Остальные бродили на цыпочкахъ сзади нихъ. Супруга придворнаго аптекаря была въ лимонно-желтомъ платьѣ съ гирляндой изъ листьевъ папоротника вдоль вырѣза.

— Богъ знаетъ, понравится ли это, — сказала супруга придворнаго аптекаря своей сосѣдкѣ, которая подражала ей въ одеждѣ.

Придворная аптекарша хотѣла повязать кружевное fichu.

— Дворъ есть дворъ, уважаемая госпожа, — сказала сосѣдка и оправила листья папоротника на спинѣ придворной аптекарши.

— Поэтому и одранъ ѣдимъ да только мясо прячемъ, — сказала аптекарша.

Сосѣдка такъ испугалась, точно аптекарша ее

иглой кольнула. Ей никогда не доводилось произносить такія словечки.

Госпожа придворная аптекарша показала на балу тѣмъ соломоновскихъ прелестей.

Она стояла въ залѣ наслѣднаго принца рядомъ съ г. фонъ-Пельницомъ. Г. фонъ-Пельницъ довѣрилъ госпожѣ придворной аптекаршѣ свои желудочныя разстройства.

— Ужасно стѣснительно, милый другъ, ужасно стѣснительно, — и иногда, когда я новую роль играю...

У аптекарши были съ собою капли въ карманѣ.

— Я беру всегда съ собою маленькую бутылочку, — сказала придворная аптекарша. — Никогда не знаешь, что можетъ случиться.

Г. фонъ-Пельницъ принялъ въ уголкѣ противохолерныя капли.

Гофмаршалъ три раза стукнулъ своимъ железомъ, и дверь открылась; августѣйшія особы вышли въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Стало совсѣмъ тихо, всѣ присѣдали и кланялись, когда августѣйшія особы проходили мимо нихъ черезъ залъ.

Г. фонъ-Пельницъ очутился въ первомъ ряду и стоялъ рядомъ съ его превосходительствомъ фонъ-Куртомъ. Августѣйшія особы шли мимо.

Его высочество остановился, разговаривая съ его превосходительствомъ Куртомъ.

— Совершенно вѣрно, — сказала г. фонъ-Пельницъ.

— Это вы, мой любезный фонъ-Пельницъ? — спросилъ его высочество герцогъ. И ряды склонились опять на пути августѣйшихъ особъ.

Его высочество герцогъ проводилъ ея высочество принцессу Марію-Каролину на ея мѣсто въ зеленомъ залѣ.

Ея высочество принцесса принимала присутствующихъ дамъ.

Гофмаршалъ ждалъ стоя около ея высочества. Когда приемъ былъ оконченъ, ея высочество изволила приказать пригласить на первую кадрили оберъ-лейтенанта графа фонъ-Дюрхфельдъ.

„Торжество приняло обычное при нашемъ дворѣ великолѣпное теченіе“, — писалъ „Вѣстникъ Резиденціи“.

Газета не упомянула о маленькомъ несчастіи.

Въ концѣ вечера ея высочество принцесса Марія Каролина изволила оказать честь придворному актеру фонъ-Пельницу, пригласивъ его на вальсъ.

Тоурет г. фонъ-Пельница поднялся отъ сильнаго возбужденія.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина была очень милостива къ г. фонъ-Пельницу. Ея вы-

сочество бесѣдовала съ г. фонъ-Пельницомъ въ теченіе пятнадцати минутъ.

— Теперь, г. фонъ-Пельницъ, вы, конечно, возьмете роль короля Филиппа, не правда ли?

— Да, — и г. фонъ-Пельницъ поклонился, — да, старѣемъ, ваше высочество, — сказалъ онъ.

Ея высочество улыбалась.

— Да, — сказала она и одно мгновеніе смотрѣла прямо передъ собою. — Да, это вѣрно.

Ея высочество помнила еще хорошо въ Донъ-Карлосѣ фонъ-Пельница. Позже онъ игралъ роль маркиза Позы...

Да, ея высочество помнила.

— Это было тогда вмѣстѣ съ молодымъ человекомъ, — какъ его звали? — онъ былъ здѣсь такое короткое время.

— Господинъ Каймъ.

— Да, такъ... У него былъ большой талантъ. Что теперь о немъ слышно?

Г. фонъ-Пельницъ пожалъ плечами.

— Ваше высочество, въ Берлинѣ его называютъ великимъ.

Г. фонъ-Пельницъ поклонился нѣсколько неловко.

Можно было подумать, что легкій румянецъ окрасилъ щеки ея высочества. Но, можетъ быть, это былъ только отсвѣтъ отъ ея темно-краснаго платья, когда она наклонила голову.

— Да, такъ, такъ онъ сдѣлалъ карьеру?— спросила ея высочество.

Она протянула руку г. фонъ-Пельницу для вальса. И вотъ тогда это и произошло; г. фонъ-Пельницъ не понималъ, какъ это вышло. Во время вальса г. фонъ-Пельницъ упалъ съ ея высочествомъ подъ люстрой.

— Милая моя, чего же другого можно ожидать, если танцуютъ съ комедіантомъ,—говорила на другой день за кофе графиня фонъ-Гартенштейнъ m-lle Leterrier.—Но у ея высочества идеи.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ безмолвнымъ взглядомъ призвала небеса въ свидѣтели. Графиня фонъ-Гартенштейнъ уже давно усвоила привычку „молчать“ о высочайшихъ особахъ.

Ея высочество отнеслась къ происшествію добродушно. Юный референдарій подлетѣлъ помочь ея высочеству.

— Помогите только господину фонъ-Пельницу,— сказала она.

Г. фонъ-Пельницъ лежалъ на полу и барахтался какъ толстый майскій жукъ, котораго опрокинули на спину.

Вскорѣ послѣ этого пошли къ ужину.

Его высочество осушилъ бокалъ „за здоровье и благополучіе его дочери, ея высочества принцессы Маріи-Каролины, въ наступающемъ году и въ слѣдующіе годы“.

Г. фонъ-Пельницъ остался въ бальной залѣ. Онъ стоялъ прислонясь къ колонѣ и созерцалъ мѣсто своего несчастнаго приключенія.

Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина приказала открыть дверь на балконъ и вышла.

Вечеръ былъ пріятный, и звѣздно-ясное небо раскинулось надъ садомъ. Ракеты шипя летѣли въ вышину, описывали большія дуги и разрывались. Отраженіе ихъ въ видѣ канала искрилось, какъ падающій золотой дождь.

Марія-Каролина встала, завернувшись въ свою мѣховую накидку, оперлась о перила и смотрѣла сверху въ садъ, углубясь въ себя, до тѣхъ поръ, пока трескъ взрыва не разбудилъ ее.

Это были увѣнчанныя буквы М. К., зеленая и желтая.

М. и К. съ трескомъ догорали.

Принцесса смотрѣла на отраженные въ водѣ канала свои инициалы.

Корона держалась и еще пылала.

Казалось, что она скользитъ по неподвижной водѣ канала.

Ея высочество смотрѣла на изображеніе короны, пока она постепенно угасала.
